

В десятом выпуске альманаха Союза крымских армянских писателей «Родина в сердце» собраны лучшие произведения современных крымских армянских литераторов – поэтов, прозаиков, публицистов.

Ղրիմահայ գրողների միության «Հայրենիքը սրտում» ավանախի տասներորդ համարում զետեղված են ժամանակակից ղրիմահայ գրողների՝ բանաստեղծների, արձակագիրների, հրապարակախոսների ստեղծագործությունները:

ՀԱՅԴԵՆԻՔ ՍՐՏՈՒՄ   РОДИНА В СЕРДЦЕ
ՂՐԻՄԿԱՆ ԳՐՈՂՆԵՐԻ ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ
АЛМАНАХ

ՀԱՄԱՆԱԽ
10
АЛМАНАХ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

ՂՐԻՄԱՀԱՅ ԳՐՈՂՆԵՐԻ ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ
СОЮЗ КРЫМСКИХ АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ ՍՐՏՈՒՄ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

ԵԼՄԱՆԿԻ 10 АЛЬМАНАХ

Симферополь
Медиацентр им. И. Гаспринского
2020

УДК 821.19(477.75)
ББК 84(2Рос=Арм)6
Р 604

Одобрено Консультативным советом по изданию социально-значимой литературы на родных языках при Государственном автономном учреждении Республики Крым «Медиацентр им. Исаила Гаспринского». Издано при поддержке Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым за счёт средств федерального бюджета, бюджета Республики Крым, не подлежит коммерческому распространению

Р 604 **Родина в сердце.** Альманах № 10. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2020. – 164 с. : фото. – На русском и армянском языках.

ISBN 978-5-6044686-6-1

В десятом выпуске альманаха Союза крымских армянских писателей «Родина в сердце» собраны лучшие произведения современных крымских армянских литераторов – поэтов, прозаиков, публицистов. В рубрике «Лирика зрелости» со своими новыми сочинениями читателей знакомят уже известные по предыдущим выпускам мастера пера – Вячеслав Егиазаров, Анатолий Мирзоян, Александр Склярчук, Михаил Петросян, Станислав Ян, Рушан Пилосян, Вагаршак Мазлумян, Грачья Хачатрян, Татевик Азарян.

В «Новых голосах» помещены стихи Айказа Хачатуряна, а в рубрике «Наши гости» публикуется проза Зары Назарян, Мариам Чайлахян и Гаяне Погосян.

Ղրիմահայ գրողների միության «Հայրենիքը սրտում» ամսանախի տասներորդ համարում գետեղված են ժամանակակից Ղրիմահայ գրողների՝ բանաստեղծների, արձակագիրների, հրապարակախոսների ստեղծագործությունները:

Մուլտի-համարում «Հասուն քնար» խորագրի ներքո իրենց գործերն են ներկայացրել խոսքի հմուտ վարպետներ Վլադլավ Եղիազարովը, Անատոլի Միրզոյանը, Ալեքսանդր Սկյարուկը, Միքայել Պետրոսյանը, Ստանիսլավ Յանը, Ռուշան Փիլոսյանը, Վաղարշակ Մազումյանը, Հրաչյա Խաչատրյանը և Տաթևիկ Ազարյանը:

«Նոր ձայներ»-ում այս անգամ ևս տեղ են գտել Հայկազ Խաչատրյանի բանաստեղծությունները, իսկ «Մեր հյուրերը»-ում՝ Ջարահ Նազարյանի, Մարիամ Չայլախյանի և Գայանե Պողոսյանի արձակ ստեղծագործությունները:

УДК 821.19(477.75)
ББК 84(2Рос=Арм)6

ISBN 978-5-6044686-6-1

© **ОО РНКАККРК**, 2020

© **ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»**, 2020

Союз крымских армянских писателей (СКАП) – это союз единомышленников, объединённый благородной целью сохранить и развивать вековые традиции крымской армянской литературы, обогатить её новыми произведениями, популяризовать творчество современных мастеров пера, найти молодые таланты, поддержать их творческий потенциал.

Мы хотим жить и творить в мире и согласии с другими народами нашего полуострова, ценить и уважать культуру всех народов, прививая любовь и уважение к армянской культуре, в частности к литературе. Только таким образом мы сможем лучше понять друг друга, взаимно обогащать нашу культуру во имя мира и процветания нашего общего дома – Крыма.

Немного истории

Армянская литература в Крыму имеет многовековую историю. Начиная с XV века, здесь творили поэты Хачатур Кафаеци, Симеон Кафаеци, Мартирос Крымчян, Брганес Кафаеци, Вардан Кафаеци, Степанос Тохатеци, Хева Кафаеци. Известны имена поэтов XIX – XX веков Геворка Додохяна, Александра Цатуряна, Симеона Бабяна, Оноприоса Анопяна.

Развитие армянской литературы в Крыму продолжается и в наши дни. Крымскому читателю уже известны имена Георгия Меликова, Владимира Вартаняна, Еравнда Барашяна, Вячеслава Егиазарова, Петра Казанчанца, Марата Файзи (Саркисова), Анатолия Мирзояна, Александра Склярука, Вагаршака Мазлумяна, Гагика Зурабяна, Рушана Пилосяна.

Возникла необходимость объединить современных крымских литераторов – поэтов, прозаиков, публицистов. И в 2002 году была создана Ассоциация крымских армянских литераторов. Первым председателем стал её инициатор и организатор, поэт и переводчик Владимир Эммануилович Вартанян. После ухода из жизни В. Вартаняна в 2007 году ассоциация была переименована в Союз крымских армянских писателей. Возглавил её Сасун Барян. В 2010 году председателем Союза крымских армянских писателей был избран заслуженный журналист Республики Крым Рушан Пилосян.

Союз крымских армянских писателей имеет свой печатный орган – альманах «Родина в сердце», в котором публикуются их новые произведения – стихи, поэмы, рассказы, новеллы, отрывки из романов, басни, афоризмы.

Мы продолжаем поиск новых, ярких имён, регулярно печатая и тем самым популяризируя их произведения в постоянной рубрике альманаха «Новые имена». Не забываем и о наших творческих соотечественниках, проживающих как в Армении, так и в разных странах мира, с удовольствием публикуя их сочинения под рубрикой «Наши гости».

ГАУ РК "Медиационтер им. И. Гаспринского"

ՀԱՍՈՒՆ ՔՆԱՐ

ЛИРА ЗРЕЛОСТИ

Вячеслав Егиазаров

Поэт, член Союза российских писателей (Москва), председатель Ялтинского филиала республиканского творческого союза «Крымская ассоциация писателей», член Международного союза писателей Крыма, председатель Крымского отделения СРП (Ялта). Вячеслав Фараонович Егиазаров родился 11 декабря 1940 года в г. Ялте.

Автор поэтических книг: «Песни моря» (1979), «Сбудется доброе» (1986), «Музыка названий» (1997), «Ветка омёлы» (1998), «Бегство талой воды» (2003), «Белые чайки на белом снегу» (2005), «Планета Крым» (2014), «Крымский дивертисмент» (2016), «Профиль ветра» (2017).

Соавтор нескольких антологий и коллективных сборников поэзии городов Москвы, Симферополя, Ялты, журналов «Севастополь» (г. Севастополь), «Радуга» (г. Киев), «Берега Тавриды» (г. Симферополь), «Смена», «Мы», «Поэзия» (г. Москва), а также альманахов СРП (Москва) «Паровоз» и «Лёд и пламень», «Родина в сердце» Союза крымских армянских писателей.

Стихи публиковались в «Литературной газете» (Москва).

Редактор поэзии всех тематических сборников «Наш Чехов», «Наш Пушкин» и нескольких книг членов Литературного общества им. А. Чехова и поэтического альманаха «Ялос».

Лауреат премии им. А. Чехова (1998), им. А. Пушкина в номинации «Поэзия» (2011), Государственной премии АРК в номинации «Литература» (1998, 2006), им. А. Домбровского (2005), международного литературного фестиваля «Осенний Крым – стихов очарование» (2008), а также первый лауреат Международной премии им. Владимира Коробова, Москва (2013).

В 2014 году большие поэтические подборки В. Егизарова вошли в семитомную антологию «Крым в поэзии» и антологию «Крым в русской поэзии и искусстве» (Москва).

За вклад в развитие литературы Крыма и активную общественную деятельность в 2000 году награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета АРК. Заслуженный деятель искусств Республики Крым.

РЕСТОРАН «ЮЖНЫЙ»

МАДЬЯРСКАЯ СКРИПКА – 1954

Памяти венгра Додика, скрипача

...Тот кабачок у порта в старом доме
так памятен, как будто был вчера.
Там пьяные, кто в злобе, кто в истоме,
матросы коротали вечера.
Их ни «на Бога» не возьмёшь, ни криком.
– Не траться, фраер! Пожалей слюны!..
Туда попасть считалось высшим шиком
для слободской заносчивой шпаны.
Там наливали в долг. И если ссуда
была нужна, давала всем без слов
буфетчица Ивановна, паскуда,
скупавшая «котлы» у шулеров.
А не вернёшь – ну что ж,
хлебнёшь как надо! –
блатные с «ликами» не «мусора», поди..
Стекала в бухту звёздная прохлада,
теснилась неприкаянность в груди.
Еще в порту не подорвали дзота,
он бычился с готичной вязью – «ХАЛЬТ!».
Любой пацан тогда «по фене ботал»
и цвиркал через зубы на асфальт.
А к дому возле рухнувшей акации
за справками народ тянулся, где,
чтобы не опоскудился при немцах в оккупации,
без усталости строчил НКВД.
Из проходных дворов тянуло скукой
дешёвой, как казённое сукно...

Тот ресторанчик был шикарной штукой,
похлеще, чем трофейное кино.
Играл в оркестре там мадьяр на скрипке
так нежно, словно знал он тайны птиц.
Стихали споры. И уже улыбки
черты смягчали огрубевших лиц.
В дыму табачном плыли пары в танце,
дрожал смычок у самого виска.
Казалось, что владела иностранцем
какая-то надмирная тоска.
В глазах цыганских стыл туман далёкий
и шёл на нас, как на берег волна,
и понимал я той тоски истоки,
настолько близкой мне была она.
И удивлялся я: как в этом теле
большом и полном,
по велению рук
такие чувства плакали и цели,
что плакали и пели все вокруг?
И просыпались души,
– (или что там?) –
и полнились любовью и виной.
Рыдала скрипка вовсе не по нотам,
по судьбам, исковерканным войной.
Сиротство... плен...
разлука... гибель близких...
то умирал смычок, то оживал,
и, как в кино, руины, обелиски
мерцая плыли через дымный зал.
И зал смолкал.
Сходились брови строго.
– Присядь, танцор! Не надо!
Не греши!..
А скрипка разговаривала с Богом
и с ангелом-хранителем души...
И вот сейчас, пусть даже и солги я,

что прахом всё,
что выжег те года,
щемяще в сердце ноет ностальгия –
о чём? – Бог весть! –
но вижу, как тогда:
тоскует скрипка, бредит бас-гитара,
и Додик-венгр, лоснящийся, большой
из золотого, с монограммой
портсигара
подносит папироску с анашой...

ДЕТИ ВОЙНЫ

(цикл)

Мы пришли в этот мир накануне жестокой войны,
Чёрной свастики тень стала тенью невиданных бедствий,
И уже от рожденья мы были с тобой не вольны,
А верней, лишены льгот и ласк, что положены детству.

Всё в стихах описать невозможно, не тот это жанр,
Но семейные фото, – какие в них строгие лица!
В 45-м казалось – потушен военный пожар,
Да разруха и голод – от них ни уйти, ни укрыться.

И уже нас зовут с некой жалостью «дети войны»,
И уже в нашу сторону тёплым как будто подуло.
Нам с тобой повезло, мы хоть вспомнить о прошлом вольны,
А скольких уже нет, их безжалостно время слизнуло.

И работать пришлось на износ, чтоб не сгинуть стране,
И бороться с недугом, и верить: я сильный, я буду!
Никогда не забуду, как шёл я по колкой стерне,
По холодной стерне, чтоб найти горстку зёрен, как чудо.

И вослед ветеранам войны тают дети войны,
И об этот сказать всё стесняются громко поэты:
Мы гордились всегда нашей Родиной, были верны
Ей всегда, и она, наконец-то, заметила это...

КОЖА ДА РЁБРА

Мне никуда уже, видно, не деться,
Так и летать мне во снах дорогих;
Дети, войною лишённые детства,
Будут всегда уязвимей других.

Будут отзывчивы, искренни, добры,
Будут деревья высаживать в сквер,
(Мамины вздохи: «кожа да рёбра»,
Хлебные карточки, тубдиспансер).

Город снесёт блиндажи и руины,
Город воспрянет от моря до гор,
В этих работах я детские спины
Вижу во снах дорогих до сих пор.

Я в них летаю, как в детстве летал я,
Мне не забыть, как, разруху кляня,
Мама одёжку простую латала
И рыбьим жиром поила меня.

Всё позади. Но печать лихолетий
Нам не стереть в зыбких снах дорогих:
Детства войною лишённые дети
Будут всегда уязвимей других.

ВРЕМЯ НИЩИХ, КАЛЕК И СИРОТ

С неба падали хлопья холодные
На поля и хибары пустые,
Мы голодные были, немодные,
Непутёвые, строгие, злые.
И небритые фрицы пленённые,
От которых отрёкся их Бог,
Копошились в карьере, как сонные,
В щебень камни дробя для дорог.
Почему-то лишь это из детства
И запомнил – сподобил Господь,
Навсегда всенародные бедствия
В кровь вошли мою, душу и плоть.
И уже ни за что мне не вытравить
Время нищих, калек и сирот.
Нувориши, по-честному, вы-то ведь
Нас давно уж списали в расход?
Долго ж, Родина, долго скрывала ты
И таила всё чувство вины;
То ль очнулась, то ль тоже устала ты,
Причисляя нас к «жертвам войны» ...

ДЕТДОМ

Раздетый. То слякоть, то холод,
Подвал. Мы ютимся в углу.
И голод. Космический голод.
Наесться с тех пор не могу.
Что помню?.. Я палец слюнявил,
К муке прикасался – и в рот.
А друг мой, Ананиев Павел,
Подался из детства на фронт.
Вернули. И снова бежал он.
Ругался вовсю военком.

Что помню?.. А помню я мало.
Отчётливо помню детдом.
Стоял трёхэтажный. Безмолвный.
И строгий, как ночью поля.
Мой друг сиротою был полным,
И, значит, неполным был я.
Я не был детдомовцем. Не был.
И верил сильнее всего,
Что если обрушится небо,
То мама поднимет его.
И рушилось... И поднимала...
И вдруг задохнусь на бегу:
– Ах, мама! Прости меня, мама!
Когда ж я тебе помогу?..

НА ЗАПЯСТЬЕ – ЯКОРЁК

Ноги в руки – и таков!
Феней щеголял отменно.
Не жалела тумачков
Жизнь шпане послевоенной.

На запястье – якорёк.
Шик презренья в mine шалой.
За ограбленный ларёк
Кореша «пошли по шпалам».

Безотцовщина. Разор.
Голодуха – зверь глумливый.
Справедливый приговор,
Только жизнь – несправедлива.

Всё прошло, «как с яблонь дым».
Сгинул тот, воскреснул этот.
А меня родимый Крым
Уподобил стать поэтом.

Я его воспел, как мог,
Но грущу порою, ибо
«Сколько пройдено дорог,
Сколько сделано ошибок».

А всему виной – война.
Вовсе не считаясь с нами,
Прокатилась, как волна,
Пострашней любой цунами.

Ноги в руки – и таков!
Мамы нет – ночная смена.
Не жалела тумачков
Жизнь шпане послевоенной.

РЖАВОЕ ЭХО

Таял снег в предгорьях Ялты,
Цвёл кизил, искрился смех,
Юмором своим пленял ты
В этот вечер тёплый всех.
И никто представить даже
Ну не мог, – здесь нет вины, –
Что ждала тебя на пляже
Мина ржавая с войны.
Той взрывной волной контужен,
До сих пор всё маюсь я:
Неужели был не нужен
Ты в анналах бытия?
Искривлённой вбок антенны
Тень ложилась на кусты,
Где не добежали – те мы! –
Шаг, чтоб эхом стать, как ты...
Сколько лет прошелестело,
Проскрипело в тьме пустой,
Но безжизненное тело
Всё лежит на гальке той...

МЕДВЕЖОН

Был в детстве медвежонок. Бывало, бедовал.
Нам на двоих силёнок паёк едва давал.
Он пуговкою носа мне руки холодил.
Не задавал вопросов и терпеливо жил.
И даже под бомбёжкой, когда визжал металл,
Он ёжился немножко, но губ не разжимал.
Всего хватало в детстве. Но, плюшев и смешон,
Не убежал от бедствий мой милый Медвежон...
Когда вернулись наши с победою домой,
Он гречневую кашу ел весело со мной.
А у отца медали блестели на груди.
Соседки вспоминали о пудре, бигуди...
Под звонкий гром оркестров я с медвежонком шёл.
Нам было интересно. И очень хорошо!
Ах, верный медвежонок, ты вправду был не трус...
И вырос из пелёнок давно мой сын-бутуз.
Но вдруг приснится: буря ревьёт на целый свет,
И медвежонок бурый идёт за мною вслед...

ПОЛИГОН

О, этот уголок планеты,
Неприхотливый и скупой,
Он в офицерские планшеты
Запрятан картой путевой.
На нём траншеи, как морщины,
Роса, как пот, тускла на нём.
Ревут, беснуются mortarы.
Рокочет реактивный гром.
Гриб атомный встаёт зловеще,
Сапёры тянут к штабу связь,
И даже вечный ворон вещей
Летит отсюда торопясь.

А мы бросаемся в атаки,
В пыли несёмся, в смрадной мгле,
Мелькают под ногами маки,
Как пятна крови на земле...
Зарю кромсали танки, роты,
За горло речку брал понтон.
Но приходил конец «работе» –
Был тих и грустен полигон.
Чуть тенькали с опаской птицы.
В дымках солдатских сигарет,
Грустил он, видно, о пшенице,
О том, что не в сады одет.
А речка облака ловила,
И пел ковыль Бог весть о чём,
И заплутавшая кобыла
Склонялась низко над ручьём.
А ветра напряжённый шорох
У валуна, что хмур, как дот,
Где горстка муравьёв, как порох, –
Никак забиться не даёт...
Так от учений до учений
Пустынен он, суров и тих.
Где танки рвались в наступленье,
Свистят сурки у нор своих.
И жаворонки в невозможной
Голубизне висят звеня...
Томится полигон тревожно,
Как часовой на страже дня.
Я верю: поздно или скоро,
Порвётся с этой грустью связь.
Земля не яблоком раздора –
Земля для жизни родилась...

АК-МОНАЙ

Ак-Монай¹. Недавние раскопы
«Чёрных археологов». Полынь.
Петлями закрученные тропы.
Двух морей дыханье, ширь и стынь.
И ещё открыт один могильник,
Неизвестный.
Сколько же их тут?
Отключи на пять минут мобильник,
Скорбно помолчи здесь пять минут.
Здесь останки без вести пропавших
Без имён, без отчеств, без родни,
Их не называли в списках павших,
Словно бы и не жили они.
В прах их превратил военный молох,
Чья коварна и кровава суть,
Путь к победе горек был и долог,
Выслан их телами этот путь.
Холодно в пустых каменоломнях,
Веришь очевидцам, не молве,
В горле то ли спазмы, то ли комья
Памяти тревожной в этой мгле.
Гильзы и патроны из курганов
Вымывает дождь – его страда! –
Нет уже в живых тех ветеранов,
Кто недавно приходил сюда...
«Тигры» и «пантеры» проржавели,
Полусгнил в степи металлолом,
Вдоль дорог лишь ковыли седали
Да полынь горчила за холмом...
Рейх познал сполна, что не всесилен.
Эльтиген. Десант. Взрывные дни².

¹ Почти 10 месяцев здесь шли кровопролитные сражения в первом периоде войны и около 7 месяцев – в последующих.

² Да, для нас Крым – красивое место с живописными скалами Гурзуфа, «Ласточкиным гнездом», «Артеком», Никитским ботани-

С крымскою землёй перемесили
Вермахта дивизии они.
Есть в Крыму места, где сердце стонет,
Там всегда печаль идёт ко мне:
Звёздочкой на выцветшем погоне
Крокус на безжизненном холме.
Ак-Монай. Горит закат Сарьяна.
И никто не выгонит взащей
Боль окопов, скрытую бурьяном,
Горечь обвалившихся траншей...

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Мы лишились заботы отеческой
В дни тяжёлой войны Отечественной.
Мы впитали в себя запахи пороха.
Мы питались пайковыми крохами.
Не виним мы за это эпоху,
Хоть и было порою нам плохо.
Мы скучнели, когда похоронки
Разносили почтальон-инвалид.
Где-то плакали бабы тонко,
Где-то горестно и навзрыд.
Мы, как веточка хрупкая,гнулись,
Надломившись, опять срастались.
К лёгкой жизни мы не тянулись
И такими с детства остались.
Нам страна отдавала последнее –
И учила, и одевала.
Узнавали мы без посредников,

ческим садом и многими другими достопримечательностями. Однако мы также помним и о том, что ровно 70 лет назад, в далеком 1942-м году, прогретая южным солнцем крымская земля стала могилой нашему дедушке – Супруненко Семёну Ефимовичу, которого никто из нас, его внуков, так и не смог увидеть живым. Не только его, но и его могилы.

Что собою она представляла.
Под бомбёжками пусть мы и корчились,
Так в невзгодах мужают кормчие...
Безотцовщина! Беспризорщина!
Присмотритесь теперь позорче к нам!
Мы морями огромными плаваем.
Мы под землю уходим – и в горы.
Наши девочки ходят павами,
Смотрят ясно в глаза и гордо...
Не лишались заботы отеческой –
Нас воспитывало Отечество!
Жизнь кошмарила. Было многое!
Но прошли мы и этой дорогою!.

РОЖДЕНИЕ НА ВЫБИРАЮТ

Рождение не выбирают.
Боёв сокрушительный вал.
Я кланяюсь аду и раю
За то, что я в них побывал.

Я выжил. А папы не стало.
9-е Мая – всё schön!
Под грохот и визги металла
Не знал я, чего был лишён.

Мне 5 в 45-ом, победном.
От стягов наш город весь ал.
Динамик, издёрганный, с кедра
Всё марши и марши играл.

И мама рыдая смеялась
В кругу захмелевших подруг,
И стягов ликующих алость
Затмила всю серость вокруг.

А я, в бабую кофту одетый,
По сути, не так уж и мал,
Впервые за детство конфеты
К щедедушной груди прижимал.

Несытость да холод подвала,
Строй пленных понурых в пыли,
И Жучка всегда подвывала,
И всё похоронки к нам шли,

С житейской расшатанной вышки
Я вижу тот первый парад,
Где девочки все и мальчишки
Больны дистрофией подряд...

ПОМОЛОСЬ

Жизнь прекрасна всё же, что там ни говори,
Да, горька бывала, запудриста, замысловата:
Помолюсь на розовый цвет зари,
Помолюсь на бежевый цвет заката.
Поднимусь на горку, с неё видней,
Как садится солнце за мысом ало.
А, пожалуй, больше было хороших дней,
Хоть плохих, конечно, тоже было немало.
Мне родиться выпало перед Большой войной,
Перед Великой Отечественной, – во хлебнул аномалий!
То, что было пережито после войны страной
С детством несовместимо, да многие ли понимали?
Пленных румын и немцев гнали в карьер на заре,
Лица их были серы, с вечной мечтой о пище,
А у нас росли сливы с шелковицами во дворе,
Мы обносили их, полузрелых, соек и воробышек чище.
С полуразбитых причалов бычков ловили в порту,
До посиненья купались, несмотря на простуду,

Всё не забуду оскомину от мушмулы во рту,
Надранную для щей крапиву всё ещё не забуду.
Безотцовщина, голод, чиновничий произвол,
Вся страна так маялась, строилась, бедовала,
Я учился честно в самой трудной из школ –
Где выживать науку жизнь нам преподавала.
Ладно, зачем о грустном?.. Вырос. Переболел.
Много работал, женился, жил себе, пел – нормально.
А в дневнике записано: белый-то свет – не бел,
Сер или даже чёрен, – это индивидуально.
Разное было в жизни, что там ни говори,
Да уж и наговорено, маму их, немало:то:
Помолюсь на бежевый цвет зари,
Помолюсь на розовый цвет заката...

ГАУ РК "Медиационный центр им. И. Гаспринского"

Анатолий Мирзоян

Анатолий Александрович Мирзоян родился 14 января 1946 года в селе Сосновке Бышевского района Киевской области в семье фронтовиков. Проживал в Нагорном Карабахе, Баку. В 1958 году переехал в Украину.

После окончания школы-интерната работал токарем, служил в армии. С отличием окончил СГУ им. М. Фрунзе и Высшую школу КГБ СССР. Служил в органах КГБ и СБ Украины. Прошёл путь от оперуполномоченного отдела контрразведки Крыма до начальника Управления – заместителя начальника УКГБ по Крымской области. После увольнения в запас возглавил медицинский реабилитационный центр «Жемчужина» Государственной таможенной службы Украины.

Государственный советник III ранга Государственной таможенной службы Украины, заслуженный работник культуры АР Крым, почётный член Крымского армянского общества, член Межнационального союза писателей АР Крым и Союза крымских армянских писателей, президент общественной организации «Клуб-99», председатель совета старейшин, почётный гражданин Ялты и Гаспры, автор слов гимна Ялты.

Имеет награды: 15 медалей, почётные звания и знаки Верховного Совета АРК, КГБ, СБУ, Государственной таможенной службы Украины, Благодарность Президента Украины, Золотой знак Крымского армянского общества за весомый вклад в развитие культуры.

Анатолий Мирзоян – лауреат кинотелефорума «Вместе» (2003), признан лучшим поэтом Ялты (2004), награждён дипломом Ялтинского городского совета за 1-е место в конкурсе на лучшую песню «Ялта – любовь моя» (2010). В 2011 году награждён дипломом за профессиональное мастерство и креативность в создании лучшего видеоклипа о Ялте (автор слов песни «Большая Ялта»). Лауреат Чеховской премии за 2012 год.

Сборники стихов: «Город нежный мой» (1997), «Отцов своих не предавая» (1998), «Жизнь – дорога» (2005), «Звездный вальс» (2006), «Город нежный мой» (2012).

В свободное время пишет картины.

СТАРИКИ

Берегите время, старики,
Ведь оно даётся нам в награду.
Жизнь, как и течение реки,
Донесёт до устья сквозь преграды.

Не лелейте детскую мечту,
Что осталась неосуществлённой.
Не пытайтесь прыгать в высоту
На тропе, идущей под уклоном.

И не привирайте, старики,
Будто вас на службе обделили –
Сами наступали на шнурки,
Потому что завязать забыли.

Не донашивайте пиджаки,
Если есть за что вам приодеться.
Чаще всех дряхлеют мужики,
У кого карманы вместо сердца.

И не докучайте молодым –
Жизнь диктует новые законы.
То, что было некогда святым,
Может стать пустым, ненужным звоном.

Не смотрите в паспорт, господа,
Годы могут превратиться в гадость,
Только в вас исчезнут навсегда,
Честь, отвага, юмор или храбрость.

Не теряйте к жизни интерес,
Пробуйте. Ищите. Открывайте
Для себя забытый мир чудес,
Утоните в собственном азарте.

И не оставляйте на потом
Каждый час и каждое мгновенье,
Торопитесь рассмешить свой дом
Выдумкой, весёлым настроением.

Зрелый возраст сладок для любви,
Он наполнен весь полутонами,
Если есть ещё тепло в крови,
Шёпот может вызвать звуков гаммы.

Коль хотите оценить себя –
Вы в глаза любимой загляните,
Если вас согреет нежный взгляд,
Значит вместе вы ещё в зените.

Берегите время, старики,
Никуда его не торопите,
Слушая подобные стихи,
Я прошу вас: «Только не усните».

КЕДРОВАЯ СВАДЬБА

Остался год до свадьбы золотой,
А мы ещё к ней вовсе не готовы,
И чтоб осмыслить прошлое с тобой,
Мы проживем его в тени «кедровой».

Под деревом лет попробуем собрать
В один букет прошедших свадеб названья
И, вспоминая их, посмаковать
Двух душ влюблённых сладость состоянья.

От свадьбы первой, ситцевой, простой
Через стекло, железо и рубины
До свадьбы предстоящей золотой
Мы рисовали разные картины.

Спасибо, что смогла ты сохранить
Желанность встреч от первого свиданья,
Что смысл слова главного «любить»
Ты наполняешь новым состояньем.

Вся прелесть в том, что годы ни при чём,
У каждого мгновенья свои краски:
Тепло сердец, надёжное плечо
И дрожь от некасающейся ласки.

О горьких днях не будем говорить –
Остались в прошлом тяжкие уроки.
Они и научили оценить
Остатки лет, как золотые крохи.

Нам дорог каждый утренний восход,
Лучистый взгляд от солнца золотого,
Когда душа от радости поёт –
Мы вместе, и не надо нам иного.

У каждой пары свой волшебный мир,
Свой самострой из собственных фантазий,
Свой тонкий звон у струн душевных лир,
Свой почерк каждой музыкальной фразы.

Остался год до свадьбы золотой
И в прошлое уже закрыты двери,
А мы, как прежде, молоды душой –
Мы любим, мы надеемся и верим.

* * *

Легко порхать Ромео и Джульетте,
Когда влюблённым по пятнадцать лет.
Им кажется – они одни на свете –
Ни до кого им больше дела нет.

Их чувства, словно лава из вулкана,
Волною накрывают с головой.
Они идут, как будто великаны,
Земли и ног не чуя под собой.

Бушуют страсти бурей, ураганом,
Желанья возникают вновь и вновь.
Лишь только время выявит изъяны,
Оценит слово громкое – «любовь».

Как выдержать земные испытанья?
Как пронести свечу не загасив?
Как в золото превратить своё молчанье,
И не сойти с пути недолюбив?

Ведь жизнь по ходу чувства проверяет
Чрез мелочи, преграды и борьбу,
Знак качества потом определяет
И строит по кирпичику судьбу.

А мне ценнее пары седовласых,
Чья повесть – не один десяток лет,
Без показухи настезь громогласной,
Навеки сохранив любви секрет.

Как бережны их тонкие касанья!
Их разговор, как воркованье птиц.
По тону, шуткам, шёпоту, дыханью
Их можно понимать, не видя лиц.

Они смогли ту искру первой встречи
В своих сердцах сберечь и сохранить.
Не погасить звезду на небе – нечем,
Как нечем и любовь их погасить.

ВРЕМЯ

В детстве нам хочется стать сразу взрослым;
Время торопим признать нас всерьёз,
И головные уборы не носим
Лютой зимою в суровый мороз.

А в школе минуты тянутся вечность,
Ждёшь не дожدهшься с урока звонка,
И превращается жизнь в бесконечность –
Учёба уныло течёт, как река.

Но наступает пора покорений –
В день успеваешь свершить сотни дел,
Быстро шагая в ногу со временем,
Будь только весел, решителен, смел.

Крутишься, вертишься, долг выполняешь
Перед работой, друзьями, страной,
Не замечаешь, как ты обделяешь
Временем тех, кто всех ближе с тобой.

Нет, не со зла, ведь всегда полагаешь –
Они не в обиде, свои же, поймут,
А им-то и надо бы самую малость:
В день по чуть-чуть пару тёплых минут.

Время с годами прессуется в пули
И пролетает со свистом вперёд.
Время боится, чтоб не повернули
Стрелки назад, даже наоборот.

В игры со временем я не играю
И не бегу с ним наперегонки,
Я его чувствую и почитаю,
Как почитают богов старики.

Больше на ветер я слов не бросаю,
Время на глупости не раздаю
И поминутно его я считаю,
Только тебе свою песню пою.

Жадно за крылья я время хватаю,
Время, которое я недодал,
И по круплицам его собираю,
Чтоб возвратить, словно долг, тот, что взял.

Время – испытанный жизнью целитель,
Строгий судья и предвестник судьбы,
Время для нас – самый мудрый учитель,
Не признающий ни просьб, ни мольбы.

Хочется только с тобой, дорогая,
За руки взявшись, бродить и шутить,
Видно, созрел и уже понимаю:
Только с тобой мне так хочется жить.

Если на встречу к тебе опоздаю,
Ты меня знаешь – причина одна:
Я по дороге букет собираю,
Не беспокойся, дождись у окна.

ЗАВИСТНИКАМ

Для чужих – я никто, для чужих – я ничто.
Для чужих просто не существую.
И в толпе для чужих только цветом пальто
Я являю особость людскую.
И лишь свой, не чужой, вроде самый родной,
Тот, с кем варишься в жизненной каше,
Может грязью облить втихаря за спиной,
Словно ядом зловонным из чаши.
Чья-то ложь – словно гром,

Чья-то ложь – словно ток,
Прошибёт – мигом остолбенеешь.
Вот и думай: что это? Расплата? Урок?
Пробуй выстоять, если сумеешь.
Если это расплата, – скажите, за что?
Может, здесь я не понял чего-то?
Если это урок, – почему так жесток?
Да и спросишь ответ у кого ты?
Может быть, это – жизнь? Иль какой-то закон,
Что-то вроде азов сопромата,
Где на силу добра дают злобы сто тонн?
Видно, зависть во всем виновата.
Эй, завистник-ханжа, хватит маски менять!
На дуэль, лжегерой, лжетоварищ!
Продолжаешь по-прежнему в дружбу играть?
Сам себя этим ты убиваешь.
Зависть гложет тебя. Учтё ты в плену.
Она ржавью тебя разъедает...
Не такое слышал о себе – я пойму.
Жаль, что кто-то из близких страдает.

СТАРЫЙ РОЯЛЬ

Жёлтые клавиши, стёрта педаль,
Струны с грудным надрывом.
Может, расскажешь нам, старый рояль,
Что в нашем доме было.

Вспомни, когда, с кем и как ты грустил,
Как веселил вечерами,
Раны душевные музой лечил
Бабушкам, дедушкам, маме.

Годы промчатся, и я, как и ты,
Старый рояль, устану.

Чьи-то секреты и чьи-то мечты
Я раскрывать не стану.

Нам доверяли от сердца ключи,
Оба мы знали что-то.
Старый рояль, давай промолчим –
Чтоб не обидеть кого-то.

* * *

Некрасивых женщин нет на свете,
В мире некрасивых нет цветов.
Никому в обратное не верьте,
Не ищите в оправданье слов.

Разве может мать быть некрасивой,
Та, что родила тебя на свет,
Отдавая всё тепло и силы
До конца, до самых зрелых лет?

Докажите юному царнишке,
Что влюбился он в некрасоту.
Ни угрозы, всадины и шишки
Не изменят страстную мечту.

Если смелы, то скажите другу,
Что невесту он не ту избрал.
За такую «из лесу» услугу
Может вспыхнуть мировой скандал.

Красота её не только в цвете,
Росте, весе, форме прочих черт.
Уникальность в том, что в целом свете
Есть одна и ей подобных нет.

Женщина с душой её особой,
Нежной, тонкой, будто аромат.
Выглядитесь – каждая от Бога,
Кто не видит – я не виноват.

Некрасивых женщин нет и рядом –
Это утверждают старики.
Может, и доказывать не надо,
Просто есть слепые мужики.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Крымской весной тронулся лед,
С якоря снялся наш теплоход,
Вышли навстречу волне штормовой
И возвратились с миром домой.

Дорога к дому всегда коротка,
Когда есть надежда и друга рука,
Когда в твоём доме тепло и уют,
Когда ты уверен, что там тебя ждут.

Нас не разделит больше вода –
Между причалами встал навсегда,
Как исполин, в полный сказочный рост,
Гордость России – Керченский мост.

Полною грудью Крым задышал,
Сердцем вернулся к началу начал,
К истокам духовным и к славе морской –
Крым возвратился навеки домой.

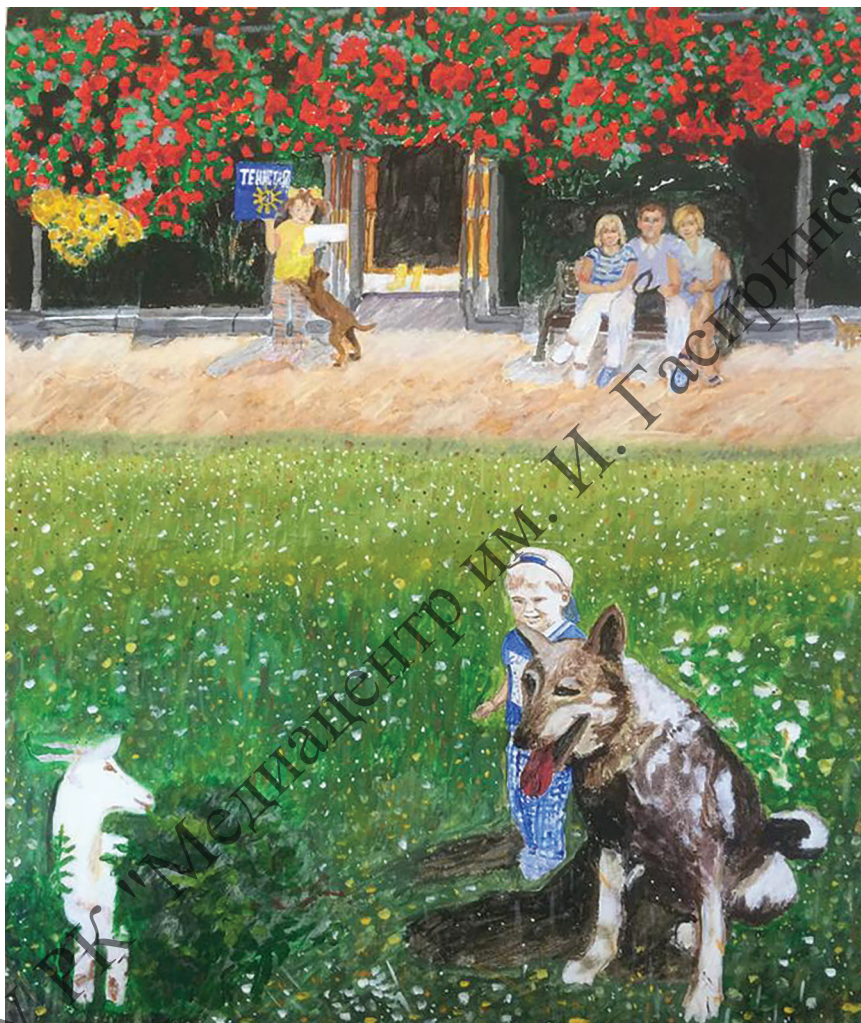
РАБОТЫ АНАТОЛИЯ МИРЗОЯНА

Он и она. Холст, акрил.

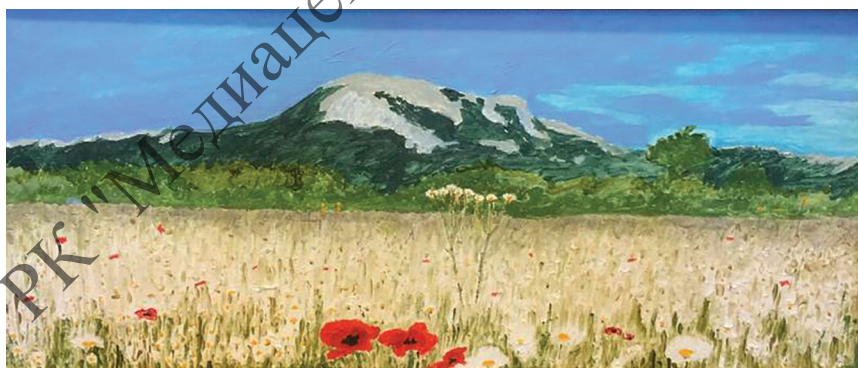
Натюрморт. Холст, акрил.

Сельская идиллия. Холст, акрил.

Скала «Парус». Холст, акрил.

Ромашковое поле. Холст, акрил.

Александр Склярук

Поэт, переводчик, педагог, журналист Александр Семёнович Склярук родился в 1952 году в Евпатории.

В 1971 году окончил Днепропетровский политехникум. Служил в рядах Советской армии, был корреспондентом газеты «Боевое задание».

В 1977 году окончил Ереванский государственный педагогический институт русского и иностранных языков им. В. Брюсова. Учёбу в институте совмещал с работой в Союзе писателей Армении переводчиком и библиографом у известного поэта Геворга Эмина. Принимал участие в подготовке к изданию книг поэтов-переводчиков.

С 1977 по 1978 год работал учителем в селе Дзорап Аштаракского района Армении. С 1978 по 1985 год – методист и экскурсовод Евпаторийского бюро путешествий и экскурсий, педагог-воспитатель общежития и преподаватель ГПТУ-19.

С 1985 по 1987 год – заведующий лабораторией кафедры иностранных языков в Харьковском автомобильно-дорожном институте и преподаватель русского языка как иностранного, в том числе и в электротехническом техникуме, а с 1988 по 1990 год –

заместитель директора по учебно-воспитательной работе Харьковской областной школы-интерната №4. Принимал участие в ликвидации последствий землетрясения в Армении в 1988 году.

С 1990 года А. Склярчук работал учителем русского языка и литературы в детском санаторном комплексе «Прометей». В 1991 году стал основателем и директором воскресной армянской школы, где преподавал историю армян Крыма.

С 1993 года является заместителем председателя Евпаторийского городского отделения Крымского армянского общества (ныне – Местная армянская национально-культурная автономия городского округа Евпатория), принимает участие в осуществлении широкой программы развития общины в организации работы, обучения, культуры. Принимал активное участие в реставрации церкви Сурб Никогайос, создании историко-культурного центра, ведёт исследования по этнографии крымских армян.

С 1993 по 1997 год – член правления общества «Украина – Армения». Неоднократно выступал с докладами на республиканских семинарах, посвящённых возрождению культур народов Крыма.

С 2008 года является председателем общественного совета при управлении межнациональных отношений Евпаторийского городского совета. Благодаря его усилиям проводится большая работа по сохранению национальных культур и традиций разных народов: дни национальных культур, народные праздники, творческие встречи, литературные чтения, конференции, фестивали, выставки.

С 1994 года – корреспондент газеты «Голубь Масиса» Крымского армянского общества. С 2002 года – член Ассоциации крымских армянских литераторов (ныне – Союз крымских армянских писателей (СКАП).и С 2010 года – ответственный секретарь СКАП.

С 2013 года – член президиума КРО Национального союза писателей Украины. Автор поэтических сборников «Лирика», «Сокровенное», «Мелодия ветра», «Я встретил осень весну», книги «Из путевого блокнота». Член литературного объединения им. Ильи Сельвинского (г. Евпатория).

Александр Склярук – лауреат Всекрымского фестиваля поэзии «Альгамбра – 2003», международного фестиваля поэзии «Чеховская осень – 2009» (г. Ялта), музыкального конкурса «Песня о Евпатории», крымского поэтического конкурса «На Евпаторийской осенней волне» (2010 г.). Он является членом оргкомитета и участником Международного фестиваля «Трамвайчик №...» (Поэтический маршрут) в Евпатории.

Отмечен почётным знаком «За активную работу» правления Всесоюзного общества «Знание», благодарностью Министерства культуры, по вопросам молодёжи и спорта Армении, правления Союза писателей Армении.

Награждён Почётными грамотами Президиума Верховной Рады АРК, Крымского армянского общества, Почетной грамотой Кабинета министров Украины и медалью, дипломом культурно-просветительного центра «Дружба» Министерства культуры и искусств Украины, юбилейной медалью «2500 лет Евпатории», Грамотой Республиканского комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан АР Крым, почётной грамотой городского головы, грамотами исполнительного комитета городского совета и благодарностями городского головы, грамотой оценки заслуг и благословения Главы Украинской епархии Армянской Апостольской церкви, архиепископа Григориса Буниатяна, памятной медалью им. И. К. Айвазовского, а также занесен на городскую Доску почёта, отмечен дипломом участника 7-го Международного фестиваля «Гезлев – Кьапусы – 2010».

В 2008 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры Автономной Республики Крым».

Александр Склярук – лауреат конкурса «Общественное признание». Награждён грамотой Патриаршего благословения и признания заслуг Католикоса всех армян Гарегина II и высшим почётным орденом Армянской Апостольской церкви «Сурб Саак – Сурб Месроп», а в 2012 году ему была вручена высшая награда Крымского армянского общества – Золотой знак.

* * *

В мире удивительные
души,
Очень интересные
подчас.
Буду их внимательно я
слушать,
Мой огонь ответный
не угас...

В мире удивительные
люди,
Их исканья –
словно бриллианты...
Встречи с ними
точно не забудет
Тот, кто одарён
любви талантом.

В мире удивительные
связи
Между тем, что было
и что будет...
Ожерельем
нерушимой вязи
Соединены навеки
люди...

* * *

Как интересно всё
бывает в жизни:
Сегодня первый год,
а завтра – год тридцатый...
Сегодня радость,
завтра – укоризна...
Сегодня ты бегун,
а завтра – провожатый...

Как интересно всё
    бывает в жизни:
Когда ты прав,
    то виноват считаешь,
И можешь ошибаться
    хоть до тризны,
Но выиграешь,
    если проиграешь...

Как интересно всё бывает в жизни...

* * *

Сосед мой в сорок
    хил и стар...
Я ж за полвека
    не устал,
Не заболел
    хандрой и грустью...
Ищу и нахожу я
    русло
Моей реки надежд,
    сомнений,
Удач и истинных
    везений...
Живу я в мире
    нужных дел...
Ещё далек
    судьбы предел –
Там, где не грезится
    бессмертье...
Какое счастье
    жить на свете!
Писать стихи
    и улыбаться,
Любить, творить
    как будто в двадцать!

* * *

Привет тебе, Нежность,
если со мною...
Нет, никогда
от тебя я не скрою
Счастье надежды
и искренность веры...
Вновь утопаю
в признаньях безмерных!..
Привет тебе, Время,
если ты вечно,
Если даруешь себя
бесконечно,
Радость вселяешь
вместе с мечтою...
Вновь я спешу
и бегу за тобою!..
Привет тебе, Милая,
если ты рядом,
Всё для меня,
как блаженство, награда...
Взгляд твой, улыбка,
игривость движений –
Это всегда
чудеса вдохновений!

* * *

В сиянье месяц
так роскошен:
Он встретил
молодость свою...
К любви привыкнуть
невозможно:
Я каждый день
благодарю.
Живу искрящимся
рассветом,

Твоей улыбкой
озорной,
В своих мечтах
ищу ответы,
А нахожу,
что суждено...

* * *

И ты вошла...
А я заморожен
Стою и никак ничего
не пойму.
И стало простым вдруг
самое сложное,
Ты покорила
глухую тьму...

И стали понятными
строки признаний –
Подарок твоих
осторожных слов,
Бегущих ко мне,
как осколки желаний
И отголоски
далёких снов...

* * *

Спешу в Армению мою,
Где жизни самое начало,
Где всё родным однажды стало...
С тех пор Армению люблю!!!

Люблю истории полёты,
Врагов жестокость ненавижу...
Здесь будущего голос слышу,
Внимаю нежность небосвода...

Здесь простота и уникальность,
Здесь лучшее,
Что есть на свете,
Здесь Ной спасенье духа встретил
И принял новую реальность...

Здесь сам наш Аик непобедимый
Поверг навечно в схватке Бэла...
И здесь надежда без предела,
Мечта всегда неутомима...

Здесь часто было беспокойно...
Тигран великий здесь родился,
Католикос Григор крестился,
И призывал вести достойно.

Здесь совесть стала мерой жизни,
Отвага стала смыслом веры,
И царь Тигран был сам примером
В борьбе за мир в родной Отчизне...

Здесь все цари и спарпеты,
И мелики и нахарары
Судьбу страны своей решали,
Искали новые ответы...

Здесь победила только мудрость
И стойкость древнего народа,
Здесь доброта самой природы
В деяньях праведных проснулась...

Нет, не забыт здесь геноцид,
И глубоки печалей раны...
Землетрясение отчаянно
Тревогой памяти сверлит...

А жизнь течёт рекой надежды
И дел чудесных совершенством...
Проснуться здесь одно блаженство
И распахнуть окно в безбрежность...

21.10.19. Шереметьево – Звартноц

* * *

Любовь не может притаиться!
Она летит счастливой птицей
И возвращается обратно, и обновляется стократно
И помогает, учит, лечит.
Живёт и нежит бесконечно!
И пахнет запахом сирени
Весной и даже в день осенний...
И дарит новую надежду,
И помнит все, что было прежде...

Михаил Петросян

Михаил Арамович Петросян родился в 1942 году в селе Мохратах Мардакертского района Нагорного Карабаха. Закончив среднюю школу, он в 1964 году поступил в Ереванский электромеханический техникум, после окончания которого с 1967 года работал на Степанакертском «Каршёлккомбинате» начальником цеха. Без отрыва от производства окончил Минский институт легкой промышленности.

Михаил Петросян начал писать стихи в четырнадцать лет. Публиковался в газетах «Советакан Карабах», «Коммунист», «Авангард», «Метаксагорц». С 1992 года живёт в Симферополе и активно участвует в культурной жизни крымских армян. Изданы сборники его стихов «Зов Арцаха», «Легенда о любви», «Тоска рождается в дали» и рассказов «Родники рождаются в горах». Он является участником семи выпусков альманаха «Родина в сердце».

Михаил Петросян – член Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины, награждён памятной медалью им. И. К. Айвазовского.

ԻՄԱՍՏԱԿԵՈՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

Մարդու կյանքը ջրի պես է, այն պետք է մշտապես շարժման մեջ լինի, հակառակ դեպքում ճահճանում է և դադարեցնում իր գոյությունը:

* * *

Թերություններիդ վրա ի՛նքդ ծիծաղիր,
Չար լեզուների բերանը փակիր:

* * *

Շատ բան է հաճախ հակասում առողջությանը,
Բայց առողջությունը ոչ մի բանի չի հակասում:

* * *

Մեկին սիրեցի, իսկ նա ինձ մերժեց...
Տարիներ հետո, երբ հանդիպեցինք,
Աստծուն փառք տվի, որ իմ կինը չէ –
Շատ էր կնճռոտվել դեմքը սիրելի...

Իսկ երբ հայտնում ինքս ինձ տեսա,
Հասկացա՛ եմ էլ Ապոլոնը չեմ,
Ինձ պապիտեցրեց պեհեր ներկան,
Ափսոսեցի, որ նա իմ կինը չէ:

* * *

Առյուծն ու արջը մի օր վիճեցին,
Թե՛ ով է հարուստն ամբողջ անտառի,
Բայց հաշվի չառան կարծիքը փղի,
Որի մեջքին է քսակը փողի:

* * *

Թե որ չունենաս ներքին թշնամի,
Քամին արտերիդ կարկուտ չի բերի:

* * *

Հարուստը աղջիկ տվեց աղքատին –
Ուրեմն գտավ ձրի ծառային:

* * *

Մենք ծիծաղում ենք էշերի վրա,
Նրանք էլ, իրենց էշի տեղ դրած,
Մեզ են էշի տեղ դնում շատ հաճախ
Եվ օգտվում են՝ գլուխները կախ:

* * *

Մարդ կա՝ խելքը օվկիանոս է,
Մարդկանց համար մի փարոս է,
Մարդ կա՝ նույնպես մեծություն է,
Բայց մարդկության կեղտավորն է:

* * *

Մարդ կա՝ բարեխոս,
Մարդ կա՝ չարախոս,
Մարդ կա՝ սուտ ու փուս,
Տուն քանդող, անխոս:

ՉԱՆԱՉԱՆ ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

ՋՈՒՐԸ

Ինչքան կեղտ կա՝ ջուրն ենք լցնում,
Ջուրն էլ գետով ծովն է թափվում,
Մենք ամռանը ծովի ափին
Մեր մարմնի ցավն ենք հանում:

Ջուրն, ասում են, կեղտ չի վերցնում,
Ափ է նետում ու տիղմ դառնում,
Նետում է այն, ինչ չի լուծվում,
Լուծվող թույնն իր մեջ է պահում:

Ծով, օվկիանոս՝ ձկներով լի,
Մարդիկ այնտեղ թույն են լցնում,
Գիշեր-ցերեկ ձուկ են որսում
Եվ դիզում են փող ու ոսկի:

Եկեք ջուրը մաքրոր պահենք,
Այնտեղ կեղտ ու թույն չթափենք,
Թող ամեն ինչ մաքուր լինի,
Որ ապագան մեզ չանիծի:

ԲԱՐԳԻՆ

Բարդին մի ծառ է բարձր, սլացիկ,
Նայողի աչքին՝ անչափ գեղեցիկ,
Բայց իրականում՝ անպտուղ, անհոտ,
Նա իր բոյով է միայն ազդեցիկ:

Մենք երգ ու տաղ ենք նվիրում նրան,
Նրա պես ճկուն չենք տեսնում իրան,
Բայց մենք սովոր ենք միշտ գովել նրան,
Ով վերևներում տեր է ու իշխան:

ԻՆՔՍ ԻՆՁ

Գիտեմ՝ կան բազում մարդիկ աշխարհում,
Որոնք թեթև են տանում այս կյանքը,
Մասնց չի հուզում ամեն մի մանրուք,
Միայն թե հանկարծ չտուժի ինքը:

Ոմանք ապրում են լոկ նրա համար,
Որ ուտեն-խմեն ճոխ սեղաններից,
Աշխարհի կեսն էլ ավերակ դառնա –
Հոգ չէ՝ ի՞ր գլխից մազ չպակասի:

Պատահում է, որ հոգսերից կքված,
Ես նախանձով եմ նայում այդ մարդկանց,
Խորհում եմ՝ ինչո՞ւ չեմ ապրում այդպես,
Ինչո՞ւ եմ իզուր կաշվից դուրս եկել:

Բայց այդ տևում է միայն րոպեներ,
Ինձ պաշարում են մտքեր ու հոգսեր,
Այդպես է մայրս ինձ աշխարհի բերել,
Այդ պատճառով եմ բարձր ճշացել:

Թե այնժամ խոսել կարողանայի,
Կասեի. «Մայրի՛կ, գուր ես ինձ ծնել».
Բայց դա տրված է ինձ բնությունից,
Իմ բախտն է այդպես ճակատիս գրվել:

Լա՛վ է դա, թե՛ վատ՝ իմս հենց սա է,
Պապերից թողած իմ հողը սա է,
Հայերեն գրված իմ տողը սա է,
Եվ հոգսերի մեջ իմ տեղը սա է:

ՄԱՆՈՒՇԱԿՆԵՐ

Ամեն մի գարնան ինձ բաժին հասած,
Մի փունջ մանուշակ՝ հենց հողից ելած,
Նվեր եմ ընդուն կնոջս սիրած,
Առաջին փունջը շատ հեռվում թողած:

Նվերս համեստ, նվերս էժան,
Բայց մաքրամաքուր, բարուր է մանկան,
Որ մանկահոտ է բուրում բնական,
Նորից դառնում եմ ջահել, գյուղական:

Մենք արդեն ծեր ենք՝ հեռու մեր հողից,
Բայց չենք կտրվել մեր հայրենիքից,
Ու ամեն գարնան դրիմյան հողում
Մանուշակներ եմ փնջում ես նորից:

Թող գոնե այսպես պահենք անցյալը,
Որ չծերանա մեզ պես մեր սերը,
Այսպես ապրելով ամեն մի գարուն,
Մանուշակներ եմ ես բերում մեր տուն:

ԲԱՂԵՂԸ

Ծատ գեղեցիկ է բաղեղը կանաչ,
Բայց անգութ դահին՝ մեր աչքի առաջ,
Գրկում է ծառին նա՝ սիրահարված
Ու խեղդում նրան մոլուցքով համառ:

Իսկ ծառը գերի իր բախտի ձեռքին,
Սիրահարվում է բաղեղի տեսքին,
Նրա գրկի մեջ իր հյութն է տալիս
Անգամ իր վերջին դեղնած տերևից:

Ազահ դահինը ճանկերով իր սուր
Կեղևը ծակում ու հյութն է քաշում,
Հաստաբուն ծառը օր-օրի քամվում,
Դանդաղ դառնում է չորացած մի պուն:

Դաժան բաղեղը՝ իր գործն ավարտած,
Երբ էր հյութ չկա ծառում չորացած,
Սողում է դեպի նոր ծառեր ծաղկած՝
Կանաչ մահ բերող ճանկերը մեկնած:

Ես ձեզ պատմեցի ծառերի մասին,
Բայց դա հեռու չէ մեր ապրած կյանքից,
Մարդկանց անտառում՝ բաղեղները շատ.
Դուք զգուշացեք գերող հայացքից:

Станислав Ян

Станислав Захарович Ян родился в 1944 году в городе Арташат (Армения). В 1971 году окончил факультет филологии Ереванского государственного университета. С 1973 года проживает в Крыму.

Станислав Ян стоял у истоков образования Крымского армянского общества, является членом национального совета КАО, Союза этнических журналистов Крыма.

С 1996 по 2003 год был соучредителем газеты «Республика Крым». Постоянно публиковался в крымской прессе, в том числе в журнале «Голубь Масиса», ежегодном альманахе «Родина в сердце». Он является автором телепроекта «Молодые художники Крыма», получил авторское право на телепроект «Взятка».

В 1993 году реализовал авторский проект выставки «Художники Крыма» с участием самых известных мастеров живописи. Постоянно курирует телепрограмму «Барев».

Член международного благотворительного клуба «Ротари». В 1990 году возглавил первую армянскую воскресную школу и преподавал в ней.

С. Ян награжден почётной грамотой Союза армян Украины, Золотым знаком, памятной медалью им. И. К. Айвазовского КАО, памятной медалью «650 лет Сурб Хачу», орденами Архангела Михаила V, IV, III, I степеней от Украинского патриархата за вклад в экономику и поддержку патриотизма и христианской веры в Украине, почётной грамотой Главы Украинской епархии Армянской Апостольской церкви.

Он удостоен звания заслуженного журналиста АРК, является членом Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины, пишет афоризмы, юмористические миниатюры.

ГАУ РК "Медиацентр им. И. Гаспринского"

А Ф О Р И З М Ы

Сухим из воды можешь выйти, если ты тот гусь, а из грязи – никак, если даже ты тот гусь.

* * *

Покушать с удовольствием и покушать для удовольствия – разные вещи.

* * *

Не подумаешь о себе плохо, хорошим не станешь.

* * *

Иногда возраст и опыт ходят по разным дорогам.

* * *

В период раннего развития человечество оставило письменность на скалах. Со стремительным развитием цивилизации письменность опустилась на заборы.

* * *

Не стоит ещё раз утопить утопленника, лучше им прикрыться и отстреливаться.

* * *

Возвышай себя не унижением соперника, а его возвышением.

* * *

Меньше знаешь – крепко спишь, меньше спишь – больше знаешь.

* * *

Всю жизнь считал себя полноценным человеком. Но, увы... Недавно обнаружил, что у меня отсутствует чувство зависти.

* * *

Если хотите делать добро и делиться чем-нибудь, не смотрите по сторонам, чтобы убедиться, заметили ваш поступок или нет. А то подумают, что вы это украсть хотите.

* * *

Заработать деньги – пол – удовольствия. Потратить на доброе дело – полное удовольствие. Не лишайте себя этого удовольствия.

* * *

Сначала было слово. Потом появились кулаки.

* * *

Неподвижность кажущегося движения есть опровержение самого движения.

* * *

Каждый раз умирая, на «бис» всё равно поклонитесь публике.

* * *

Сколько ни кричи халва-халва, во рту слаще не станет. Так же, как от секса по телефону дети не рождаются.

* * *

Если вам показали направление достижения успеха, идите незамедлительно! Пока не послали повторно...

* * *

Легче быть самим собой. Ничего делать не надо.

* * *

Надежда умирает последнего, если же умерло чувство юмора.

* * *

Делая дорогие подарки знаковым людям, мы подчёркиваем свою значимость, незнаковым – их значимость.

* * *

Красивая одежда, как красивая шкатулка, – не редкость. Редкость в ней драгоценности.

* * *

Москва слезам не верит, а верит глазам... Когда деньги показывают.

* * *

Он впал в детство, так и не успев повзрослеть.

* * *

Спор с умным человеком может закончиться миром, а с глупым мирный разговор всегда заканчивается спором.

* * *

Обесценивая окружающие нас ценности, мы обесцениваем себя.

* * *

Для осознания истинных ценностей нужно пережить их потери. Несправедливая диалектика.

* * *

Жизнь – это калейдоскоп. Картинки постоянно меняются, и каждая прежняя кажется красивее, но повторить её невозможно. Остаётся только последняя.

* * *

Ушедший из жизни мудрый человек напоминает пустой сосуд элитных духов. Хоть и пуст, но аромат слышен.

* * *

Рождённые предавать любовь не могут.

* * *

В 50 жизнь только начинается, жить только мало остаётся.

* * *

Проявление любви не в том, чтобы удержать, а в том, чтобы дать свободу быть счастливым.

* * *

Ревность – последствие поступка, а поступок – последствие ревности.

* * *

Человек рождается в один день, а умирает ежедневно.

* * *

Красота женщины – это кредитная карточка краткосрочного займа, которую нужно вовремя выгодно вложить.

* * *

Темень – только чёрного цвета. Свет хоть и прозрачный, но многоцветный и многоликий.

* * *

Можно идти в толпе, но сохранить свой шаг. Чтобы не стать толпой...

* * *

С детства казалось, что 30 лет – это старость. А в 30, что 60 лет – старость. Так бывает. И это пройдёт.

* * *

Годы берут с нас всё, а мы с них только уроки.

* * *

Живя прошлым нельзя строить будущее. Прошлое – это золотая гиря, привязанная к ногам. Жалко, но надо их оставить в прошлой жизни. Жестокая правда жизни.

* * *

Когда я пишу афоризмы, мне кажется, что я стар, и от этого мне становится грустно. Но когда я думаю, что я стар, мне становится весело и смешно.

* * *

Если решил идти впереди, подними факел так высоко, чтобы осветить дорогу не только себе, ну и за тобой идущим.

* * *

Алюминиевый тазик не так красив, как хрустальная ваза, но необходим больше и служит дольше.

* * *

Мы недостаточно любим друг друга, чтобы любовь стала нашей религией. Тогда она могла бы привести и к Богу.

* * *

Многие жалуется, что везде хорошо, где их нет, но не задумываются а может хорошо потому, что их там нет?

* * *

Счастье – когда ты счастлив счастьем близких.

* * *

Если женщину обзвать дурой, она простит, если уродкой – никогда.

* * *

«Я вас услышал», – сказал глухой немому.

* * *

Страсть ослепляет, любовь просветляет.

* * *

Человек не присутствует во время двух важных событий, связанных с его жизнью, – при рождении и на собственных похоронах. А жаль... Не узнает, кто пришёл.

* * *

Каждый вправе распоряжаться собственной жизнью сам... Если это не мешает другим распоряжаться своей.

* * *

Открытие часто происходит не потому, что мы этого хотели, а потому, что мы хотели открыть совсем другое. А оно открылось само, эврика! Мы – учёные.

* * *

Заранее не согласен с мнением патологоанатома. А некролог лучше меня никто не напишет. Это будет моим завещанием.

* * *

Лучше бывшего мужа любовника нет. Хочет, чтобы вы сожалели о потере.

* * *

Вышел из себя и заблудился. Никак не смог вернуться обратно.

* * *

Да если бы дали мне работать пастухом, я бы тоже в лес не убежал, – грустно подумал волк.

* * *

В поисках себя он нашёл многих. Но, увы...себя так и не нашёл.

* * *

Ваши слова заманчивы, но мёд буду пить своими устами.

* * *

Долго искал свою дорогу в рай. Кажется, нашёл. Попал в колею. Шёл долго. Попал в рай. Не приняли. А колея только в одну сторону.

* * *

Жил двойной жизнью: мысли – сами по себе, он – сам по себе.

* * *

Рано начал жениться, и уже к сорока годам достаточно был женат.

Ю М О Р

Картина известного художника «Яичница на подносе». Холст, масло, поднос 35x45, два яйца.

* * *

– Ты уже три года живёшь у меня, собираешься жениться или нет?

– Я уже собрался, видишь чемоданы у дверей.

* * *

Посмотрев на неё ещё раз, он твёрдо убедился, что красота не спасёт мир.

* * *

Учёные нашли ДНК женского силикона. Теперь силикон растёт сам по себе. Женщины в восторге. Растёт и растёт... Растёт и растёт... Теперь работают над тем, как вживить в мозги.

* * *

Если решили жениться, сначала познакомьтесь с будущей тещей, а потом с её дочкой.

* * *

Лучшей ролью в своей жизни она считала роль, где она произносила единственную фразу: «Ты что, дура?». Но как она это произносила!

* * *

Услышав раскрученного певца, решил ознакомиться с его биографией. Биография оказалась интереснее.

* * *

Люблю всех, кто не лучше меня.

* * *

Корпоративный вечер удался. Драка, которая по сценарию, должна была завершить веселье, произошла в середине. Так что, к концу вечера все друг друга уважали.

* * *

Чем выше чин у папы, тем талантливее дети, жёны, близкие родственники в бизнесе. Фантастика!

БЕСПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Чтобы подготовить тело к лету, почаще посмотрите на него в зеркало. К лету привыкнете.

* * *

Чтобы все знали, кто в доме хозяин, не торопитесь делать домашние дела, которые ждут вас.

* * *

Как бороться с бедностью? Надо разбогатеть.

* * *

Чтобы выглядеть умным, иногда стоит своё мнение оставить при себе.

* * *

Гордись не тем, что имеешь, а гордись тем, чем поделиться.

* * *

Не обязательно знать много. Важно вовремя пользоваться тем, что знаешь. Впечатление о вас будет как о многознающем.

* * *

Берегитесь от тех людей, кто любой ценой старается заслужить ваше доверие. Не исключены побочные эффекты.

* * *

Если хочешь внушить доверие, иногда говори глупости.

Рушан Пилосян

Рушан Койрунович Пилосян родился в 1953 году в Эчмиадзине (Армения). В 1976 году окончил филологический факультет Ереванского государственного университета.

В 1976–1979 годах работал учителем армянского языка и литературы в селе Личк Мартуниского района Армении, а в 1979–1981-х – методистом и экскурсоводом Джермукского бюро путешествий и экскурсий.

В 1986–1991 годах работал преподавателем факультета интенсивных методов обучения языкам Ереванского государственного педагогического института им. Хачатура Абовяна, соавтор интенсивного курса армянского языка.

В 1994 году был приглашён Крымским армянским обществом на полуостров для работы по программе возвращения и обустройства депортированных граждан Республиканского комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан АРК.

С 1994–2019 год – ответственный секретарь газеты (ныне – журнала) «Голубь Масиса», Региональной армянской национально-культурной автономии Республики Крым. С 2016 года –

ответственный секретарь нового всекрымского журнала «Наш Крым», а с 2019 года – главный редактор.

В 1994–2014 годах работал редактором в редакции национальных программ ТО «Радио «Крым» Гостелерадиокомпании «Крым». Является одним из основателей, автором и ведущим двуязычных историко-культурологических («Аракял луйси»), музыкально-литературных («Сердце моё в горах») и музыкальных («Гандзер») программ. Особенно популярны были музыкально-литературные передачи «Сердце моё в горах», две из которых – «Дудук» и «Скрипач Карапет Аирапетян» отмечены премиями и дипломами.

В 1996 – 2001 годах работал актёром в Симферопольском театре-студии «На Москольце».

Рушан Пилосян является автором, соавтором, редактором и переводчиком многих изданий, среди которых: «Программа по армянскому языку 1–4 классы», «Крым. Армяне. Десять веков созидания», «Народы и времена. Армяне», «В крымском доме. Армяне», сборники стихов крымских армянских поэтов, детские книги «Крымская колыбель», «Сказочное эхо» и песенник «Зангак». Он также редактор и составитель альманаха Союза крымских армянских писателей «Родина в сердце», преподаватель и методист Нетрадиционной армянской школы имени Габриела Аивазовского, председатель Союза крымских армянских писателей с 2010 года.

Пишет стихи и рассказы на армянском языке, которые были опубликованы в газете «Голубь Масиса», альманахе «Родина в сердце», занимается переводами на армянский язык стихов русских поэтов. В 2010 году вышла в свет первая книга Р. Пилосяна «И моё сердце в горах». Это сборник его стихов и переводов произведений русских поэтов. В 2014 году Р. Пилосян выпустил первую книгу анекдотов «Мой совет, или 100+1 анекдот армянского радио с хвостом», а в 2016-ом – «Мой совет, или 300+3 анекдота армянского радио с хвостом». Годом ранее в США увидела свет первая часть сборника рассказов «Ключки памяти».

Рушан Пилюсян – заслуженный журналист РК, член Союза журналистов России и Украины, награждён грамотой КАО, памятными медалями им. И. К. Айвазовского и «Сурб Хач-650», высшей наградой КАО – «Золотой знак», почётными грамотами Гостелерадиокомпании «Крым», благодарностями Министерства образования и науки АРК, грамотами Министерства диаспоры Республики Армения.

Г А У Р К "Медиацентр им. И. Гаспринского"

И ТАКИМ БЫВАЕТ ХВОСТ

Отрывки из книги «Мой совет, или 300+3 анекдота Армянского радио с «хвостом».

Идея создания необычного сборника – анекдоты с «хвостами» – возникла внезапно. Сам не могу объяснить, откуда появился этот «хвост»? – «Мой совет», который может быть смешным и неожиданным, тупым и нелепым, острым и не очень... Но факт налицо (а может быть, на лице?) – идея реализована за короткий срок. Другой вопрос, получились ли хорошо, имеют ли право на жизнь эти анекдоты, или можно их выбросить в мусорное ведро вместе со всеми «хвостами» и забыть о них раз и навсегда? Вот это я бы хотел узнать у вас, уважаемые читатели. О ваших замечаниях и предложениях напишите мне, если, конечно, найдёте мой адрес.

И ещё: я хорошо помню одну поговорку о том, что, если человек у тебя просит денег, не надо давать ему советы. Но я осмелился дать советы по одной простой причине: вы же не просите у меня денег, значит, я могу давать вам бесплатные (заметьте!!!) советы, которым необязательно следовать...

И последнее: если правда, что смех продлевает жизнь, то мы на верном пути, предлагая вам 303+3 раза окунуться в мир смеха. Правда, мы не знаем, наши анекдоты 303+3 секунды, минуты, часы, месяцы, годы или, чем чёрт не шутит, века продлят вам жизнь? В таких случаях обычно говорят, что практика покажет. Вот так!

С уважением, автор!

* * *

Однажды налоговый инспектор пожаловался своему коллеге: «Встретился с одним непонятливым налогоплательщиком. Я объяснил ему, как нужно заполнить декларацию, а он не понял. Я второй раз объяснил ему, он опять не понял. Объяснил третий раз, сам уже начал понимать, а он опять не понял».

Мой совет: в таких случаях лучше объяснить шесть раз – есть надежда, что непонимающий налогоплательщик наконец-то поймёт. А если всё равно не поймёт – не беда, зато вы поймёте дважды!

* * *

Мужчина идёт к проститутке. После того как он заплатил, девушка начинает страстно целовать его. Мужчина говорит: «Послушай, красавица, если ты меня так любишь, зачем тогда деньги взяла?»

Мой совет: прежде чем идти к проституткам, читайте книги о них. Вы там найдёте много полезных советов о том, как себя вести с проститутками.

* * *

Человек сунул свою руку в серную кислоту, вынимает, смотрит, руки нет. Потом сунул свою голову, чтобы искать руку.

Мой совет: не суйте свою голову, чтобы искать руку. Для этого есть вторая рука. Лучше остаться без рук, чем без головы.

* * *

Оказывается, когда Ной спустился на землю, его первыми встретили армяне, подумав, что цирк приехал.

Мой совет: армяне, не путайте цирк с новым ковчегом. Там каждой твари было по паре, а в каком цирке вы видели такое?

* * *

Вопрос Армянскому радио:

- Трудно ли сделать кофе с пенкой?
- Да раз плюнуть!

Мой совет: а если плюнуть два раза, получится двойная порция – много, дёшево и, что самое главное, легко.

* * *

Вопрос Армянскому радио:

– Почему финны не едят чахохбили?

Ответ:

– В отместку. Потому что грузины не едят яйлокойвистуааре.

Мой совет: никогда не ешьте блюда с таким сверхсложным названием – очень трудно выговорить, более того, неизвестно, переварите ли? У меня уже началась изжога, а говорить ох как трудно!

* * *

Вопрос Армянскому радио:

– Почему пропали анекдоты Армянского радио?

Существует два варианта ответа:

– Потому что умер тот еврей, который придумывал вопросы и ответы. Или... – Это было временное явление. Анекдоты Армянского радио никуда не подевались, а того умершего еврея заменил новорождённый еврей. Армянское радио будет жить до тех пор, пока на свете живет хоть один еврей, который придумает и вопросы, и ответы.

Мой совет: давайте выпьем за бессмертие еврейского народа, чтобы вечно жили анекдоты Армянского радио!

* * *

– Люди, люди! – громко кричит Похос с улицы среди ночи.

Перепутанные жители дома вскакивают с постелей и спрашивают:

– Что тебе, эй?

– Почему вы не спите?

Мой совет: чтобы вас посреди ночи не разбудил Похос или ему подобные, перед сном обязательно затыкайте уши каким-нибудь звукоизолирующим материалом, например, большими пальцами обеих ног. Неудобно? Но зато какая тишина – глухо, как в танке!

* * *

– Товарищ милиционер, скажите, кто это: сын моего отца, но не я? – спрашивает парикмахер милиционера, которого бреет.

– Не знаю, скажи, пожалуйста, кто?

– Это мой брат, – улыбается парикмахер.

Спустя некоторое время милиционер идёт на работу. Здоровается с начальником и шутит:

– Товарищ начальник, кто это: сын моего отца, но не я?

– Не могу сказать, – стушевался начальник, – а кто?

– Брат парикмахера, – довольно улыбается милиционер.

Мой совет: никогда не задавайте милиционеру такие глупые вопросы. Его тонкий и развитой ум создан для вопросов более умных и сложных.

* * *

Два священника рассказывают друг другу о своих доходах.

– Черчу два круга: один – мне, другой – Богу. Деньги подкидываю: если упадут в круг для Бога – его, если ко мне – мои.

– Я мешок с кладом кидаю вверх: Бог поймает – его, не поймает – мой.

Мой совет: не верьте сказанному, иные священники поступают логичнее: и не отвлекают Бога подобными мелочами. Зачем делить какие-то деньги с ним, если весь мир и так принадлежит Создателю?

* * *

Симон просит проводника разбудить его, когда придут в Ванадзор.

– Вставай, Ванадзор, – будит его проводник.

Симон быстро надевает одежду спящего в купе милиционера и сходит с поезда.

– Вай, Симон-джан, ты милиционером работаешь? – спрашивает его на улице знакомый.

– Вот негодяй, – ругает проводника Симон, – меня оставил, милиционера разбудил!

Мой совет: когда вас по вашей же просьбе будит проводник, прежде чем просыпаться, проверьте – точно ли вас будят.

* * *

Один признаётся своему другу:

– К сожалению, мои любовные дела удались на 50 процентов.

– Как это? – недоумевает друг.

– А вот так это: я люблю, а девушка меня – нет.

Мой совет: если вы хотите, чтобы ваши любовные дела удались на 100 процентов, любите сразу двух девушек, и 100-процентная удача вам гарантирована.

* * *

– Хачик, спишь или нет? – спрашивает его жена.

– А что? – поинтересовался Хачик.

– Дай 100 долларов!

– Я сплю.

Мой совет: не беспокойте Хачика по мелочам, у него более крупные купюры.

* * *

Японцы придумали робота, отвечающего на все вопросы. Проводят испытания. Один армянин шепчет роботу какие-то слова, робот сгорает.

– Что ты сказал, что он сгорел?

– Просто спросил: «Как ты?»

Робота забирают, совершенствуют, снова приносят.

Снова армянин что-то спрашивает, снова робот сгорает.

– Теперь что ты спросил, что он сгорел?

– Спросил: «Как ты?» Он что-то прошептал. Я тогда спросил: «А ещё как ты?»

Мой совет: дорогие японцы-саны, никогда не приглашайте армян на такие испытания. Сгорит любой робот, потому что армянский язык очень сложный, и даже некоторые армяне не владеют им в полной мере, куда уж там вашим роботам!

* * *

- Симон, иди, я медведя поймал!
- Отпусти его, опасно!
- Я отпустил, он не отпускает.

Мой совет: если вы когда-нибудь окажетесь в такой ситуации, как Симон, то вспомните волшебное слово «пожалуйста», и если медведь окажется воспитанным, то он обязательно отпустит вас.

* * *

Сидят двое на скамейке в парке. Один засмеялся.

- Что случилось?
- Анекдот вспомнил.
- Спустя некоторое время опять захохотал.
- А сейчас что случилось?
- Ещё один анекдот вспомнил.

Через некоторое время стал заливаться смехом.

- Что случилось?
- Этот анекдот я раньше не слышал.

Мой совет: нехорошо только для себя слушать анекдоты, дайте насладиться всем, кто находится рядом – включите телепатию.

* * *

Два армянина, впервые попавшие в Лондон, едут в двухэтажном автобусе. Один из них поднялся наверх и вскоре спустился с перепуганным лицом.

– Хачик, не ходи туда, – сказал он своему приятелю. – Там нет шофёра.

Мой совет: армяне, спокойно и без паники пользуйтесь двухэтажными автобусами в Лондоне и знайте, что лондонские водители уникальны и неповторимы. Они могут водить сразу два автобуса одновременно, находясь только в одном из них.

* * *

Милиционер подходит к Вачику, который ловит рыбу в неподобающем месте, и требует уплатить штраф.

– Но я не рыбачу, – отвечает тот, – я просто купаю червяка. Милиционер, взглянув на червяка, тем не менее выписывает квитанцию:

– Платите штраф, уважаемый!

– За что? – спрашивает Вачик.

– За то, что он плавает без купальника в общественном месте.

Мой совет: чтобы не платить штраф, купайте своих червяков на нудистском пляже.

* * *

Трое пьяниц ползут по железнодорожному полотну.

– Что-то лестница очень длинная, – говорит один.

– И перила холодные, – добавляет второй.

– Ничего, ничего, – успокаивает сапожников третий. – Вон уже лифт идёт. Сейчас доедем.

Мой совет: никогда не ездите на лифте в пьяном виде, этот лифт может оказаться последним в вашей жизни.

* * *

– Говорят, что только каждый десятый брак счастливый!

– Чего не знаю, чего не знаю: я был женат только четыре раза.

Мой совет: женитесь хотя бы десять раз, а то так и не узнаете, что такое счастливый брак.

* * *

Жена – мужу:

– Скажи, Роберт, какая жена тебе больше по душе – костлявая и вредная или толстая и весёлая?

– А сколько килограммов ты должна прибавить, чтобы стать весёлой?

Мой совет: что костлявая и вредная, что толстая и весёлая – одинаково плохо, потому что две крайности, и главное – ни за что не переделаешь. Лучше жениться на золотой середине – это костовреднотолстовесёлая жена, сокращённо – КВТВЖ.

* * *

Жена – мужу:

– Ты уже целый час объясняешь этой женщине, куда ведёт эта улица. Но ведь и сам этого не знаешь!..

– Да... Но не могу же я отказать человеку в помощи.

Мой совет: нужно помогать людям, особенно женщине, потому что она, по словам известного артиста, не только человек, она ещё и друг человека.

* * *

Симон идёт по селу и волочит за собой верёвку. Идущий навстречу односельчанин спрашивает:

– Симон, ты чего верёвку волочишь за собой?

– Ну не толкать же её?

Мой совет: не толкайте то, что нужно волочить, и не волочите то, что нужно толкать. Полный список предметов, которые нужно толкать и волочить, вы найдёте в Большой советской энциклопедии.

* * *

Вопрос Армянскому радио:

– Как прожить до ста лет?

Ответ:

– Выпивайте каждое утро по чашечке горячего кофе в течение 5220 недель.

Мой совет: выпивайте каждое утро по чашечке горячего кофе и запивайте холодным чаем в течение 10440 недель. Проживёте двести лет.

* * *

Целый час Рубен роется во всех карманах, а потом говорит жене:

– Рузанна, никак не могу найти свой бумажник. В нём были деньги. Попробуй ты поискать.

– В брюках смотрел?

– Смотрел.

- А в плаще?
- Тоже.
- В пиджаке?
- Смотрел.
- А во внутренних карманах?
- Нет.
- Почему?
- Если его и там нет, у меня будет инфаркт.

Мой совет: чтобы исключить инфаркт в таких случаях, есть два варианта. Первый – покупайте одежду без внутренних карманов, второй – ищите бумажник в больнице, чтобы в случае чрезмерного волнения вам вовремя оказали медицинскую помощь.

Вагаршак Мазлумян

Вагаршак Седракович Мазлумян родился 21 ноября 1937 года в деревне Шейх-Мамай Старокрымского района, Крым. С 1941 по 1944 год находился в оккупации. В 1944 году вместе с семьёй был выслан на Урал. Там окончил 10 классов.

С 1957 по 1960 год служил в Советской армии. В 1963 году окончил мотоциклетный техникум в г. Ирбите Свердловской области. С 1963 по 1970 год работал инженером-технологом на вагоностроительном заводе в Днепродзержинске.

В 1970 году окончил Днепропетровский инженерно-строительный институт. С 1970 по 1977 год работал на стройках Днепропетровской области, где прошёл путь от мастера до главного инженера строительного управления. С 1977 по 1993 год работал на стройках Армении на руководящих должностях. Строил 16-й квартал в Ереване.

С 1993 года по настоящее время проживает в крымском посёлке Айкаване. Участвовал в его строительстве с 1993 по 1999 год. С 1999 по 2004 год работал заместителем директора

по финансово-экономической деятельности Симферопольского ремонтно-механического завода.

С 2006 по 2010 год избирался депутатом местного совета.

Вагаршак Мазлумян – член Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины.

Г А У Р К "Медиацентр им. И. Гаспринского"

ЦАРЬ ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

*Продолжение. Начало в №№ 5, 6, 7, 8, 9
альманаха «Родина в сердце».*

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЙНА С ПАРФИЕЙ

До начала большой войны с Парфией оставалось всё меньше и меньше времени. Объединение армянских земель во единое целое в основном было завершено. Создав выгодно для себя геополитическую конфигурацию, Тигран без особых усилий присоединил к Армении несколько областей Кападовкии. В период между 5417 и 5421 годами в состав Армении Великой были включены Вирк и Агванк. Осуществив эти мероприятия Тигран создал необходимые предпосылки для схватки с основным соперником – Парфянской империей. Все прошедшие годы армянский царь не забывал об унижении парфянским двором его чести и достоинства, об уступке больших армянских территории в обмен на корону...

Прохладное весеннее утро. Арташат давно проснулся, из ердиков поднимаются в небо струйки дыма и растворяясь тают в его безбрежной синеве. Помалу всё приходит в движение: кто гонит скотину на водопой к реке, кто корову на выпас, кто-то громко бранится, выгоняя чужих кур со своего огорода. Мужчины – кто в одиночку, кто группами направляются на работу в свои цеха, поля, огороды. Женщины, по прохладе, подметают свои дворы, выбивают пыль с ковров и дорожек, подвешенных на заборах, переговариваясь через дворы друг с другом. Девушки с глиняными кувшинами стайками спешат к ручью за водой, другие уже возвращаются с водой, грациозно склоняя голову к кувшину. Постепенно в воздухе доносятся разные звуки, обрывки разговоров, цокот копыт, блеяние овец и коз, удары по наковальням в кузнечных рядах уста Вагана, выполнявшего новый заказ для армии. Шум кузнечных ударов

заглушал порой всех остальных горожан. В последнее время уста Ваган выполнял важный государственный заказ – колдовал над приспособлением для чеканки монет. Тигли для плавки цветного металла были уже готов, оставалось изготовить формы с изображением царя Тиграна. Кузнец был польщён, что ему доверили такое важное дело, о котором он даже не обмолвился в доме, а рассказал лишь своему закадычному другу гончару Ваго, доверяя ему, как самому себе. Вот и сейчас они вместе направляются в свои цеха, по дороге обсуждая домашние и государственные дела. Как всегда, больше говорил кузнец, отличавшийся остроумием и словоохотливостью, не в пример своему молчаливому другу, из которого каждое слово нужно было вытаскивать клещами, ибо не дождёшься.

– Скоро, Ваго-джан, будем чеканить свои собственные деньги! – из взаимных приветствий, пожелания здоровья всем членам семейства, а их у друзей было превелико много, начал свой очередной разговор кузнец. – Приходил вчера ко мне на работу сам хранитель золотых и серебряных запасов царя Месроп Амадуни, он интересовался ходом работ по завершению изготовления заказа. Торопил меня, чтобы я быстрее закончил. Хочет выдать денежное жалование нашим воинам собственными монетами перед походом. Я не стал уточнять, перед каким походом, и так всем давно ясно. В городе давно об этом все говорят в открытую, хотят наши отомстить парфянам за унижение их двором нашего многоуважаемого царя, а также вернуть наши исконные земли.

– И у меня тоже был большой заказ, – наконец раскрыл свой рот гончар. – Для катапульта и баллист изготовили несколько тысяч разных горшков. Без работы не сидели...

За разговором друзья не заметили, как оказались возле ворот кузнечного цеха. Прежде чем расстаться на время, Ваган напоследок поинтересовался:

– Я слышал, твой Вазген стал командиром полка?

– Стал! – с гордостью подтвердил Ваго. – Спарает им доволен. Недавно Вазген был дома и хотел повидаться с твоей Нуне, но парень постеснялся...

– Давно нам пора породниться! – весело воскликнул кузнец, шутливо ткнув кулаком в грудь гончара и не оглядываясь скрылся за воротами мастерской.

С лёгкостью в душе Ваго продолжил путь к своим мастерским, радуясь услышанному известью из уст друга. Гончар любил своего старшего сына и желал ему счастья в совместной жизни с дочерью кузнеца...

За Евфратом, окутанным молочно-голубым туманом, поднималось солнце. Огромное, красное, оно ещё не жгло, а только ласкало и светило, заливая всё ровным светом. Каждая росинка в этот ранний час сияла маленьким солнышком на сизых кустах придорожной метёлки. Слышны были крики, сплошной гул со стороны долины, откуда двигалась парфянская армия.

Сарапет смотрел, как шевелятся и сжимаются за спиной Тиграна его длинные костлявые пальцы, как косят и ничего не видят налитые кровью глаза, судорожно дёргается верхняя презрительно оттопыренная губа, обнажая редкие крупные, как у лошади, зубы...

При присоединении Софены к Армении Великой парфянский царь Митридат II был уверен в том, что Селевкидская Сирия постарается помочь своему соседу, но этого не случилось. А после успешного присоединения к Армении больших территорий Каппадокии и добровольного вхождения Вирка и Агванка в состав Армении, Митридат нутром почуял, что под Парфией нависла серьёзная опасность со стороны Армении Великой. После расставания Митридата с Тиграном прошло восемь лет. На протяжении всех этих лет парфянский царь пристально следил за действиями своего некогда бывшего заложника. Три дня назад лазутчики доложили Митридату, что в столицу Армении Арташат со всех концов страны стекаются войска – десятки тысяч конников, пехоты. Из Армавира доставляются осадные орудия...

Официально объявлено, что это очередной смотр войск, но этому никто не верил, все говорят, что Тигран решил разделиться с Пафией и что час возмездия настал.

Каждый раз, после очередного успеха армянского царя, парфянский царь в душе корил себя за то, что в своё время не воспользовался советами своего шурина Абаса, не уничтожил Тиграна, позарился на армянские земли, наслушавшись сладостных речей Шапуха. Вот теперь придётся за всё расплачиваться...

– Эх, жадность меня погубит! – часто корил про себя престарелый царь.

В большой тревоге в последние дни пребывал Митридат. Он подолгу в одиночестве бродил по аллеям парка, ни с кем не разговаривая. Подданные не осмеивались спросить государя, что его гложет, чем он так озабочен и опечален, что его угнетает. Вот и сегодня парфянский царь через узорчатое окно смотрит во двор своего дворца, где царевич Ород со своими друзьями развлекается в стрельбе из лука по летящим голубям, проверяя остроту глаза и твёрдость руки. Царю уже далеко за семьдесят. Был он высоким и костлявым, на голове впережку седые и чёрные волосы выглядывали из-под красного тюрбана. Митридат носил длинную посеребренную бороду, крашенную хной. Крючковатый нос и выпученные серые глаза придавали ему вид нахохлившегося филина.

Было полуденное время, солнце приятно обогревало землю, купая в летних лучах дворец, сад, крепостные стены Ктесифона, а вдали серебрились воды Тигра. Во дворе шло очередное занятие по стрельбе из лука, но царя сегодня это не интересовало, да, к слову сказать, он не был настроен на приятное времяпровождение, а всё думал, думал... О чём он думал, что его угнетало?

Сообщение лазутчиков окончательно убедило Митридата, что сбор огромного армянского войска в Арташате не случаен. По всему видно, что Тигран движет своё войско на Парфию. Угроза, исходившая восемь лет назад из уст Тиграна по поводу того, что он сотрёт в порошок Парфию, оказалась не бахвальством, а имеет реальные последствия. Царь парфянский приказал срочно созвать военный совет с привлечением визиров, через гонцов велел в срочном порядке всем наместникам

сатрапов и военачальников явиться во дворец на экстренное военное совещание. Собравшиеся вельможи недоумевали, почему такая спешка? Что такое случилось, что царь собрал их на внеочередное совещание. Митридат оглядел собравшихся своим хищным взором всех поочерёдно, никого не пропуская, как бы прощупывая на надёжность, а затем изрек:

– Мои верные подданные, мои достопочтенные вельможи и полководцы! Я вас собрал в тревожный для нашей родины час.

От этих первых слов царя у многих собравшихся вытянулись шеи и раскрылись рты от недоумения.

– От верных мне людей до меня дошла новость, что царь арменов Тигран в считанные дни движет на нас огромную армию с целью захвата нашей столицы Ктесифона.

Услышав эту новость, многие с облегчением вздохнули и засмеялись, никто из них всерьёз к этому сообщению не отнёсся.

– У армян, что, головы нет на плечах? – одновременно раздалось в разных местах. – Забыли, как они у нас под каблуком сидели, а ихний царь совсем недавно был у нас заложником...

– Государь, я этих арменов своим полком бессмертных пушу в бегство! – самонадеянно заявил Аристах. – Будут бегать аж да самой Артаксии!..

Заявление командующего полка бессмертных вызвало новый взрыв смеха. Властным жестом царь призвал совет к тишине и спокойствию, а затем сказал:

– То, что у вас благодушное настроение и уверенность в нашей победе, может, это меня радует, но недооценивать противника нельзя. Сейчас другое время, и страна арменов стала могучей державой с сильной армией. Несколько лет назад Тигран захватил Софену, а совсем недавно присоединил к Армении Грузию и Албанию. За свои тылы царь арменов не беспокоится, у него мощный союзник – понтийский царь Митридат Евпатор, с которым он в родственных отношениях.

От этих сообщений улыбка постепенно стала исчезать с высокомерных лиц парфянских вельмож, которые наконец-то поняли, с кем они будут иметь дело и какая угроза надвига-

ется на их страну. На миг воцарилась тишина, что даже стало слышно пение птиц за окном и журчание ручейка в саду. Как бы стяхнув с себя минутное оцепенение, царь, глядя в глаза своего первого визира Абаса, продолжил:

– Мои верные подданные, нам не избежать большой войны с арменами, и потому вам приказываю принять все необходимые меры по укреплению границ империи. Гарнизоны городов, крепостей увеличить войсками, снабдив их надлежащим образом оружием и провиантом. Армию привести в полную боевую готовность и часть её направить на защиту государственных границ с северо-запада страны. По предполагаемому пути следования армян вглубь нашей страны сделать лесные и каменные завалы, чтобы препятствовать их продвижению, заставляя делать обходные пути для вырывания времени на подготовку обороны нашей столицы. Начальнику гарнизона Ксетифана усилить оборонную мощь города, пополнить продовольственные запасы на случай осады...

Царь глянул на вновь вытянувшиеся лица собравшихся, которых начал подтачивать червь сомнения по случаю благополучного исхода от противоборства с армянами.

Митридат решил их успокоить, подбодрить и вялой улыбкой добавил:

– Я думаю, до этого дело не дойдёт, и наши славные воины остановят армян у наших границ.

Каждый из парфянских военачальников поклялся Митридату, что в случае войны доставит в Ктесифон царя армян, в чём мать родила, привязанным на короткой верёвке к своей колеснице, и поставит перед повелителем на колени.

Площадь перед царским дворцом в Артамате вновь была заполнена войсками и провожающим народом. Только на этот раз войско было немногим больше, чем перед походом на Софену. Разношёрстная толпа, как всегда, бурлила и шумела, провожая армию в поход, желая ей успеха в предстоящих сражениях и возвращения домой с победой. Народ был опьянён бескровными победами над предыдущими соперниками и жаждал мщения за оскорбления своего царя и возврата своих

исконных земель, захваченных Парфией коварным путём. В разных местах людской массы слышались споры, порой доходило до хрипоты, когда один доказывал другому, что с такой великой армией можно дойти до берегов Красного моря.

– А где это? – вопрошал один.

– Очень далеко! – отвечали другие, прикидывая в уме, а потом добавляя: Свыше двухсот парсахов будет.

– Но наши туда не идут, – парировали сведущие, говоря при этом, – идут на Парфию, чтобы вернуть наши земли и отомстить парсикам.

Ни одно даже маломальское мероприятие в городе не обходилось без участия горбуна Огана, который своим уродством вызывал у горожан смех.

Помимо уродства, Оган страдал слабоумием. Вот и сегодня в своих неизменных лохмотьях и шлеме, водружённом на косматую голову, неизвестно где им добытым, горбун всем заявил:

– Я тоже иду в поход на Парфию, спарапет нуждается в моих советах.

Мальчишки потешались над ним, просили, чтобы из похода пригнал диковинного слона.

И среди провожавших были наши старые знакомые – кузнец Ваган со своим другом гончаром Ваго, которые пришли проводить Вазгена и пожелать ему успехов в должности командира пехотного полка. Кузнец любовался своей работой, а гончар с отцовской нежностью гладил очами своего сына.

– Очень много доспехов и оружия изготовили. Видишь на воинах напичканы, – начал, как всегда, разговорчивый, краснощёкий от ежедневного обращения с раскалённым металлом, сорокалетний, с крепко сбитым телом кузнец Ваган, – это моя новая работа. Теперь есть чем защищать плечи воинов от ударов мечей. Сделаны они из отдельных металлических полосок и сведены в единое целое на верхней пластинке заклёпками, а чтобы пластинки не тёрли тело, изнутри обиты войлоком.

Ваго не вникал в тонкости новых доспехов, а был все цело поглощён своим сыном, который стоял во главе своей тысячи пехотинцев, восседая на вороном жеребце.

Всё снаряжение и оружие для Вазгена с большим вкусом и умением изготовил кузнец Ваган как подарок своему будущему зятю: на нём сверкали, как рыба чешуя, пластинчатые доспехи, тоже новинка кузнеца. Сбоку широкого металлического пояса был пристёгнут широкий короткий меч, изготовленный из отличного твёрдого сплава, закалённый в крови буйволов. На ногах Вазгена красовались блестящие, аж до рези в глазах, подлокотники и наколенники. Обут Вазген в высокие ботинки со шпорами. Завершали снаряжение командира полка шлем с забралом, в прорезях которого блестели карие глаза braveго молодца. Из-под шлема на плечи военного начальника ниспадали чёрные прямые волосы. Под стать сбоку и конь имел braveый вид: перебирал на месте ногами, грыз удила уздечки и косил огненными глазами на толпу зевак, с нетерпением дожидаясь команды на марш.

Вдруг затрубили винтообразные сигнальные трубы музыкантов, запахнулись парадные двери, показался царь с молодой царицей. В блестящих позолоченных доспехах Тигран и в тонких ажурных одеждах царица с перепоясанной осиной талией золотым поясом с вкрапленными жемчужными горошинами и массивным золотым ожерельем на прелестной лебединой шейке. Её красивая головка со златокудрыми длинными волосами была перехвачена на затылке золотой приколкой. Завершали наряд Клеопатры золотой обруч, надетый на голову со свисающей на лоб золотой подвеской с дорогими камнями. При виде царской четы войско и народ, что было мочи, закричали:

– Да здравствует наш царь Тигран!.. Да здравствует наша царица Клеопатра!.. Слава!.. Слава!..

Под непрерывный гул народа царь с царицей медленно стали спускаться по мраморным ступеням лестницы, осыпаемые лепестками роз. Обстановка была торжественной, природа об этом позаботилась – день был солнечным, дул слабый ветерок, обласкивая каждым дуновением лица людей и перетряхивая листочки деревьев, которые от этого радостно дрожали. Чтобы не омрачать торжественность начинающегося дня, даже нищие городские, не осмеливались кланчить милостыню у царской

четы и лишь лицезрели это зрелище со стороны, боясь получить удары плётками от стражников, которые чётко контролировали обстановку. Царь с царицей подошли к войску и остановились. И в это время, торжественно чеканя шаг, к ним с рапортом подошёл спарапет Варужан. Он отсалютовал мечом и зычным голосом произнёс:

– Царь Армении Великой! Царь Армении Малой! Царь Софены! Царь Вирка! Царь Албании! Войска для похода построены и ждут приказа!

– Мои славные и непобедимые воины! – начал Тигран – Мы вместе с вами дойдём до сердца Порфии – Ктесифона, чтобы вернуть наши исконно армянские земли, вероломно ею захваченные. Я сокрошу мощь Парфии, которая постоянно зарится на наши земли и хочет сделать нас своими рабами, которая хочет разрушить наши прекрасные города и сёла. Чтобы этого не случилось, мы должны разрушить это осиное гнездо! Разрушить до основания!

– Веди нас государь на Ктесифон! – с воодушевлением ответила армия. – Мы преподнесём тебе корону Парфянской империи!...

Под ликующие крики народа царь взмахом руки дал приказ на выступление. Первой двинулась тяжёлая кавалерия, возглавляемая её неизменным командующим Меликом Восканом. Вслед за нею отправилась лёгкая кавалерия, возглавляемая возмужавшим командиром Меликом Завеном. Затем шла пехота, вооружённая копьями, дротиками, луками. Потом опять конница и опять пехота... Гулко гудела земля под мерно шагавшим войском, лязгало оружие. Длинным плотным рядам, казалось, не было конца.

Пронеслись сотни боевых колесниц, впряжённых в четвёрку коней с длинными выступающими заострёнными концами дышел. Вслед за войском ехал царь со спарапетом и придворными. Во главе дворцового полка охраны, почётным командиром которого был сам царь, ехал Овнан Сарухан, а рядом с ним – царский писарь Хачик, который в этот раз был облачён в боевые доспехи, но в походной сумке вёз за собой письмен-

ные принадлежности, чтобы на досуге описать все военные события похода на память потомкам. За войском ехали жрецы, чтобы перед каждым боем просить небеса и светила даровать армянскому войску победу, и для этого везли с собой жертвенных белых голубей в деревянных клетках.

Замыкали шествие многотысячные волы и мулы, неторопливо тащившие стенобитные орудия, катапульты, провианты для войска и фураж животным, палатки и шатры, оружие и многое другое имущество...

...Оставляя позади себя шлейф пыли, мчался на беженном скаку к крепостным воротам Ктесифона одинокий всадник на взмыленном коне, бросив по пути следования несколько загнанных до смерти лошадей.

По развевающемуся сзади всадника белому полотнищу, стража города сразу определила, что с важной и срочной вестью к царю мчится гонец, и немедленно распахнула перед ним ворота. Гонец, не сбавляя хода, помчался к царскому дворцу, обдав стражников конским потом и пылью. Всадник соскочил с шатающегося коня, по ходу бросая поводья в руки подбежавшему конюшему, и бегом пустился по мраморным ступеням к царю, где тот с нетерпением ожидал его с утра.

– Великий государь земли Порфии! Царь царей Востока! взволнованно срывающимся голосом начал гонец, глядя в не менее взволнованное и растерянно сморщенное лицо своего владыки. – Полководец Фирдуси велел передать тебе, государь, лично, что на нашу страну движется огромная армия армян во главе с царём Тиграном. Только одной конницы – около пятидесяти тысяч человек, а пехоты ещё больше. Все хорошо вооружены, панцирями защищены. Везут за собой большое количество осадных и метательных орудий, сотни боевых колесниц...

Гонец закончил своё донесение. Умолк. Уставился на ещё более бледное и нервно вздрагивающее лицо царя Митридата. После долгого молчания и размышления царь повелел:

– Немедленно передай полководцу Фирдусу, чтобы на границах с армянами в бой не вступал. Пусть все свои войска

отведёт за Тигр и сосредоточит между сатрапиями Месопотамии и Вавилонии недалеко от города Ашшура и там встретит армян и утопит в реке. Сообщи ему, что через десять дней я с войском приду ему на подмогу, – царь замолк и после небольшого обдумывания поинтересовался: – Говоришь, у армян такая большая армия?

– Да, государь! – подтвердил гонец. – На десятки тысяч локтей растянулось войско в сплошном и плотном потоке. Пыль от конских копыт застилает солнце.

– Да-а! – в раздумье вымолвил царь, покусывая свои бледные бескровные губы. – Упустили момент... Теперь пожинаем плоды беспечности, – расхаживая взад и перед по ярко-красному ковру зала бормотал старик. Он вспомнил насмешливые слова из уст своих высокомерных полководцев, недавно сказанных в адрес армян на последнем военном совете. Парфянского царя охватило сомнение в благополучии исхода войны. Он всячески старался скрыть от гонца свою растерянность, но это ему плохо удавалось – угроза действительно была большая. Митридат лихорадочно прокручивал в уме варианты действий:

– Может, лучше будет, если я соберу всё войско под стенами Ктесифона и здесь дам решающее сражение. А вдруг войска за Тигром потерпят поражение, чем тогда я буду защищать столицу?

Митридат задавал себе много вопросов и сомневаясь их отбрасывал. Вновь после долгого обдумывания царь решил не изменять своего решения и с этим отпустил гонца...

Грачья Хачатрян

Грачья Аршавирович Хачатрян родился в 1947 году в селе Ошакан Армянской ССР. В 1973 году окончил отделение изобразительного искусства факультета художественного воспитания Ереванского государственного педагогического института им. Хачатура Абовяна. Работал учителем изобразительного искусства в школах Еревана, был внештатным корреспондентом газеты «Советакан дпроц».

В 1976 году Грачья Хачатрян художественно оформил издание Ованеса Шираза «Книга армянской судьбы».

В 1986 году получил звание «Учитель-методист», а в 1996-ом – «Народный мастер декоративно-прикладного искусства».

В 1999 году Г. Хачатрян по решению Министерства просвещения Республики Армения и Союза армянской помощи, был признан лучшим учителем года. В 1997 году он создал клуб поэзии «Алисия Киракосян» в Ереване и возглавил его работу.

С 2001 года Грачья Хачатрян с семьёй живёт и работает в Алуште. Его творчество высоко оценили как в Армении, так и в Крыму. Он был награждён многими грамотами и медалями, в том числе Грамотой и Памятной медалью им. И. К. Айвазовского Крымского армянского общества.

Грачья Хачатрян – талантливый художник-график, миниатюрист, мастер прикладного искусства. Он также пишет стихи и афоризмы на армянском языке, является членом Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины.

ГАУ РК "Медиацентр им. И. Гаспринского"

I
В горах всё было красиво:
Мишика была, и коестёр горел.
В горах, как в раю, так блаженно:
Мысленно туда я в миг пралетел.

III
И согрешили мы в этих горах
Кипело лето и в сердце моём.
Весна раюйвела в твоих очах,
И я стал гордым, счастливым орлом.

II
Там небинное озеро было.
В нем окунулся и взглядной смелый.
Влажная земля в горах кричала
От дбух сердец прикосновенный.

IV
В тех горах были только эти горы.
Как окружала горы мишика,
Крики восторга там нарушали,
И процветала влажная земля.

Где же ты теперь, нежность природы?
Где наша гора, озеро греха?
Пасибетет ли вновь подарок судьбы,
От прикосновенный влажная земля.
Гранды Качатрды,

* * *

В горах всё было красиво:
Тишина была и костёр горел,
В горах, как в раю, так блаженно,
Мысленно туда я в миг пролетел.

Там невинное озеро было,
В нём окнулся, и взгляд мой смелый.
Влажная земля в горах кричала
От двух сердец прикосновений.

И согрели мы в этих горах,
Кипело лето и в сердце моём.
Весна расцвела в твоих очах,
И я стал гордым, счастливым орлом.

В тех горах были только я и ты,
Нас окружала горы тишина,
Крики восторга лишь нарушали,
И процветала влажная земля.

Где же ты теперь, нежность природы?
Где наша гора, озеро греха?
Расцветает ли вновь подарок судьбы,
От прикосновений влажная земля?

ОТКРЫТАЯ МУШАРАБИЕ

Стою у дворца бывшей ханской столицы,
В прошлом ход сюда запретили,
Не по воле своей молодые девицы
Хозяина здесь ублажали.

Вот они, те дворцовые окна. Из них
Мир увидеть не смогла ни одна

Черноокая дева... А достоинство их
Ниже не было той, кто вольна.

Мушарабие было украшено здесь
Необычной, восточного стиля резьбой...
Не вода из фонтана, а слёзы лились
Пленниц хана, увы, не познавших любовь.

Я стою у дворца в ожиданье чудес
И смотрю на Таврический сад.
Вдруг в окне силуэт...
Дева-пленница? Здесь?
Да, она! Торжествует краса!

Открытая мушарабие

*Стою у дворца бывшей хакаской столицы,
В прошлом вход сюда запретили.
Не по воле своей молодые девицы
Хозяина здесь улаживали.*

*Вот окна те дворцовые окна. Из них
Мир увидеть смогла не одна
Черноокая дева...*

*А достоинство их
Ниже не было той, кто вольна.*

*Мушарабие было украшено здесь
Необычной, восточного стиля, резьбой...
Не вода из фонтана, а слезы лились
Пленниц хака, увы, не познавших любовь.*

*А стою у дворца, в ожиданье чудес,
И смотрю на Таврический сад.
Вдруг в окне силуэт...*

*Дева-пленница? Здесь?!
Да, она! Торжествует краса!*

Григорий Хачатрян
2009г.

ՆԱ ԻՄԱՑԱՎ

Մի անգամ անցնում էի ծովափնյա սալահատակված ճանապարհով, երբ մի ընկերակցի կարիք զգացվեց օգտվելու SV-ից: Եվ ինձ ճանաչելով՝ այդ սրճարանի երիտասարդ աշխատակցուհին ցույց տվեց դրա տեղը: Երևի դա դուր չեկավ այդ իսկ հիմնարկի բանասարկու «նաչալնիկին», որի խորամանկ աչքերի խորքում փայլում էր դավադրություն նյութելու տենչը՝ որպես նախանձից սրված մի դաշույն:

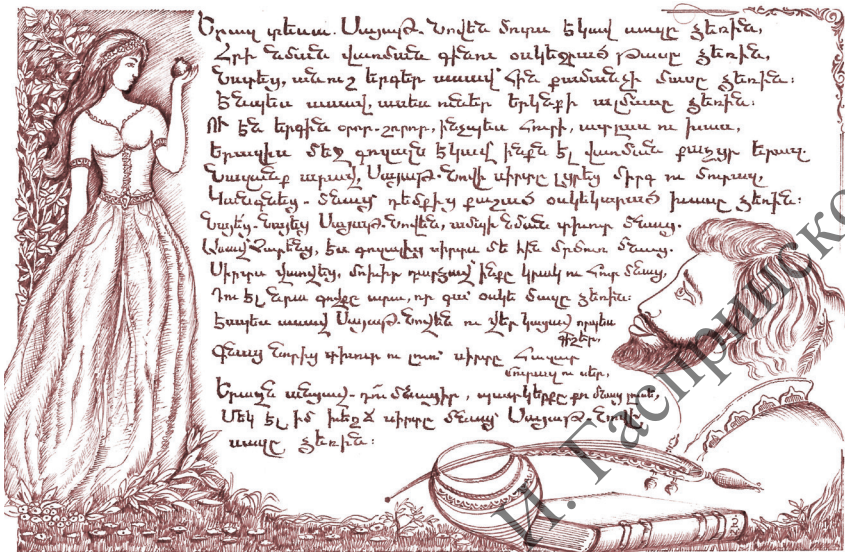
Երբ դուրս եկա այդ հիմնարկից՝ տեսնելով մյուս աշխատակիցներին և դուքանդարին, սկսեցի բոլորին բարևել՝ իբրև հայ քրիստոնյաների: Եվ ի՞նչ եք կարծում: Այդ դուքանի ամբարիշտ ղեկավարը, իր աշխատակիցների մոտ ավելի ազդեցիկ երևալու միտումով, ինձ ասաց. «Էլ ըստե չգաս»:

Մեկ ցանկացա անմիջապես պատժել այդ լալիշ ինքնահավանին, որը պետության տարածքում իր համար փող էր շինում, բայց ինչպե՞ս թույլ տաս քեզ, երբ այս օտար երկրում մեր հայ մնալու գիտակցությունը ապրում է քո մեջ՝ որպես հոգեկան կերտվածք: Եվ այն միտքը, որ օտար հողում ապրելով, մեկը դրամ է կուտակում և լկտիանում, մեկն էլ իր բնատուր շնորհքով կարողանում է հոգևոր և ազգային արժեքներ ստեղծել՝ ինձ թույլ չտվեց պատժելու նրան:

Եվ մեջս զսպելով այդ ողորմելուն պատժելու բռնկումը՝ հասկացա նաև, որ այդ կոլեկտիվի ողբախառությունը նման ղեկավար ունենալու մեջ է:

Ես մի հայացք նետեցի նրա՝ արդեն նախանձից դեղնած դեմքին, որը, գուցե, իմ տրամաբանված լռության մեջ ցանկացավ վախկոտություն տեսնել, կամ ինքնագոհությունից հղիացած, կամեցավ հաստատել իր գերակշռությունն իմ հանդեպ, բայց չստացվեց:

Աշխատողները վաղուց ծանոթ լինելով այդ մարդու ինքնագոհ և նախանձ բնավորությանը և ներքուստ ասելով նրան՝ իսկույն հասկացան ժուսական հայտնի ասացվածքի իմաստը. «И осёл сегодня зол, он узнал, что он осёл»:

Երայ Կեանա. Ապարձ. Երկն Երբեք Եկալ ասլը չեախն,
 Հրէ Բաննա վառննա գիտն օսկեղաւոճ թաւը չեախն,
 Երպէս, անուշ երգեր ասալ զի՞նք քանակէ՛ր. Եւր չեախն:
 Ե՛նայն ասալ, ասն ունէր երկէ՛քի արմաւը չեախն:
 Ո՛ր Ե՛ն երգն օրը-շորը, ինչպէս Հորի, արբաւ ու խաւ,
 Երապէս Ե՛ն գոպալն Եկալ ինքն Ել վառննա քանչը Երաւ,
 Մաւաճը արալ, Ապարձ. Երկի սիրը Լրիւ Երբ ու Երաւ,
 Կանգնէր. Ե՛նայր դե՛քի քաջաճ օսկեղաւոճ խաւ չեախն:
 Երկն, Երկն Ապարձ. Երկն, ասնի Ե՛ն Երբ Երաւ.
 Կալ Չարնէր, Եւ գոպալի սիրը Ե՛ն Երբ Երաւ Երաւ.
 Սիրը վառնէր, Երկի քաջալ ինքն Կալ ու Հոր Երաւ,
 Դու Ել Երա գոճը արա, որ զա՛ օսկն Երաւ չեախն:
 Երաւ ասալ Ապարձ. Երկն ու չէր կայալ օրն
 Գնայ Երկն սիրը ու Լա՛ սիրը Երաւ
 Երաւն անայալ. դո՛ւ Երաւի, պարկերը քո Երաւ լաւ,
 Մեկ Ել ի՞նչ ինչ սիրը Երաւ. Ապարձ. Երկն
 ասլը չեախն:

ԵՍ ՀԱՎՔ ԷՒ ԾՆՎԵԼ

Ես հավք էի ծնվել, որ նահորնի իմ հայրենի երկրի խորունկ ձորերի, բարձր սարերի, դաշտերի ու անտառների վրայով, բայց թևերս ծանրացան կյանքի բեռից ու ավելի ծանրացան ուրիշների բեռն էլ իմ ուսերին վերցնելուց. Ինձ երբեմն հարցնում են.

– Ինչո՞ւ չես թռչում, թռիչքիդ մեջ ավելի ներկայանալի կդառնա պաքըր հույզերիդ:

– Ինձ հոգու տվայտանքներն իմն են և ձերը լինել չեն կարող: Ես լինում եմ այնպիսի վայրերում, որ ձեր միտքն անգամ չի երևակայել, բայց իմ երգն անավարտ մնաց Խոսքով թագավորի անտառում, քանզի ես երգում էի «առավոտ լուսո», երբ նոր էր ծագում արևը, իսկ օրվա ողջ գեղեցկությունը վայելում էին անվերջ կռաացող ագռավները: Հետո, ավելի ուշ հասկացա, որ նրանք նույն մարդիկ են՝ թռչնի կերպարանքով:

Ու փոքրիկ հավքն սկսեց այրվել իր ստեղծած երգի մեծ կրակներում: Մի պաքըրով նա հայտնվեց Արարատ լեռան գագաթին և լայնացրեց բիբերը՝ տեսնելու պատմական սահմաններն իր նախնայաց

երկրի: Նայեց ու ցավ ապրեց, որ Արտամետի դաշտերի խնձորներն ուտում էին անհոգ, օտար մարդիկ, որոնք չեն էլ իմացել ու չգիտեն դեռ, որ մեր պապերի բահ ու բրիչի հետքերը կան Վասպուրական աշխարհի չորս ծագերում:

Եվ հավքը գմբուխտ՝ Մասիսի վրա սկսեց որոնել Սուրբ Հակոբ վանքը՝ աղբյուրը նրա, ապա առասպելական տապանը Նոյան: Նայելով ներքև տեսավ, որ Արաքս Մայր գետի ջրերը թափվում են օտար ծովեր: Եվ Չմբուխտ հավքի աչքերի խորքում մի տոհմիկ թախիժ վերհիշեց, թե ոնց տասնհինգ թվականի ապրիլյան մի օր, իր պատմական հայրենիքում սրի քաշվելով օսման թուրքերից, հրաշքով փրկված բեկորներն ազգիս ցրվեցին այսպես ամբողջ աշխարհում՝ դառնալով «Մփյուռք»: Ու չարչարեց միտքը՝ հասկանալու, թե այդ ինչպե՞ս, ո՞ւմ մեղքով այդ հսկա երկիրը մի բուռ դարձավ: Նայեց, նայեց Երևանին ու հայաշխարհի Արցախին ու վերստին լսեց երգը հայկազուն քաջերի, որի յիթմը երբեմն պատմում է պատմադարի կրակոցների, հայրենաբաղձ մի ժողովրդի պայքարի, տառապանքների, նրա ազատատենչ ոգու և հաղթանակների մասին:

Հոգնել էր հավքը, նրան տանջում էր հայ մարդու արժանապատիվ ապրելու ձգտումը, հզոր տերությունների վարած քաղաքականության հետևանքներից տուժած մի ամբողջ ժողովրդի հավաքական պահանջը լսել իր արդար ձայնը, որ երբևիցե աշխարհիս երեսին ոչ մի ժողովուրդ մեր երգը չկրկնի. «Գարուն ա, ձուն ա արել»:

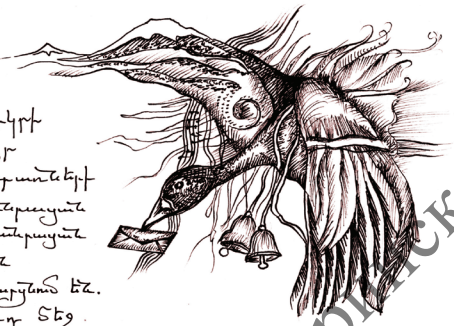
Եվ նա կարոտ հայացքով, կտրվելով այդ մի բուռ, մի աշխարհի հողակտորից, իջավ Սուրբ Խաչ վանքի գավթում ջուր խմելու ազգային ակունքներից ու բացելով հինավուրց մատյանը մեր պատմության լուսցրեց նրա կիսատ տողերից մեկը...

Եվ այս աշխարհի որ ծայրում էլ լինեք, ինչ քամիներից էլ մարվեն բոցերը մոմերիս, իմ աղոթքն առ Աստված միշտ ձեզ կգտնի՝ օրհնեղ զերով այն օրը, երբ Աստվածաշնչային Արարատը մեզ ազոզվին կկանչի տուն՝ հայոց հավերժով՝ Մաշտոցով...

*Հարպետ Հրաչյա,
Ղրիմ, Սուրբ Խաչ վանք, 2017 թ.*

Եւ համբ էի Տօնել, որ
 Ճարտեր ի՞նչ հայրենի երկրի
 խորունկ շրտերի ու բարձր
 սարերի, դաշտերի ու անառատների
 վրայով, բայց թեկա Տաթևացուն
 կյանքի բնույթ ու ավելի Տաթևացուն
 որիցն էի բնու էլ ի՞նչ ավելի
 վերջնական: Ի՞նչ երբե՞ս հայրենու եւ:

-Ի՞նչն ըն թույլում, թողնողի Տեղ:
 ավելի ներկայանալի կրասուն սպառ
 հույզերիդ: Ի՞նչ հոգու փոխադրություն է՞ս եւ
 և ճեղք լինել ընե կարող: Եւ վրան ե՞ն այնպիսի
 վայրերում, որ ճեղք Տիպի անգամ ղ երկանկարյալ
 բայց ի՞նչ երգն անավարար Տաթև Խոսրով թագավորի
 անպատան, քանիք եւ երգում էի անակող լուս, երբ
 նոր էր Տագուն սարեր, իսկ օրվա ու՞մ գեղեցկու -
 թույլ վայրում էին անվերջ կոտորույթ ազատները:
 Հեղու, ավելի ու՞մ եւ հասկացա որ արևոց անյա
 Տարրիկ եւ թռչել կերպարներով:

Ո՛ր փոքրիկ համբը սկսեց այրել իր սպեղծած
 երգի Տե՛ն կրակներում:

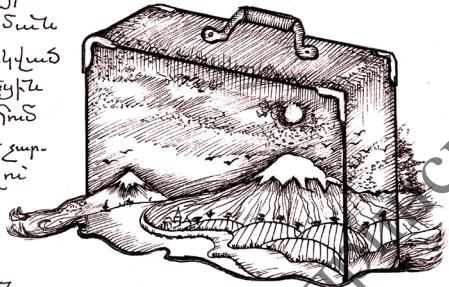
Սի սպառով հայրենու ան Երբբայ Լուսն
 զազարթե և լայնույթից թեթերը փնտռելու պարզա-
 կան անհատներին իր անհեղախ երկրի: Մայր ու
 ցավ սարից, որ Երբբայից դաշտերի ինչպիսի
 ուրում էին անհոգ, օրսար Տարրիկ, որնեք ընե էլ
 իմացել ու զգրելն դեռ, որ Տեթ պարսերի բառ ու
 բիբե՛նները կան շատարակյան աղբյուրի ջրու Տեղում:

Եւ համբը վրաբար Մասիկ վա սկսեց որնել
 Սաթ հայր վաթի՞ն աղբյուր էրս, սպա քրասուն
 Մայրն անասպեակյան: Մայրով ներքև փնտրով, որ
 Երբբա Մայր գեղի ջրերը թափվում են օրսար Տոնել:
 Եւ Երբբայ հավի՛ն աչքերի խորում Տի քա՛նՏիկ
 թափած վերճեց թե ո՞նց քրասնեղբ թո՛ւ սարիվան

[Handwritten signature]
 Հարություն Հրաչյան

ԴԱՅ ՔԿ ԱՊՐԵՆԻԱԿԱՆ ԿՐԹԱԿՈՒՄԻ ՄԱՍԻՎԱԿՈՒՄԻ ԿԵՆՏՐՈՆ

Տր օր, իր պարծական հայրե-
 նիքնս սրի քաշելով օսման
 թաքերից, հրաշքով փրկված
 բեկորներն սպիտակ ցրկային
 պատեւ ածրով աշխարհում
 դառնալով «Սիյունք»: Ո՛ր չար-
 չարեց ծիրք հասկառալուն
 թե այդ ինչպե՞ս, ո՞՞ճ
 Տեղքով այդ հսկա
 երկիրը Տ՛ր բոս դարձայ:

Նայեց... Նայեց երեւո՞ւտե
 և հայաշխարհ կրքախփե
 ու վերաբրե լեց երգը հայկապա՛նե քա՛շերի, որի
 ռիթմը երբե՛ճ պարճում է ալպոնճարի կրակոցներին,
 հայրենասրբաց Տ՛ր ժողովրդի պայքարի, քառասույնաբ-
 անի, արս սպարաբեկեց ոգու և հաջածուսկեղեղի
 ծաւիլն:

Հոգեւէլ էր հայքը, երանէ գո՞ւնցում էր հայ ճարդու
 արժանապարհի) սարկուն չփորճը, հարս փերսթոններով
 վարած քաղաքակառնու՞թիւ հերեւոյթներից քո՞ճս Տ՛ր
 ածրով ժողովրդի հայեւթական պահանջը՝ լեւե իր
 սրբար շայնը, որ երբեքից աշխարհիս երկեւե ո՞չ էր
 ժողովուրդ Տե՛ր երգը յերկնի. « Գարունս ս, ջունս ս սրե՛ք »:

Ե՛ւ Նա կարո՞ւ պայքով, կրկնելով այդ Տ՛ր բոս - Տ՛ր
 աշխարհ հոցակցուից, ի՞նչա՞յ Սորթ Սաջ
 յա՛նքի Տ՛ր քա՛յլ(ճում ջար իճեղն
 սպգայի սկունքներից ու բայե-
 ւով հիւսալուրց ճարքեւը
 Տե՛ր պարճու(ճա՛նե լրայրեց
 արս կիսար քոցերից Տե՛կը
 ... Ե՛ւ այս աշխարհի որ ճարճում
 Ե՛ւ լեւեթ, ի՞նչ քա՛ճեղեթից Ե՛ւ ճարճե՛ն
 բոցերը ճոճերիս, իճ սարթե՛ն սա
 Վարճան Տե՛զր շե՛լ կարճի օրճեթրգե-
 լով այ՛ն օրը, երբ հիթ(իսկա՛նե կարքարը Տե՛լ
 սպգայի և կհա՛նք քո՞նս հայոց հայեթ(ճո՞յ) Սաջրոցո՞յ...

Հարպեթ Հրաջճա, ՂրԻՏ, Սորթ Սաջ Վա՛նք 2017թ.

ԴԱՅ

Татевик Азарян

Родилась в г. Душанбе в 1987 году. В связи с военными событиями в Республике Таджикистан в 1991 году переехала с семьёй в г. Симферополь.

В 2005 году окончила среднюю школу, а в 2009-ом – Крымский факультет Национальной юридической Академии Украины им. Я. Мудрого.

Воспитывает двух сыновей. Ведёт активную творческую, социально-общественную и благотворительную деятельность, является сооснователем и руководителем Союза творческих армян Крыма «Цирани кориз». Идеальный вдохновитель и вечный двигатель Союза. Выступает с сольными поэтическими вечерами, участвует различных фестивалях.

За плечами Татевик большой опыт деятельности в сфере культурного добровольчества: реализация разнообразных проектов и успешное сотворчество с яркими представителями сферы искусств.

* * *

Ты – август, ты – выжженная трава,
Ты – блики усталого солнца-гиганта,
Ты – ветра напев и волны прохлады,
Ты – в памяти тлеешь, как уголь костра.

Ты – спелые гроздья ушедших закатов
Горят величаво над горизонтом.
Так сердце полно бесконечной истомой,
Ему нет покоя и нет ему сна.

Ты – хмель терпких вин, от того только слаще
Эфиром густым, маслянистым питаешь
Всё то, что люблю я сполна и до дна.

Спокойствием царским твой профиль мелькнёт,
Во днях, что уходят ближе к востоку.
Читай в моём имени адрес и город,
И пусть тебя Бог по дороге ведёт.
Увенчана славой она и тревогой.

* * *

Я собрала всю память по крупичам,
Перебрала её, как мелкую крупу.
Всплывали в ней знакомые все лица,
Поступки, фразы оживали наяву.

О, сколько было поднято со дна воспоминаний!
О, сколько нам дано в себе хранить!
Моменты и слова, и дрожь касаний,
И ощущений, что уже не пережить.

Я собирала невозвратные моменты,
Которым быть уже не суждено...
Я ими буду укрываться, словно мягким пледом,
Когда зимы дыхание мне постучит в окно.

* * *

Ты – пульсации у виска,
Барабанная дробь в животе.
Электричеством в теле дотла,
Громким треском, словно фейерверк.

Ты – как гул городской суеты
В жаркий день, и спасения нет.
Жаждой режешь, ничуть не щадя,
Забывая рубеж и предел.

* * *

Пить твою красоту – скользить губами по коже
И вдыхать аромат карамельный волнистых волос.
В этом мире я – странник, не знающий всё же,
Для чего нам Господь эту встречу весной преподнёс.
Я возьму по чуть-чуть от тебя полевые просторы,
И бездонных морей все шторма, и всю тишь.
Если б знать нам, что будет, когда обойдёт солнце горы.
Если б знать... Что готовит загадочно жизнь.

ГАУ РК "Медицентр им. И. Гаспринского"

ՆՈՐ ԶԱՅՆԵՐ

НОВЫЕ ГОЛОСА

Айказ Хачатурян

Айказ Маврикович Хачатурян родился в 1979 году в городе Кобулеті Республика Грузия. Там же окончил школу в 1996 году. В 2005 году окончил филологический факультет Батумского государственного университета по специальности «учитель русского языка и литературы». В 2000 году с семьёй переехал на постоянное место жительства в город Эчмиадзин Республики Армения. С 2008 года живёт в Кашатахском (Лачинском) районе и где преподаёт русский язык и шахматы.

Считает, что одним из самых важных приоритетов в жизни педагога, родителя и, пожалуй, любого человека является забота о детях, как о новом поколении и соответствующий вклад в его образование и воспитание.

С лета 2018 года общается с представителями армянской общины в Республике Крым и поддерживает тёплые и уважительные отношения. По его мнению каждый человек за пределами Армении (а творческий деятель тем более) – это лицо армянской нации.

* * *

Мы верим: человек рождён всяк под своей звездой.
И каждому сквозь жизнь идти своей судьбой-тропью.
Но существует книга книг – законы её строги,
В ней тесно переплетены все наши путь-дороги.

Тропа-судьба к тропе-судьбе – сплетаются страницы.
Здесь нет начала, нет конца, неведомы границы.
Здесь разных наций письмена и разных жанров помесь.
Так рукопишут времена, слагая свою повесть.

И в книге жизней и смертей, и будущих рождений
Особые страницы тем, кто признан был, как гений.
Дороже наших жизней их рождения и миги.
Они и есть сюжет и суть священной этой книги.

Но всякий смертный может стать великим в мирозданье.
Кто каждый час живёт добром, любовью, созиданьем.
Кто свою жизнь сумел и вплёл страницей в книгу-вечность,
Кто украшает этот путь длиной в бесконечность.

* * *

«Как дни зимы, дни неудач придут – уйдут».
Дживани

Я в этой жизни, в её жутком настоящем,
В её системе, шестерёнками скрипящей,
Иду, скольжу и спотыкаюсь, но иду: вперёд смотрящий
И знаю: в жизни всё лишь уходяще-приходяще.

Я так люблю восходы солнца. Что есть краше?
Ведь утро – это новый шанс попыткам нашим.
Мне эта жизнь с её тоской-оскоминкой, как будто слаще
Становится при ясном солнце, в сердце восходящем.

И вместе с этим добрым светом взгляд слепящим
Я говорю, я голосом кричу дрожащим:
«Неужто в этой жизни всё лишь приходяще-уходяще?!»
Подумаем, подумаем, друзья, о настоящем!

Пойдём вперёд походкой бодрой, не уставшей!
И факел пронесём в руке крепко держащей!
Пусть освещает он нам в будущее путь вперёд манящий,
И каждый пусть почувствует, что он – вперёд смотрящий.

НАШИМ ПАВШИМ!

Нашим павшим в бою за святую идею:
Быть хозяином в доме от Бога родном,
Посвятить своё скромное слово посмею
И тем самым почтить тех, кто спит вечным сном.

Этим павшим в боях за их землю родную,
Чтоб сынам той земли стало легче дышать,
Я делю с вами мысли свои не впусую,
Я хочу во весь голос души прокричать!

Прокричать пусть в стихах, чтоб донёсся к ушедшим
Голос нашей любви, уважения к ним.
Слава им! – до победы святой не дошедшим.
В душах вечный огонь! Память вечная им!

Им – героям отцовской земли возрождённой,
Заплатившим всего половиной пути,
Чтоб на нашей земле каждый новый рождённый
Путь служенья земле целиком мог пройти.

Эти строки пишу я всему поколению,
Чтоб мы помнили тех, кто примером своим
Послужил своей жизнью земли возрожденью.
В душах вечный огонь. Память вечная им.

03.06.2014

* * *

Когда мы ищем новые пути?
Когда порядком устаём от старых.
И силы чувствуя вперёд идти,
Мы вдохновляем даже подусталых.

Чего мы ждём от ждущего нас там,
Куда мы так старательно стремимся?
И что оставим мы на память временам,
Куда мы никогда не возвратимся?

В потёмках будней ищем новый свет.
Хотим заставить солнце улыбаться.
Проснитесь, люди! Ведь настал рассвет.
Давайте же за дело приниматься!

И пусть нас ждут великие дела
И обязательно широкие дороги!
И пусть чтоб вера нас не подвела,
Вперёд идти чтоб не устали ноги!

Конец пути – он неизвестен нам.
Куда придём мы – знает лишь Всевышний.
Но ты не мешкай, не гляди по сторонам.
В пути вперёд у нас никто не лишний.

Лишь верой в лучшее мы победим свой страх.
Мы ставки сделаем, а там – как ляжет карта.
Любовь пусть воцарит в наших сердцах,
Чтоб воцарили мы над нашим завтра.

ГОРЬКАЯ СИЛА

От горя к горю человек, увь, черствеет,
Он от страдания к страданию – всё суше,
И сердце от беды к беде всё каменеет,
За болью боль нам искажает души.

Мы высыхаем с каждой мокрою слезою
И к самой горькой доле часто привыкаем,
Я тут секрет постиг, его и вам открою:
Мы тем сильнее, чем больше мы страдаем.

Кто знает, может быть, в ближайшем недалёком
Нам станет чуждо чувство боли, сострадания.
Не знаю, может быть, сужу я очень строго,
Но я таким увидел мирозданье.

* * *

Всё чередом,
Всё опять, как всегда:
Жизнь со льдом,
Пробки и штопора...
Сил моих не хватает.

Жизнь почти потеряла устои, мораль.
Почему так жестока реальность?
Очень многое клонится к худшему – жаль.
Где былая жизнь, что с нею стало?

Почему мы все – как в лабиринте?
Люди добрые, выход ищите!
Я верю, найдутся нужные двери,
Мало надежды, но всё же я верю.

Время пройдёт,
И всё будет на так,
Всё будет совсем по-другому. Каждый поймёт,
Что и жизнь уж не та,
И мысль бурлит по-иному.

Верю, каждый захочет поверить в себя
И свои затаённые силы.
Нас подхватит волна – и меня, и тебя,
И нам многое станет под силу.

Мы все взгляды свои пересмотрим,
Мы все планы свои перестроим,
На большую дорогу жизни встанем,
Из пепла бессилия мы восстанем.

Ведь жизнь, она –
В завтрашний день шаги.
Мы обязаны их преодолеть,
Мы издревне
Веру в сердцах берегли.
Так возьмёмся давай за дело.

И откроем глаза, и увидим вокруг
Наших завтрашних дней перспективы,
Мы тогда разорвём этот замкнутый круг
Наших бед. И долой негативы!

И долой круговую поруку!
И подаст брату брат свою руку,
Только лишь вместе мы силою станем
И из бессилия пепла восстанем.

* * *

Упавший духом, больно мне
Смотреть и видеть твои беды,
Как полоса нелёгких дней
Вселила в душу страшный недуг.

По тропам жизни семенишь –
Нелёгкок путь по бездорожью,
И спотыкаясь говоришь:
«За что же так, за что, о Боже?»

Тебе, я знаю, нелегко,
И от того ещё труднее,
Что в сердце где-то глубоко
Щемит тоска, а боль тупеет.

Ведь с детских лет сумел познать
Ты трудности нелёгкой жизни,
Остались силы ли – как знать,
Чтоб побороть судьбы капризы.

Но уж поверь: ты не один
Из тех, кого бесперспективность
Давно доводит до седин,
Надежды превращая в лживость.

Ты руки опускать не смей,
Ведь жизнь способна на сюрпризы,
И, знаешь, чёрт возьми, сумей
Дать жаркий бой судьбы капризам.

МАМЕ

Когда мы далеко от своего родного дома,
Когда нам чуждо всё или едва знакомо
Мы образ никогда не забываем –
Образ матери.

Когда средь хмурых туч увидеть жаждем лучик света,
Когда средь моря лжи ждём доброго совета,
То самому родному голосу доверься,
Он в нас живёт, он – в памяти, он – в сердце

Когда нам холодно от слов холодных или взглядов,
Когда нам никого и ничего не надо,
Прозябшим душам словно не во что одеться,
Мы к самому родному льнёмся погреться –
К сердцу матери.

Да будет никогда забываем
Образ матери!
Да будет всюду, всюду рядом с нами
Голос матери!
Да будет вечно молодым и мягким
Сердце матери!

* * *

Отец достраивает дом,
Который начал строить дед,
Достроит он, а что потом?
Что делать мне? Ищу ответ.

Нашёл! Направлю потенциал
И интеллекта, и души
На то, о чём всегда мечтал:
Всему учись! Везде ищи!

И я учусь: сейчас и здесь,
Учусь, чтобы детей учить
Тому, что золота на вес,
Что им потом поможет жить.

Мы учимся учить детей
Тому, чему учились мы.

Мы знания, опыт, дух людей
Ученикам дадим взаимы.

И пусть они, что мы дадим
Не нам вернут – мы подождём,
Своих детей сделав людьми,
Скажут спасибо новым днём.

Мы учимся при свете дня
Дарить другим ученья свет,
Мы строим дом, себя виня,
Если в нём светлых окон нет.

Так что ж, друзья, сегодня мы
Все вместе строим новый дом,
Завтра помогут нам сыны,
Сегодня мы сильны отцом.

ГАУ РК "Медиационтер им. И. Гаспринского"

ՄԵՐ ՀՅՈՒՐԵՐԸ

НАШИ ГОСТИ

Зара Назарян

Зара Владимировна Назарян родилась в Армении в 1966 году. В 1981–1985 годах училась в Ереванском музыкальном училище им. Романоса Меликяна (отделение фортепиано).

В 1992 году окончила Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина (отделение искусствоведения) в Санкт-Петербурге.

С 1993 по 1998 год жила в Израиле. С 1998 года живёт и работает в Канаде.

Творчество:

- сборник коротких рассказов «Окно» (2016);
- сборник рассказов «Блокада.ам» (2016);
- миниатюры, рассказы (журнал армянской общины Торонто «Айреник»), художественно-литературный интернет-журнал «Открытый дом»;
- сборник произведений номинантов национальной литературной премии «Писатель года» (2015).

КРАСНЫЙ. ЖЁЛТЫЙ. ЗЕЛЁНЫЙ

Это, наверное, неправильно думать о смерти. Но я думаю. Часто. Не потому, что большая половина прожита, не потому, что войны и брошенные дети, не потому, что страшит неизвестность, не потому, что другие берега. А просто мне кажется, это важно – помнить о ней. Хотя бы потому, что в эту самую минуту все наши роли куда-то сразу исчезнут. Растворятся. Останется просто «Я». За ролями вслед исчезнет и ВРЕМЯ – прошлое, будущее. Остается только НАСТОЯЩЕЕ.

У моих дверей лежит охапка горных подснежников. Таких бледно-бледно-сиреневых. Они пахнут свежестью и весной. Они пахнут бесконечной прекрасной жизнью. Ты, должно быть, встал рано-рано утром, чтоб успеть нарвать их до того, как я проснусь. А ведь идёт снег с дождём* и очень ветрено. Апрель. Мне лет четырнадцать, тебе – пятнадцать. Ты перебираешь струны и поешь. Я верю каждому твоему слову...

Здравствуй. Твой город – я прекраснее не знаю. Твой дом – болезненный мой бред. Ты так похож на поэта своей утонченностью и высоким лбом. Мы влюбились друг в друга с первого взгляда, как в кино. Оказалось, что так бывает. О чём мы говорим? Кажется, больше молчим. Да, просто молча бродим по твоему городу. Мы не знаем ничего друг о друге и не спешим узнать. Собственно так и не узнаем. Только вот танец. Волнение настолько охватывает нас обоих, что, кажется, лбами мы друг друга не просто касаемся, сколько поддерживаем, чтоб не грохнуться в обморок...

Ты же стоишь у полотна моего любимого художника, смотришь и почему-то улыбаешься. Или неслышно входишь в библиотечный зал и тихо дотрагиваешься сзади моего плеча. Я что-то конспектирую, ты листаешь альбомы. Говоришь, говоришь... о том, что обязательно должно случиться в твоей жизни. А ведь всё так и случится. Мы где-то высоко над вечерним городом вдыхаем осень и свободу. Я знаю, что не ты будешь рядом со мной. Нет, не ты. Я люблю весь мир и тебя как его часть. Я улыбаюсь. Мне легко и спокойно.

А вот с тобой мы встретимся зимой. Будет январь. Хлопьями снег. Я – в зелёной, вязанной «смешной» шапочке и клетчатом пальто. Мы произнесём наши имена, протянем друг другу руки. И с той самой минуты, да-да, с той самой я пойму, что это – ты. В тебе всегда солнце. Оно играет в твоих глазах и рыжей бороде. Мы знаем друг друга давным-давно, может, даже несколько жизней. Как же это естественно, странно и волшебю, что мы вновь встретимся! Мне всегда хорошо с тобой. Я уже знаю. Ты – рядом.

Но нет... не то. Не о том. А может, это... Это когда вечер, зима, фонари, снег и я – в санках с запрокинутой головой ловлю ртом снежинки. Или так. На столе – черешня спелая, сладкая, яблочки маленькие, ароматные, хрустящие... Свеже-жаренные блестящие кофейные зёрна на газете.

Или сентябрь, школа, а дома – все и запах только что замаринованного красного перца.

А на улице жгут листву.

А вечером. Прямо в окна светится «Ателье мод» тремя прекрасными женскими фигурами в шляпках, с сумочками и на каблукках. Все они завораживают своими неоновыми свечениями – красным, жёлтым, зелёным. Красным. Жёлтым. Зелёным...

Нет, не то опять. Зыбко, иллюзорно... Но подожди, подожди... Это ведь жизнь. Что-то должна была понять, что-то изменить... Успею ли? Получится ли? Ну давай, давай, вспоминай, например, людей. Хороших, приятных, счастливых, любимых. Зачем? С ними и так всё благополучно. Других, других давай вспоминай – тех, от которых боль и никуда не деться, они всегда внутри нас. Изо дня в день, лоб в лоб, локоть к локтю. Что сейчас? Они по-прежнему в том же статусе, а может исчезли из жизни, а может, пребывают в вечной роли учителей? Все! Подожди, подожди... а дальше? Дальше, как всегда. Возвращаются роли, возвращается время – прошлое и даже будущее. И «Я» уходит со мной за хлебом. Долго стоит на перекрёстке. Красный. Жёлтый. Зелёный. Красный. Жёлтый. Зелёный.

БЕЛКА

Это был тяжёлый восемьдесят восьмой. Хозяин Белки появился на свет непросто, но вовремя, и не видел всего, что происходило за два месяца до его рождения, хотя ещё как чувствовал... А его деду так и не суждено было увидеть внука, ибо за два месяца до его рождения он покинул этот мир...

Белка – это вовсе не белка, а щенок. Импортный. Белый, с чёрным пятном на глазу. В породе я так и не разобралась. Появилась Белка где-то на второй месяц после рождения нашего первенца и довольно долго молча ждала своего часа на полке. Имя щенку дала я, сделав это весьма поспешно, ибо, как потом оказалось, её истинный хозяин долго не мог понять, почему Белка и белка не выглядят одинаково.

Вскоре Белка заговорила. Конечно же, заговорила она раньше хозяина и, естественно, моим голосом. Ну а потом и хозяйским.

В тот страшный день землетрясения Белка и сын были наспех укутаны во все одеяла и долго ждали во дворе дома, когда же наконец перестанет трясти... Белка как могла тогда утешала и, кажется, в тот самый день поклялась служить своему хозяину верно и преданно всю свою жизнь.

В тёмные и холодные девяностые она всегда была рядом. В единственном, обогреваемом настоящей печкой-буржуйкой помещении – кухне, варился обед, сушились ползунки, плескался в тазу ребёнок, собирались люди, пелись под гитару песни и рассказывались всевозможные истории, а тлеющие угли, заменяющие телевизор, располагали к долгой медитации. Здесь Белка и проводила всё своё время вместе с хозяином. Именно с тех пор у неё на боку появилось жёлтое пятно – ожог от печки. Потом она переезжала и даже меняла страны – жаркие, холодные...

На днях, прибираясь у своего сыночка, я решила, что Белке давно уже место в какой-нибудь коробке из-под обуви, а не на полке в комнате высокорослого двадцатилетнего ребёнка... Куда там! На следующий же день было обнаружено моё

вероломное вторжение и подлая кража. Ну откуда мне было знать, что та клятва у них была обоюдной...

THE BEACHES

Наш любимый район в Торонто – это The Beaches. Он какой-то человеческий – ни деловой и ни спальный, ни туристический и ни криминальный – нормальный, человеческий район: бабушки с внуками, дедушки с бабушками, мамы с детьми, папы с мамами, гурьбой – мальчишки, гурьбой – девчонки, много людей с собаками. Здесь нет больших плаз, здесь – обычные маленькие магазинчики, кафе... Queen street east. Это место мало чем отличается от почти любого североамериканского городка, разве что большим количеством людей.

Здесь так же много ресторанчиков с открытыми террасами. Аппетитные запахи пленяют. Но где-то в центральной части улицы есть два невзрачных магазина, расположенных один за другим. В одном – продают хлеб, а в другом – сыр. Ах, какой тут сыр! Длинная витрина с выставленными головками сыров пестрит флажками стран-производителей. Мы ищем глазами наш флажок – такого нет. Покупаем свежесырокопченный хлеб и сыр. Запах этих ароматов сводит с ума. Мы направляемся к набережной, к нашему пирсу. В самом его конце, уходящем в Онтарио, громадные камни-валуны. Мы устраиваемся на одном из них. Отсюда здорово наблюдать за парусниками. И так ближе к воде. Сегодня никого нет. Прохладно.

Наш взгляд приковывает единственная точка на воде – собака. Она – далеко за пирсом и плывет вдоль берега. Здесь глубоко. Не за хозяйской палочкой и не за мячиком она здесь. Просто плывет. Мы машем ей, зовём – нет, даже не смотрит в нашу сторону. Проплыла мимо и дальше. Смотрим вокруг – нет хозяина. Странное дело, ведь беспризорных тут не бывает... Поднялся ветер – частый гость здешних мест. Накинули капюшоны, но всё равно зябко. Мы едим наш хлеб с сыром и следим за собакой. С соседнего пирса ребяташки кидают ей какую-то еду, но она разворачивается и плывёт в обратном

направлении. Вновь проплывает мимо нас. Я начинаю волноваться. Вода холодная – давно не лето. Хозяина нет. Собака даже не смотрит на берег. Она спокойна. Пытаюсь распознать породу – кажется, золотистый ретривер. Мы решаем найти каких-то береговых охранников. Идём к берегу. Но тут замечаем женщину в яркой куртке, стоящей на берегу. Странно, кажется, никого не было раньше. Она тоже смотрит на собаку. Хозяйка! В руках поводок. Она ничуть не беспокоится. Она терпеливо ждёт своего пса.

ДНЁМ В КАФЕ НИКОГО НЕТ

- Как его зовут?
- Ало?
- Почему ты думаешь, что я забуду завтра?
- Это девочка?
- Как её зовут?
- Потому что я хочу знать. Я твоя мама.
- Я хочу знать. Мне не всё равно.
- Потому что я тебя не видела с декабря.
- Каждый раз, когда я вижу тебя – не узнаю тебя. Вы очень быстро растёте в этом возрасте
- Папа не спрашивает, потому что ему всё равно, а мне не всё равно.
- Я просто хочу знать, с кем ты дружишь.

Молодая женщина сидит за столиком напротив и говорит по мобильному телефону. Внимание привлекает её странный голос. Она проговаривает слова очень медленно, не привнося в речь ни грамма эмоций, ни грамма каких-либо интонационных акцентов. Так может говорить человек в заторможенном состоянии, так может говорить человек выпивший или под воздействием ещё чего-то, возможно, принимающий антидепрессанты. Я продолжаю гадать. Её внешний вид говорит о благополучии и вмняемости. Одета она по моде, руки – ухожены. Чувствуется недостаток. Правда, на лице – ни грамма косметики, может, поэтому она в чёрных очках. Я не свожу с неё глаз,

пытаясь увидеть, может, слезинку, может, уловить какую-то эмоцию – неважно какую: отчаяния, иронии, радости, грусти, сожаления, сопереживания, тоски. Но нет – абсолютно ничего. Потом я вспомнила, когда сама так разговариваю... Когда испытываю боль. Боль, заглушающую всё. Но вот она отпускает на какое-то время, и ты говоришь именно так, пытаюсь ничем не нарушить это пребывание без боли...

Я представляю её сына на том конце провода. Он не видит её, а слышит лишь вот этот голос. Смотрю на неё. Она курит. Но даже это не похоже на нервное курение, а так, просто. Рядом с ней сидит мужчина, сперва показавшийся мне её отцом, но нет, скорее, ошибаюсь. Слишком отстранённо он себя ведёт, слишком безучастен ко всему происходящему – к ней, к её собеседнику. Выглядит намного старше её – обрюзгий и малопривлекательный. Женщина заканчивает говорить и кладёт телефон в центр стола.

Она проговаривает какие-то фразы-мысли вслух, делая между ними длинные паузы. И вновь непонятно, кому это адресовано. Мужчина всё равно молчит. Через минуту они уходят, забыв аппарат на столе. Я окликаю их, но странный спутник этой странной женщины лишь равнодушно отмахивается, даже не обернувшись. В полном недоумении подхожу к их столику и только теперь мне бросается в глаза неестественный блеск грубой пластмассы детской игрушки.

Мариам Чайлахян

Мариам Михайловна Чайлахян родилась 27 марта 1949 года в городе Ереване.

В 1950 году семья переехала в Москву. Мариам окончила биологический факультет Московского областного педагогического института им. Н. Крупской и аспирантуру в Институте истории, естествознания и техники. После рождения детей, параллельно с их воспитанием стала заниматься литературно-издательской деятельностью.

В течение семи лет редактировала и издавала сборник «Маски», где печатались студенты Литературного института и их педагоги: поэты-переводчики Лев Озеров, Александр Ревич, Елена Николаевская.

Занималась также переводами и писала статьи в периодические издания. Выпустила два сборника своих рассказов и эссе «Пряжа дней», сборник из восьми пьес Уильяма Сарояна в своём переводе на русский язык, а также биографические сборники, посвящённые выдающемуся учёному, физиологу растений Михаилу Чайлахяну, педагогу и переводчику Тамаре Амагуни-Чайлахян и крупному учёному Левону Чайлахяну.

* * *

В День благодарения (это последний четверг ноября) я тоже обычно хожу в церковь. Узнала о нём из американских сериалов, пути Господни неисповедимы, и теперь прилежно его помню и соблюдаю, по-моему, единственная из всех ортодоксально верующих христиан. Все деревья уже голые, нет постоянного снежного покрова, и графика деревьев, вздымающих свои ветви к небесам, словно свидетельствует о самом неприкаянном и отчаянном времени года, остро отзывающемся в человеческом сердце.

Мои свечи горели под картиной «Моление о чаше» нашего Христа-Спасителя. «Пронеси, Господи, (мимо) чашу ненависти, неприязни, болезней, нищеты. Покрой нас своим омофором и спаси от бедствий». Старушка в чёрном одеянии с тёмным сиянием армянских глаз спросила что-то. Я решила, интересуется: армянка ли? Из Еревана? Я сказала, что да. «Чего же ты стоишь? Там автобус, иди скорее». «Да», – сказала я, – «байцесапрум эм Москвайум (но я живу в Москве)».

За оградой стоял автобус большой «Икарус». Он за двое суток доезжает до Еревана. И весь многочисленный народ, что толпился у стен с выражением торжественного ожидания на лицах, словно испарился. Много-много свечей горело в церкви. Это они перед дорогой ставили «на посошок». Теперь же всё было пусто, все забралась, уселись по местам, но в запотевшие окна ничего не было видно. Я их перекрестила на дорожку. Встретила Самвела, представительствовавшего много лет в культурном центре бывшего постпредства, а теперь несущего свою вахту у книжных лотков.

- Какими судьбами? – спросил он.
  - Можно подумать, Самвел, что я редко хожу в церковь.
  - Конечно, редко. Надо почаще.
- На том и распрощались.

ПРОГУЛКИ ПО МУЗЕЮ

В субботу с утра пошли в Бахрушинский музей, театральный. В витрине стеклянной стойки представлены трогательные артистические предметы присутствия на земле – кубок Ермоловой, веер, её перчатки, балетные тапочки с автографом Карсавиной и т.д.

В первой комнате – кабинете хозяина, где стоит раскинувшийся полукругом и осенённый большой лампой с абажуром письменный стол, поражают яркостью и выразительностью две работы Головина – портрет артистки в образе Кармен и портрет певца Хвостова – современника Собинова. Вместо полок с книгами во всю стену развешаны фотографии, в том числе и совсем юного Петипа – создателя русского балета. Внизу – залы Федора Шаляпина. Вспоминаю историю, как он встретил на улице двух незнакомых маленьких девочек и был так очарован их молодой прелестностью, что тут же пригласил вместе с мамой на свой концерт. Это были будущие Лиля Брик и Эльза Триоле. Очень трогательно написал о нём Коровин в заметке «Памяти друга»: как молниеносно читал и запоминал он партитуры, как любил проводить время в обществе художников Серова, Поленова, Коровина. Есть тут и фотографии, где Шаляпин запечатлён вместе с Куприным и Горьким. Под стеклом висит громадный красный костюм – для Мефистофеля. Грандиозный был человек. «Наш красавчик, мы так его называем», – сказала служительница муз, из добрых, и включила подсветку. И Шаляпин вдруг придвинулся телесно и засверкал могучим взглядом. А дальше по стенам прекрасные эскизы Головина – весь текущий, в жемчужных бисеринках эскиз к «Орфею и Эвридике».

В общем от этого зала я вдохновилась, а когда попала в небольшой зал с эскизами Поленова и майоликой, и керамикой Врубеля. Там ещё стоял рояль, а за ним – зеркальное стекло с серебристой ветвью. Я совсем повеселела. Глянула и подумала: ох, какой интересный образ, настоящий, восточный. Смешно, но я не узнала себя и, что ещё смешнее, себе понравилась. Оче-

видно, волшебное зеркало серебряного века мне польстило. А что: в серебряном веке был прекрасный горбоносый профиль Ахматовой с длинной чёлкой – настоящая восточная женщина; был восточный человек, с узким чеканным профилем – великий Манделштам, были и другие. Думаю, что я вполне бы вписалась в их весёлое, многоликое, скорбно-величественно-вольное братство.

«Маленькая Мари», – так бы называл меня громадный Шалапин и пел бы что-нибудь восторженное (О, Мари, о, Мари!), стоя на коленях, а... Я заставила и детей пройти перед зеркалом – прелестно, царство армянских дев. И Брюсову, и Блоку было бы над чем постараться.

НА СКОРБЯХ ПОСТРОЕННАЯ...

Известный историк искусств Петр Гнедич писал, что «вкус и изящества в армянской архитектуре, пожалуй, больше, чем в византийской, хотя в ней нет той грандиозности, которая поражает нас в иных памятниках зодчества Византии. Армения действовала на нас: многогранный купол, не чуждый нашему стилю, несомненно, занесён оттуда». Вот так. Родство душ, родство стилей. Поэтому, вероятно, я всегда спокойно заходила и в русскую церковь. Раньше там много было злобных, а иногда и не очень злобных старушек. От страха и притеснения они всё время были настороже. Скорбь и радость особенно непосредственно ощущается, живёт в маленьких соборах, которые умещаются в одном взгляде. Покрова на Нерли. Хочется перецеловать её всю. Церковь названа мистическим телом Христа, в своей всеобщности названа, а тут она имеет такое прекрасное воплощение. Построена на скорбях и радости. Кажется, Андрей Боголюбский поставил её в знак победы над татарами и в память о погибшем сыне. Она смотрит в Нерль и радуется, и не узнаёт себя иногда в минуты праздничного сияния, настолько хороша. Неужели настолько? Да, и даже лучше...

* * *

Как велики огромность наших встреч
И неизбежность наших расставаний.

Мне вдруг подумалось, что, когда мы Там встретимся с Арзиком, моим братом, а теперь и крестником, мы будем вспоминать те счастливые дни, а особенно тот, когда мы, дай Бог памяти, в 64-ом году были вместе в Крыму, в Ласпи. Сосновый лес, море, рядом горы, а вода, такой ласковой я не встречала, и блаженство сверх меры. Как я выбежала тогда в сарафане, вся пропитанная солнцем и морем. Юноша, спускающийся к ручью, даже растерялся: то ли всё бросить и пойти за этой девочкой-царевной, то ли убежать от этого неожиданного искушения. Кончилось тем, что он просто спросил, как пройти к ближайшему пляжу, а, может, уточнил время. Не помню, но сожаление уже зажглось в его глазах, когда я взметнула сарафанчиком на повороте горной дороги.

Прости-прощай, ау, где-то далёкое лето! Это воспоминания, по-моему, связывают нас с братом больше родственных уз. А ведь Там только о море и говорят...

ПТИЦА-УДАЧА, ГДЕ ОНА...

А вот возникает иногда у меня такое состояние, назовём его нервной гармонией, будто я и здесь, и теперь, и где-то в другом месте, в прошлом что – ли, в детстве. Когда думалось: как всё хорошо. И назревало некоторое напряжение – будто сделаешь вот это что-то (что, я так пока и не поняла) и попадёшь на свой путь и дальше всё будет вообще просто необыкновенно. Но всегда момент оказывался то ли упущенным, то ли чувство преждевременное было, и эта напряжённая чуткость проходила, и жизнь опять текла обыденно и с какой-то душевной недостатчей и неясностью.

* * *

Другие времена.
Это наша жизнь, мой ангел...

Мы очень любили, когда к нам приходил молодой, талантливый поэт-переводчик Владимир Рогов. Мы заслушивались его рассказами о театре и общении с великим стариком, так он называл художника Мартироса Сарьяна. Обладал он достаточно вспыльчивым характером. На своём опыте знаю, как легко он обижался, правда, так же пылко и мирился. Но на папу никогда не гневался. Помню, уже второй час ночи, Михаил Христович из своего кабинета входит в столовую, тушит свет и говорит: «Пришла телеграмма от Бога, пора домой». «Сейчас, сейчас, – радостно отвечает поэт, – у меня тут зуб разболелся». И смотрит на недопитую бутылку коньяка. Так повторяется раза два, и только когда коньяка остаётся на доньшке, зубная боль утихает, и он светло и приветливо прощается с хозяевами дома. Если бы посмел кто-нибудь другой тушить свет и говорить о телеграмме, представляю, что было бы...

* * *

Это был как раз 1965 год, последняя прижизненная выставка Мартироса Сарьяна в Москве. Помню зал, выставочный зал на Кузнецком. В первом ряду на стульях сидела элита, сам художник, его близкие, мои родители.

– Так ты и будешь всегда сзади, – в сердцах сказала мама, потому что я упрямо не шла вперёд.

Я тогда избегала всякой торжественности, парадности, а они, те кто сидели впереди выстрадали и заслужили этот праздник. Так же, как и папа, Сарьян был родом из Ани. В предстоящих поколениях родился в Ростове-на-Дону, они – земляки с разницей в 20 лет. Эти армяне, спасаясь от гонений, пришли из главного города Ани через благодатный Крым в донские края. Неповторимый мир армян Нор-Нахичевана, растворившегося теперь в Ростове-на-Дону. Он был весь наполнен родственными кровотоками, всё делалось по строгим канонам: и смотрины не-

вест, и гулянья на Вардавар у монастыря Сурб-Хач, и порядок блюд на званых обедах и ужинах. И если и были где-нибудь «местечковые армяне», так это там. Некоторые из них потом завоевали весь мир. Сарьян – яркий тому пример.

Я робела перед этим великим и суровым стариком. Что я могла сказать ему нового, как выразить своё восхищение! Он, по-моему, всегда был равнодушен и к хуле, и к похвале. А от него «и хула – похвала». Все смиренно и с благоговением принимали от него самые нелицеприятные портреты, с которых всегда был снят даже налёт интеллекта, оставалась суть, стержень человека, как сказал бы Достоевский, его идея. Заставил он всех принимать мир таким, как видел его сам.

И на том вечере был совершенно влюблённый в него человек, известный шекспировед, знаток английского и русского языков Владимир Рогов. Он в честь Сарьяна читал на армянском стихотворение Егише Чаренца «Моей Армении». Позже он переведёт на русский это стихотворение. Я прочту первые четыре строки на армянском, а потом по-русски в переводе Рогова. «Ес им анушХайастани . . .

(«Моей Армении слова, что солнца пыл хранят, люблю!

Старинных сазов скорбный строй,

надрывный горький лад люблю!

Пьянящий душный аромат кроваво-алых жарких роз

И плавный пляс Наирских дев, что трепетно кружат,

люблю!»).

Стихотворение длинное, и в конце каждой строфы рефреном повторяется слово «Люблю». Рогов, произнося его, добавлял трагическую ноту: в его толковании это было как признание в любви за пять минут до расстрела. И вдруг он забыл слова, дрожащей рукой провёл по лбу. Гробовое молчание, я видела, что он предпочёл бы расстрел этому гробовому молчанию. И тут Мартирос Сарьян ему подсказал из зала, из своего первого ряда, кто-то продолжил, и Рогов дочитал блистательно до конца. Гром аплодисментов.

* * *

Лёва часто вспоминал, как дядя Наири (Зарьян) привёл к нам на Таганку Бориса Пастернака. Поэт был в лёгком плаще, хотя был чуть ли не ноябрь. Он мёрз и не хотел дальше никуда

идти. Мама была в смятении, ведь у нас дома ничего не было приготовлено, а у Башмаковых на Воронцовской ждал всех роскошный ужин. Уговорили...

В том далёком довоенном году Лёве было еще только 10, и он остался дома с Ньюрой. А счастливые сестры Таня и Бела наслаждались присутствием живого гения, и Бела читала стихи. И Пастернак сказал: «Никто-о-о, та-а-ак проникнев-е-е-но не читал моих стихо-о-в». Вот так – нараспев и с вибрацией.

Мне тётя Таня всегда казалась красивее, но и Бела в молодости была хороша. Дядя Наири написал стихотворение, возможно посвящённое ей: «Инчу чес хосумхайерен» («Почему не говоришь ты по-армянски?»). И папа (уже в 90-е) хотел повести целую делегацию армян из Звенигородского пансионата к ним на дачу в Верхний Посад, чтобы познакомить с живым адресатом стихотворения, музой поэта, так сказать. Но Бела с присущей всем Башмаковым сильно развитой самокритикой, наотрез отказалась знакомиться. «Я хорошо помню, как мне показали Дельмас, ту самую, которой посвящены прекрасные стихи Блока. В этой старушке уже ничего не осталось от прекрасного образа, вдохновившего Блока. Подумалось, неужели она?, – продолжала тетя Бела. – Не хочу, чтобы обо мне так же говорили». И экскурсия не состоялась.

* * *

Люблю старичков, которые любят вино, как жизнь, и пьют его от души, и любят жизнь, выпивая настоящее вкупе с памятью медленными, но верными глотками (мелкими пташками). Таким был и писатель Хусик Хандамурян. Как он тихо подходил ко мне в Цахкадзоре, в Доме творчества писателей, и спрашивал, почему ваши девочки (тогда подростки) не говорят по-армянски? И лучисто, и укоризненно улыбался. Он жил там из милости, в служебном номере, и приходил в столовую позже всех, но мы уважительно беседовали с ним о литературе и о его недавно вышедшей книге. Я её потом купила в ереванском книжном бутике. И у меня было такое чувство, как у Романа Гари, что он заповедал мне о нём рассказать.

«На улице Погорельской жил господин Пендеровский», – так или почти так сообщил важному собранию о его присутствии на земле французский писатель... Так вот и я возвещаю, что в 80-е годы жил такой писатель Хусик Хандамурян... Он был тихим, приветливым и писал о любви...

* * *

Сократ спрашивал учеников, видели ли они слова, начертанные перед храмом Аполлона: «Человек, познай самого себя!» Он указывал при этом на главный предмет познания, незаметно убирая при этом его уничижительный оттенок: «Познай, что ты всего лишь человек!» Убирал, потому что в его душе жил голос неведомого ему Бога. И он, босоногий, в дражной тоге и с вечными вопросами на устах, ощущал искру божественного присутствия в себе. А как же мы?

* * *

Дни нашей жизни...
Записки из прошлого.

Мы тогда жили ещё на Ленинском, и наши окна выходили на проспект, и дом наш был открыт для всех, и не было вечера, чтобы к нам не приходили друзья, знакомые, мои подружки... Вот и теперь мы сидим за столом, на котором нехитрая снедь: сыр, хлеб и непрременный зефир. Мама ласково смотрит на девочек, обе аспирантки из Армении: одна – умная Анечка, близкая подруга любимой племянницы Танечки, а другая – прекрасная Мариэтта. Мама находит в ней черты героини знаменитой повести Мкртича Армена «Эгнар-ахпюр». Разговор интересен и приятен всем нам. Может, мама вспоминает, как совсем ещё молодой девушкой читала стихи поэта Егише Чаренца с балкона дома, в котором жил поэт, а он, стоя на соседнем балконе, вертел своей маленькой, гениальной головой и не понимал, откуда этот божественный голос.

Вдруг – звонок в дверь. Ура, приехал Лёвка из Ленинграда. Мама сразу молодеет от радости, я бегу наливать чай,

девочки тоже оживляются. Все любят Лёвку и рады его приезду. Только наш герой после первых бодрых фраз как-то стихает, и мы вдруг понимаем, что он тихо дремлет под звуки нашего разговора. Мы начинаем говорить тише, чтобы не спугнуть момент отдыха усталого Левона. Но тот вдруг просыпается, выпивает такой чай, как он любит – чтобы прямо глотку жгло от жара, почти кипятком, крепкий и горячий, и начинает рассказывать о новом замечательном писателе и его нашумевшем романе. Речь идет о «Николае Николаевиче» Юза Алешковского. Остроумная, смелая и отчасти хулиганская книжка. И Лёва начинает нам чуть ли не наизусть зачитывать куски оттуда, обильно уснащённые матерными выражениями (но все, как ни странно, виртуозно, к месту и по делу). У нас некий шок, но и восторг. А мама – другое поколение. Поначалу она расстраивалась, что брат недостаточно разговорчив и внимателен к нашим гостям, а теперь мама с укоризной смотрит на Лёвку и грустно говорит: «Лёвочка, уж лучше бы ты спал...».

* * *

Я любила очень, когда Лёва приходил к нам. В прежние времена, когда я с мамой и папой жила на Ленинском, Лёва часто подолгу засиживался на кафедре – играл в шахматы с Лёней Чудаковым, добрым другом и участником многих наших застолий. Говорят, что все механизмы на кафедре исправлялись ещё до того, как Леня к ним притрагивался, такой тишиноз на расстоянии. Посмертная улыбка Лёни, она нас поразила. Будто он говорил: «Не бойтесь, это вовсе и не страшно»...

Не помню, чем кончались их баталии, но длились так долго, что Лёве сподручнее было остаться у нас на проспекте, чем ехать домой на Карбышева. Тем более, что Иночка никогда не протестовала. Умная жена, я – другая.

И вот Лёва у нас, мы все в восторге, делаем для Лёвы что-нибудь вкусенькое, наливаем очень крепкий, очень горячий и очень сладкий чай. Мама вспоминает о лёвиных

проказах и том, как он однажды выпил на пари 17 стаканов чая. Лёве у нас нравится, он остается ещё на один день. На второй день мама говорит с любовью и строгостью, глядя на сына: «Лёва, почему ты не подстрижешь бороду?» Лёва кричится, но терпит. На третий день папа сурово замечает, пытаясь сделать Лёву ещё более совершенным: «Лёва, почему ты не учишь английский? Тебе же откроются горизонты!» И тут Лёва не выдерживает. Поджав губы – он вообще редко обижается, но тут достали, он выцеживает следующее: «Всё, я к вам больше не приду»... Но проходит время, и всё повторяется с вариантами.

Хорошие, славные были времена, золотые...

* * *

Лёвка вспоминает: «Шел 42-ой год. Мы жили в Ереване, и я занимался в шахматном кружке Дворца пионеров, а дома тренировался с папой, который всегда очень любил шахматы. В Ереван приехал Сало Флор. Флор близко знал чемпиона мира Алёхина и рассказывал нам, как отпаивал его молоком перед турниром. После лекции состоялся сеанс одновременной игры. Участников было 40 против одного. После матча прихожу домой, а там папа играет с дядей Андреем (сыном Андрея Александровича Рихтера) в шахматы. «Я выиграл у Флора!» – выкрикнул я. Папа с гордостью заулыбался, а Андрей, который был моим наставником по энтомологии, изрёк: «Нет, Лёва, ты выиграл у 1/40-ой Флора». А на следующий день в газете «Коммунист» было помещено маленькое объявление, в котором сообщалось, что состоялся сеанс одновременной игры, и только на одной доске Сало Флор потерпел поражение, и что выиграл пионер Левон Чайлахян. Эта газета, как память о тех счастливых временах, хранится у меня до сих пор».

Недавно я нашла могилу Сало Флора на Ваганьковском кладбище, и далекие события вдруг оказались ощутимыми и близкими. Раз есть могила, Сало Флор был, и всё связанное с ним обрело статус неоспоримого существования.

* * *

Жизнь лишь луч от лика друга, все иное – тень его...

На Лёвиной защите кандидатской диссертации я не присутствовала. Пересдавала геометрию с 4 на 5. И Александр Аркадьевич сделал шуточный комментарий с подковыркой – ну, ты обязательно будешь генеральшей. Психология отличницы, странная штука, я от неё позднее с трудом, но избавилась.

А вот на защите докторской я была. И в первом ряду сидели наши тётушки в длинных платьях, с причёсками 30-х годов и добрыми родственными сердцами. Левон докладывал очень хорошо, чётко, быстро меняя таблицы, и я уже радовалась, как вдруг начались вопросы. «А вот этого мы не знали», – вдруг сказал Лёвка – вопрошающий упомянул какие-то недавно проведённые эксперименты. Всё во мне закричало – так нельзя, я всегда помнила, что на экзамене нельзя признаваться, что ты чего-то не знаешь. А тут на защите и такое... Странно, но научное сообщество светилось доброжелательностью, и Лёвино «незнание» как-то не омрачило их дружественных лиц. Один из оппонентов (профессор Шидловский) даже позволил себе афоризм, который мы запомнили навсегда: «Левон Михайлович из самого ленивого студента превратился во вдумчивого и серьёзного исследователя». «Лёва свое получил», – сочувственно, вполголоса проговорил один из его друзей за моей спиной.

Тут надо пояснить. По рассказам очевидцев, ни школьные занятия, ни первые курсы обучения в МГУ не вдохновляли Лёву. Помните картину Решетникова «Опять двойка»? Кто-то из друзей старшего брата Тодика, кажется Густав Айзенберг, впоследствии Анатолий Гребнёв, сценарист, вспоминал: «Как сейчас вижу: Лёва пришел из школы, и его ругают за двойку». Эти студенты Литинститута часто собирались у нас дома на Коммунистической. Тодик жил у нас, и в те голодные времена он подкармливал своих друзей то у нас, а то у тётки Гани, папиной родной сестры. Тётка Ганя была очень хлебосольная и наготовлявала еды до отвала – и после сытного обеда вся

молодёжь ходила «гусиным шагом» вокруг стола, чтобы переварить пищу, и чтобы не случился заворот их всегда голодных кишок. Лёвка увлёкся их студенческими песнями, легендами Литинститута и сам стал писать.

Помню, что меня заинтересовал его рассказ, там описывалось возвращение домой (я уже не помню с войны или из дальней поездки). Человек идёт, всё ближе, ближе и видит огонёк в окне родного дома. Он идёт, и ты ожидаешь, что же ждёт его там, за окном. Что-то метерлинковское – «Там, внутри». Но там грустная история, а у Лёвки был просто какой-то *suspense*, момент ожидания, и подробный ход мысли, так как идея «потока сознания» как естественного литературного приёма, можно сказать, витала в воздухе после написания Джойсом романа «Улисс».

Я так подробно пишу об этом, потому что думаю, что Лёвка имел литературные склонности. Правда, они ему чуть не помешали окончить школу. Но у Лёвы был верный друг Гриша Копылов. Я его в детстве очень любила. Он был высоченный и таскал меня на руках, и сажал на плечи. Я дала ему прозвище «Гитятя». Вместе с Лёвой они учили меня декламировать самую короткую поэму Брюсова «О, прикрой свои бледные ноги»... (влияние Литинститута). Я, забывая и закатывая глаза, читала эти строки. Они приходили в восторг.

Когда много лет спустя Гриша приехал к нам в гости на Ленинский проспект, он вдруг засмеялся радостно и сказал: «А ведь это Машка. та самая маленькая Машенька, и я её узнаю, вполне узнаваема. Почти не изменилась».

А чего меняться за сорок-то с лишним лет?! Можно и повременить. Каприз лица, изгиб натуры, и смех, и голос – всё сохраняет для настоящих друзей, которым и был дорогой Гриша Копылов, неизменное очарование и привлекательность.

Будучи настоящим Лёвкиным другом, он позвонил и сказал маме, что Лёва не ходит в школу. Лёва в этот период устраивал себе «библиотечные дни», вместо школы он ходил в библиотеку и писал рассказы в их стенгазету. Родители, конечно, сына приструнили, и тот вернулся в школу. Не знаю, догадывался ли тогда

брат, что мама и тётушки установили за ним негласную слежку и, стараясь быть незамеченными, сопровождали его до школьных дверей. Наверное, сидя в первом ряду на защите докторской, они вспоминали с внутренней улыбкой об этих временах...

* * *

В нашем доме собирались учёные, литераторы, друзья и коллеги – люди разных поколений, национальностей и складов характера. В период оттепели, 60-е годы мы жили на Ленинском проспекте, и в наше окно упирался светящийся кукурузный початок. К нам часто съезжались гости, пусть зазвучат тут имена этих замечательных учёных – немец Мельхерс. Он был высоким и рыжим. При первой же встрече сказал, что просит прощение за то, как Германия в 1915 году вела себя неважно, не поддерживала Армению, а играла на руку Турции. Честно говоря, я тогда не поняла, о чём же он говорит, но виду не подала. Наши очень близкие друзья, приезжавшие много раз из Америки в Россию, – наполовину немец Ланги Антон Георгиевич и Лидия Федоровна, полностью русская. А. Ланг читал наизусть стихи Гиппиус привозил нам тогда неиздававшегося у нас Набокова, задолго до наших милых посиделок написавшего в письме, что он русский и не надо мучиться и писать по-английски, и кинувшего несколько граммов гиббереллина (ростового вещества, тогда ценящегося на вес золота) в конверт для папиных опытов. И это действие волшебным образом инициировало дальнейшие успехи папиных исследований. Авантюрный и благородный поступок! И англичанин Уэрринг, влюблённый в русский романс, и шотландец Мак-Миллан, который за обедом съел папины пирожки, а потом прислал мне том со всеми произведениями Шекспира на английском и староанглийском.

– Вы какого английского поэта любите? – спросил он меня.

Я ответила, что Шекспира, так, сразу, не подумав. И он запомнил.

– Я пришлю Вам.

Я подумала, что это просто фигура речи. Прошёл год, потом ещё полгода, и вдруг мы получаем этот том. За это время у

Мак-Миллана сгорела лаборатория, были ещё какие-то неприятности, но он не забыл. Не помню, по-моему, я его всё-таки поблагодарила – корявым почерком написанная открытка, но зато от всего моего благодарного сердца. И, конечно, Шуар, французский профессор, с удовольствием пивший у нас армянский коньяк, но с улыбкой напомнивший всё же, что коньяк – это место во Франции. Вместе с супругой они подарили маме небольшую картину художника барбизонской школы. И ... дальше перечислять невозможно, да и не нужно. Имена уже зазвенели.

КАК МЫ ПОКУПАЛИ ШЛЯПКУ.

Я не помню, когда начала себя сознавать. Но два возлюбленных лица – Мамы и Папы – всегда были рядом со мной, надо мной, обдавая сиянием своих улыбок и добротой. И жизнь, конечно же, была устроена необыкновенно счастливо и радостно в угоду тому маленькому капризному существу, которое я собой являла.

Нежная прекрасная мама, друзья-сокурсники не без основания называли её «нашей княгиней», и мудрый весёлый папа, которого друзья ещё со студенческих лет, надо отдать должное их интуиции и проникательности, именовали «академиком», воспитывали нас с братом в строгости и любви.

В молодом возрасте, в том лилейном, когда ты сам себя ощущаешь центром всего, трудно предположить, что твои родители существовали до тебя, имели на это право, и даже были счастливы в твоё отсутствие. Но оно именно так и было, раскрывается это потом, спустя много лет: какой-то незаметный штрих делает узнаваемым прошлое, будто нескромный карлик поднимает полог над тайной двоих. Впрочем, у меня всё осталось в рамках житейской этики и не нарушило ничего в отношениях. Как-то я помогала выбирать маме зимнюю шапку в нашем «придворном» магазине «Москва». Эта шапка до сих пор жива, и я езжу в ней зимой на кладбище, поминать светлую память моих родителей. Но случится это много позже, а

пока мы счастливые. Осень, и мама, кокетливо щуря бровь: «Нет, Миша, надо помнить, что у меня пальто другого оттенка». «Тамар-джан, – говорит папа, – она тебе идёт. Но...». В голосе у него сомнение.

Он, наверное, был создан для крупной коммерции: такой ловкий, с мускулистыми руками и умным цепким взглядом, способный взвесить молниеносно все «за» и «против», и выгоду, и расчёт, и достойно продолжить дело своих предков, среди которых были весьма уважаемые купцы. А вместо этого занялся совершенно неприбыльным делом, и, наверное, благодаря вмешательству своего ангела, предпочёл пойти по безумному пути, напоминая того странного типа, что сидел и смотрел на растение и думал: почему оно зелено? Конечно, Джонатан Свифт, изображая в «Путешествии Гулливера» учёного субъекта, тонко иронизировал, уверенно считая, что это нелепый вопрос. Будто забыл, что нет идиотских вопросов, а есть тупое всезнание. Папа пошёл дальше, он думал: а почему растение зацветает? Недаром друзья прозвали его романтиком, рыцарем тайных прелестей цветка. Ура-а-а, да? Нет, когда он хотел поведать миру о тайне, нашёлся злой колдун. От взгляда колдуна многие заболели, он наводил порчу на людей, говорил утробным голосом и отправил в подземелье Капчая Бессмертного не одного доброго молодца. Но взгляда моего папы боялся, как огня. Видно, была во взгляде отца, кроме цепкости, такая необыкновенная сила разума, что тёмному уму колдуна становилось тошно и неудобно.

Мне не хочется переводить это в плоскость реальности, уж очень печальные были времена (бывали ли иные?), когда борьба добра и зла сфокусировалась на биологическом поле. Добро победило, но дорогой ценой. И на вершине, где не было уже слышно шипения ядовитых тварей и всяких иных ползучих гадов, можно было улыбаться, шутливо прищуриваться и снова изображать из себя купца первой гильдии.

Мама угадывала всё без слов и всегда первая произносила роковые слова: «Нет, Миша. Это слишком дорого».

Действительность была нелегка, но, глядя на маму, можно было сразу понять, что жизнь дана для чего-то необыкновенного и радостного.

Сколько людей признавалось мне, что нашли приют под сенью этих сияющих глаз. Словно мастер по огранке алмазов, она умела превращать нелепый иногда человеческий материал во что-то достойное и благородное. Огненный жар души опалил пришельцев, и они склоняли головы и приносили цветы, посвящали стихи, исполняясь восхищением и дружескими чувствами, на большее они не претендовали, видя рядом верного и великого Микаэла.

«Наша княгиня», окружающие недаром произносили эти слова, мама Тамара и впрямь была продолжательницей княжеского рода и хозяйкой великолепного виноградного сада. Всё ушло в жерло истории, но величие и благородство остались, как остаётся под паутиной времени немеркнувший драгоценный блеск истины.

Теперь самое время рассказать о том случае, который стал легендой. Подружки, желая сохранить Тамару для себя, наплели Мише, тогда, кажется, уже почти жениху, что она вовсе и не собирается замуж, и у неё есть кто-то другой на примете. Дело было к ночи. Не задумываясь, папа седлает коня о двух колесах и едет в село, которое находится в 60 км от Еревана. Дальше рассказывает мама:

«Приезжает он, весь испачканный, руки стёрты до крови, колени в синяках и ссадинах. Глаза безумные и спрашивает: – Это правда? Ты так говорила?»

– А ты что? – пристаём мы.

Мама отвечает не сразу. Она до сих пор хороша, и я вспоминаю, как рассказывали, что из других сёл приходили смотреть, кто впрямую, а кто исподтишка на красавицу Тамару, дочь Карпа.

«А я сказала: ты что, разве мы с тобой не связаны судьбой и любовью?»

– И потом, я в этом почти уверена, материнский инстинкт подсказал ей, ещё совсем молодой девушке, наше с братом торжественное явление на свет.

На ночь глядя Мишу никуда не пустили. А наутро моя бабушка приготовила яичницу, чуть ли не из шести яиц. А дедушка позволил обыграть себя в шахматы. Добрые и мудрые

были мои дед и бабушка. И не знаю, через какое время, но, по логике вещей, наверное, вскорости, красавица Тамара была увезена из родного села в город на соединение жизни со своим суженым Микаэлом, на долгую жизнь и любовь до последнего вздоха.

И вот теперь, глядя на них, я вдруг вспомнила всё это. Нет, не исчезла ни одна чёточка, не пропал ни один волосок из связующей их ариадниной нити: то же лукавство и царственность в лёгком повороте головы у чуть постаревшей Тamarочки, и та же готовность кинуть весь мир к ногам Дамы сердца у благородного рыцаря, чуть постаревшего Миши. В общем, шапка была куплена к общему удовольствию нас троих и продавщицы, которая тоже незаметно для себя попала в тепло перекрёстных чувств и грелась в лучах незагугающего солнца взаимной любви. Славное было время.

Гаяне Погосян

Подполковник Гаяне Погосян окончила филологический факультет Ереванского государственного университета, а также факультет искусств. В 1997 году поступила на работу в официальную газету «Айзинвор» Министерства обороны РА. Была заведующей отделом культуры и связей с общественностью, специальным корреспондентом.

Г. Погосян – автор многочисленных статей, охватывающие все жанры журналистики. Около трёхсот её интервью почти со всеми видными людьми страны, с 1997 года по сегодняшний день, были удостоены Золотой медали Международной академии документации. А очерки о героических солдатах и офицерах, защищающих границы Родины, отмечены тремя наградами. Они были признаны лучшими в 2017 году на Всеармянском конкурсе, организованном Союзом журналистов Армении и Фондом Ара Абрамяна, в котором приняли участие все армяноязычные СМИ мира, Всеармянском конкурсе 2018 года, организованный Союзом писателей Армении и Фондом Симона Дедеяна.

В 2019 году она была удостоена награды Союза писателей Армении и Министерства обороны РА. Г. Погосян за служебную деятельность награждена медалями «За безупречную службу» I–IV степеней, «Драстамат Канаян» и «Гарегин Нжде».

Г А У Р К "Медиацентр им. И. Гаспринского"

**Հատվածներ Գայանե Պողոսյանի
«Մանկության օրեր» հուշապատումից:**

* * *

– Այսօր ավարտեցինք, – ասաց ընկեր Հայկը, – մյուս պարապմունքին մտնեմ դահլիճ՝ տեսնեմ բոլորդ հագնված, շարված եք: Ոչ մի ուշացող չլինի:

Ընկեր Հայկը պարի պետականից էր: Կիմա տոտան էր այդպես ասում: Ես կլինեմ 25–26 տարեկան: Բարձրահասակ էր, կապույտ աչքեր ուներ ու դեղին մազեր: Երբ նրանց խումբը պարում էր հեռուստացույցով, ես մատս դնում էի էկրանին՝ ընկեր Հայկի վրա, ու շարժում էի նրա շարժվելուն գուզընթաց:

- Բա ե՛րբ ենք համերգի, – հարցեց Հայկանուշը:
- Տասը օրից, – պատասխանեց ընկեր Հայկն ու գնաց:

Ո՞նց թե՛ տասը օրից, բա ես մենապար չունեմ՝ մտածեցի: Կուլիսների մեծ սենյակում աղջիկները փոխում էին հագուստները: Ես վերցրի կախիչը, որի վրա կախված էր դեղին արևածաղիկներով զգեստս ու կապույտ գուլպաներս, սանդալներս զցեցի տոպրակն ու բարձրացա աստիճաններով:

– Բա, չես հագնվո՞ւմ, – հարցրեց Անահիտը: Անահիտն իմ հորաքրոջ թոռն էր: Քանի որ հորաքույրս հորիցս 25 տարով մեծ էր, նրա թոռներն էլ ինձնից էին մեծ: Անահիտը երկու հատ մենապար ուներ: Ընկեր Հայկը շատ էր սիրում Անահիտին, ինձ՝ էդքան էլ չէ, այլապես՝ ինչու պիտի նրան երկու մենապար տար, կարմիր ու սպիտակ սիրուն զգեստներով, իսկ ես պիտի հագնվեի բոլորի նման ու պարեի բոլորի հետ հավասար շարժումներով:

– Ես մամայիս կարիներտում կհագնվեմ, – ասացի ու դուրս եկա դահլիճից:

Կարիներտում մամաս, ընկեր Հայկն ու Կիմա տոտան համերգից էին խոսում: Ես ներս մտա ու նստեցի դաշնամուրի աթոռին: Ընկեր Հայկը հենց ինձ տեսավ, ասաց.

- Գայանեի մենապարն էլ է պատրաստ, Անահիտինն էլ:
- Ես մենապար չունեմ, ընկեր Հայկ, – պատասխանեցի ես, – այ, Անահիտը երկու մենապար ունի, երկու տարբեր զգեստներով...
- Ո՞նց չունես, – ընկեր Հայկը ժպտաց:

– Էն, որ ես բոլորի հետ նույն շորերը հագած՝ մի քանի վայրկյանով առաջ եմ գալիս, կուժը դնում եմ գետնին ու մի երկու շարժում եմ անում, Դուք մենապա՞ր եք համարում: Մենապարը Անահիտինն է, որը սկզբից միջև վերջ մենակ պարում է:

Էդ պահին Երևանի ավտոբուսը անցավ պատուհանի մոտով:

– Ես վազեցի, ավտոբոսը եկավ, – ասաց ընկեր Հայկն ու գնաց:

– Էս ի՞նչ երույթ էր, – բարկացավ մամաս, հենց ընկեր Հայկը դուրս եկավ կարիներտից:

– Ես ընկեր Հայկին կասեմ, քեզ մենապար կտա, – ասաց Կիմա տոտան:

– Ոչ մի դեպքում, – մամաս վեր կացավ աթոռից ու մոտեցավ դաշնամուրին: Ես հասկացա, որ արդեն լավ բարկացած է: Բայց որոշել էի ու ասացի.

– Դու մշակույթի տան տնօրենն ես, բայց քո ենթական մենապարը ուրիշին է տալիս, ոչ թե՛ ինձ...

– Ի՞նչ, – մամաս կարմրեց: – Ո՞նց թե՛ ենթական: Դու էդ բառը որտեղի՞ց գիտես:

– Աշխարհի լեզուն բերանն է, հիմա ենթակա բառի՞ց զարմացար:

Կիմա տոտան փորձում էր մեղմել իրավիճակը:

– Երեխայի հետ գլուխ եմ դնում:

– Լսիր ուրեմն՝ Անահիտը քեզնից լավ է պարում, ավելի քնքուշ է շարժում ձեռքերը, ավելի թեթև է սահում, դրա համար էլ նա երկու հատ մենապար ունի, իսկ քո տվյալները հերիքում են միայն խմբի հետ պարելուն, անկախ այն բանից, թե դու ում աղջիկն ես..

– Լավ էլի, – Կիմա տոտան ինձ քաշեց դաշնամուրի առջևից, գրկեց ու նստեցրեց բազմոցին, ինքն էլ նստեց կողքիս:

– Դու եմ գլուղի ամենատաղանդավոր երեխան ես... Դու գիտե՞ս, որ քեզ մարդիկ ասում են «վունդերկինդ»...

– Կիմա, թող հասկանա՝ պարտադիր չի, որ ինքը ամեն բանում առաջինը լինի:

– Համերգին չեմ պարելու, – հայտարարեցի ես՝ ի պատասխան:

– Ո՞նց չես պարելու, բա քո զո՞ւյզը... Էն աղջիկը ամեն ամիս վարձ է տվել, որ համերգին չպարի՞, – Կիմա տոտան իրարով անցավ:

– Ես գնալու եմ մարմնամարզության, որ Ժաննայի պես մոստ իջենեմ:

- Ի՞նչ անես, – հարցրեց մամաս՝ դեմքը կնճռոտելով:
- Մոտս իջնեմ, մեջքիս վրա ծավվեմ: Ժամանակ ծավվում է:
- Պառավը դրել է վիճո՞ղ, – հարցրեց մամաս: Ես կչկչացի:
- Ժամանակ էլ, Անահիտն էլ...երկու պառավ կա վզիս:
- Ի՞նչ պառավ, – հացրեց Կիմա տոտան զարմացած:
- Փոքր ժամանակ հաց չէր ուտում, Հայրը ասում էր՝ տեսնե՞ք՝ ով շուտ կուտի, պառավն ում վզին կմնա... Հետո հայր ու աղջիկ մրցում էին՝ ով շուտ կհասնի այգի, ով շուտ կարթնանա, ով շուտ կհագնվի: Ու պառավին փոխանցում էին իրար: Երևի դրա շորշոփներն են: Հիմա պիտի ոչ մի բանում, ոչ մեկից հետ չմնա...
- Լավ է, շատ էլ լավ է, – ասաց Կիմա տոտան:
- Հեչ լավ չի, Կիմա՛, – ասաց մամաս, – անընդհատ մրցման մեջ է: Վերևի թաղից մի աղջիկ օղակ էր պտտում...
- Արուսիկը, – հուշեցի ես:
- Գայանեն եկավ տուն, հորից օղակ ուզեց: Հայրը Երևանից օղակ բերեց:
- Կարմիր:
- Ու սկսվեց մղձավանջը. առավոտից իրիկուն պտտեց: Օրերով էնքան փորձեց, մինչև կարողացավ...
- Հիմա ձեռքս բարձրացնում եմ վերև, օղակը պտտելով՝ իջեցնում եմ մինչև կոճերս, – ասացի ես ուրախ:
- Պառավը դրեց Արուսիկի վիզը, – մամաս ժպտաց, Կիմա տոտան էլ: Էդ ժամանակ Արուսիկը՝ Կիմա տոտայի տղան, Կիմա տոտային դուրս կանչեց, ու խոսակցությունն ընդհատվեց: Զիչ անց բոլորս միասին գնացինք տուն: Երեկոյան, երբ թեյս խմել էի ու նկարչական ալբոմիս մեջ առավոտյան մեր բակ մտած տատրակներին էի նկարում, մամաս ասաց.
- Գայանե՛, Աստված ամեն մեկին մի շնորհ է տալիս՝ տարբեր: Մեկին՝ երգելու կարողություն, մյուսին՝ պարելու, երրորդը լավ շարադրել գիտի, չորրորդը շատ արագ յուրացնում է մաթեմատիկան... Անարդար կլինե՞ր, որ Աստված բոլոր շնորհները տար մեկին:
- Ես ծավեցի նկարչական տետրս ու սկսեցի լսել:
- Տե՛ս, դու ուզում ես մրցել ժամնայի հետ, որը մարմնամարզության մեջ հաջողություններ ունի: Նա ճկուն է, Աստված նրան տվել է այդ շնորհը: Դու եթե շատ-շատ չարչարվես, գուցե կարողանաս

մոտ իջնել, բայց ինչքան էլ ջանաս, չես կարող հասնել Ժաննայի հաջողություններին, որը նրան տրվում է առանց ջանքերի... Պետք է հեռու մնալ այն ամենից, որի շնորհը չունես, Աստված քեզ չի տվել: Խելացի մարդիկ այդպես են անում:

– Ես պարելու շնորհ չունե՞մ, քո կարծիքով:

– Անկեղծորեն ասա՝ դո՞ւ ես լավ պարում, թե՞ Անահիտը:

– Անահիտը:

– Ուրեմն թող Անահիտն էլ մենապարի: Ես կարող եմ ընկեր չանկին ասել, որ քեզ մենապար տա: Կարող եմ քեզ պարի ամենագեղեցիկ զգեստները հագցնել... Բայց չեմ կարող մարդկանց ստիպել, որ նրանք քո պարը հավանեն ավելի շատ, քան Անահիտինը: Այդուհի ես անգոր եմ: Բոլորն են անգոր:

– Բա Աստված ինձ ի՞նչ շնորհ է տվել:

– Քեզ շատ շնորհներ է տվել: Դու շատ լավ նվագում ես, հրաշալի շարադրում ես մտքերդ, մաթեմատիկայից ուժեղ ես, արտակարգ նկարում ես... Երբ մեծանաս, ինքդ կորոշես, թե այդ շնորհներից որն ես սիրում ավելի շատ: Ու դրանով է կարգավետ:

– Ուրիշներին մի հատ շնորհ է տվել Աստված, ինձ՝ մի քանի՞...

Մամաս հոգոց հանեց ու ասաց.

– Հա: Քեզ մի քանի հատ է տվել, բայց՝ ոչ բոլորը... բոլորը չե...

Հաջորդ օրը կեսօրին ես սպիտակ Ջիմիի համար գիրք էի կարդում ծիրանի ծառի տակ նստած, մեկ էլ մեկը դրսից գոռաց.

– Գայանե՛, արի՛ դուրս, մենք եկել ենք...

Վազցի փողոց, տեսնե՞մ՝ Գայունան ու Դիմիկը, Արփո տատիի՝ Երևանում ապրող թոռները, կանգնած են մեր դռան մոտ: Ծատ ուրախացա: Ես ու Գայունան գրկեցինք իրար, Դիմիկը բռունցքը խփեց բռունցքիս: Նա հեծանիվով էր: Սովորական հեծանիվ չէր, մի հրաշալի բան էր, ընտիր... Ակները՝ մեծ, դեկը՝ փայլուն, վրան ինչ-որ տիպեր կպցրած: Իսկական հրաշք: Դիմիկը բարձրացավ մեր փողոցով, հասավ գինու գործարան ու վերևից թափով իջավ մինչև Վարսո զայոյենց տուն: Հենց հասավ մեզ, դեկը բաց թողեց, ձեռքերը պարզեց օդում ու շեկ մազերը քամուն տված՝ թափով իջավ ներքև... Մազերը ծածանվում էին, իսկ վերնաշապիկի մեջքն ուռել էր: Ես հիացած նայում էի Դիմիկի սլացքին, մեկ էլ մամաս կանչեց.

– Արի, փող վերցրու, գնա խանութ հաց, թթվասեր ու շոկոլադե կարագ առ...

Ես մտա տուն, փող վերցրի ու դուրս եկա: Էդ պահին Դիմիկը նորից իջնում էր վերևից՝ ձեռքերը օդում պարզած: Հանկարծ իմ ուղեղում միտք ծագեց:

– Կտա՞ն քո հեծանիվով գնամ խանութ, Դին, – հարցրեցի ես խնդրելով:

– Բայց քշել գիտե՞ս, – Դիմիկը կասկածանքով նայեց ինձ:

– Հա, – ասացի ես հնարավորինս վստահ:

– Էս քո շկոլնիկը չի...

– Ես մեծ հեծանիվ էլ եմ քշել:

Դիմիկը իջավ հեծանիվից: Ես նստեցի ու սկսեցի գնալ դեպի գինու գործարան, որ այնտեղից թափով իջնեմ Դիմիկի նման: Հեծանիվը շատ ծանր էր, ոտքերս հագիվ էր դիպչում պեդալներին: Մի կերպ հասա գինու գործարան: Իջնելն ավելի հեշտ էր, որովետև ճանապարհը զառիթափ էր, հեծանիվը ինքն իրեն գնում էր: Երբ հասա Գալյունայի ու Դիմիկի մոտ, Դիմիկը պես դեկը բաց թողեցի ու ձեռքերս տարածեցի օդում...

Հետո... Էն եմ հիշում, որ ես ու հեծանիվը գորվում էինք փոշու ու քարերի միջով: ...Հետո զգացի ջրի պառնուրթունք: Հետո... հիշում եմ, որ հորեղբայրս ինձ հանում էր առվից: Հետո... պառկած էի մեր թթան ծառի տակի քարին: Մամաս լաց էր լինում:

– Պառավը դրեցի՞ր Դիմիկի վիզը, բալի՛կ ջան, – ասաց նա արցունքերի միջից, երբ ես բացեցի աչքերս ու ժպտացի:

* * *

Ներքնահարկում Ռաֆոյի կիթառի լարերն էի ծնգծնգացնում, իսկ ձաձաս պոմիդորով, երշիկով ձվածեղ էր պատրաստում: Չգացի, որ սոված եմ: Իջնա թախտից ու գնացի դեպի դուռը:

– Ո՛ր, – ասաց ձաձաս, – մնա, խաց ուտենք:

Ես նայեցի մի լիքը թավա պոմիդորով, երշիկով ձվածեղին, ու թեն լավ էլ բուրում էր, մտածեցի՝ տղամարդը ո՞ր օրվա ճաշ պատրաստողն է, ու ասացի.

– Չէ, նանաս խամով պան էր Էփելի, էթասեմ մեր տունը:

Երբ ներս մտա, մամաս արդեն սեղան էր զցել ու պապայիս առաջ ափսեով ջրիկ ճաշ էր դրել:

– Էս ի՞նչ է, – հարցրի պապայիս:

- Չե՛ս տեսնում, շորվա է, – ասաց պապաս:
  - Մեջը միս չկա՞:
  - Չէ, էսօր առանց մսի է, – պատասխանեց մամաս, – ձեռքերդ լվա՛, արի՛:
  - Ես գնում եմ ձաձայենց, – ասացի:
  - Նատի՛, հաց կեր, – մամաս բռնեց թևս:
  - Ավելի լավ է՝ ձաձայի պատրաստած երշիկով, պոմիդորով ձվածեղն ուտեմ, քան առանց մսի շորվան:
  - Հան՛կ, – մամաս պապայիս օգնության կանչեց, – մեր տանն ինչ կա, էդ էլ պիտի ուտես:
  - Սիլվա՛, հավես չունեմ, թող գնա, – պապաս թափ տվեց ձեռքը:
  - Տեսե՛լ ես՝ Ռաֆոն կամ Ուդոն իրենց տան ճաշը թողնեն, գան, մեր տանը հաց ուտեն:
  - Հա, Ռաֆոն էն օրը մեր կոնյուլից կերավ: Համ էլ թևս պոկեցիր:
  - Որովհետև դա Նոյեմբերյանի ուտելիք էր, ինքը կերած չկար, փորձեց:
  - Բա էն անգամ, որ մմո՛ւռ կերավ:
  - Գրանցե՛լ ես...
  - Ի՞նչ եմ արել:
  - Սիլվա՛, թող գնա՛ էլի, գլուխս ցավում է, – ասաց պապաս:
- Մամաս թևս բաց թողեց: Ես դուրս թռա:
- Երբ մտա ներքնասրահ, ձաձաս արդեն սեղանն էր հավաքում: Թավայի մեջ մի հատիկ երշիկ չկար, մենակ պոմիդորի հյութ էր:
- Էտ մէ թավա կարասը մենակով կերա՛ր, – հարցրի ես զարմացած:
  - Չիտակցամ, մկա էս քո ախուեն տկի փորովս մեկ խաց չուտե՛մ:
  - Են էլ էկիրեմեր քո խետը խաց ուտեմեր:
  - Եր ասեսեսեր՝ նանաս խամով պանի էփի:
  - Մեջը միս չկար:
  - Դը նատի, թավան լավաշով մաքրի...
  - Բա՛, չիտակցամ, կարող ի ես Ջիմին եմ քո խմար, որ թափելունը տասես ընձի:
  - Դը, քաղցած մնա...Փլավ կուտե՛մ:
  - Սկի շորվա չկերամ... Զեկ պաղվալ, պուլիկի մեջեն մե կտոր կավուրմա պեր:

Չաճաս փնչացրեց, հետո ափսեւն վերցրեց ու դուրս եկավ սենյակից: Քիչ անց վերադարձավ՝ ափսեւի մեջ մի կտոր միս:

– Հենց մէ կտոր պերի՞ր, – հարցրի ես:

– Չասի՞ր՝ մէ կտոր...

– Իսա, ասիմ, բայց տու մէ թավա ճաշ ես ուտելի, ես տկի մէ կտորով կշտանամ...

– Վալլա քեզի չար սատանա... Չես էր կշտանա՞ էրկու կտոր ուղեսեր: Երշիկ փրթեմ, տիր լավաշի մեջը, կեր:

– Լավ... Մե խաստ էլ տխի ճարթի:

Չաճաս սոխը չէր կտրատում, կլպում էր, ձեռքով ջարդում ու ուտում:

– Մե բաժակ էլ արաղ չլցե՞մ, խմես, իշտահո պագվի:

Ես սկսեցի կշկչալ: Չաճաս սոխ բերեց, ջարդեց, դրեց ափսեւի մեջ ու զնաց դեպի դուռը:

– Նստի՛, – ասացի ես, – պան տկի ասեմ:

– Իսազար գործ ունեմ, բեյբեյիկություն անելու վախտը չի:

– Կարևոր պան եմ ասելի:

Չաճաս նստեց:

– Չաճա, էն օրը, որ դվինցիները էլ իրեներ, մի լիքը թաս կավուրմա եքեր տրի տեմները:

Դվինցիները գալոյիս հարազատներն էին:

– Քանի խոզով եներ, ասա՞...

– Ռոմիկը, Արևիկը՝ Գայանեն, Ժասմինը, Դերենիկ ձաճան, Վալերը...

– Ապրես, Էդրանի խմար մե թաս կավուրմա ենքեր տրի, մկա ասածդ ի՞նչի:

– Մեր Քեղամը՝ Օնիկ հոպարի տղան, որ իկյալի ծեր տուն, էնենց քաշվածի, մինչև տասը անգամ չես ասելի, մե պանի ծեռ չի տալի, բայց դվինցիները ընենց են իրանցը պախելի, կասես՝ իրանց բարայի տունն ի...

Չաճաս մի քանի բոպե անշարժ հայացքով նայեց ու ասաց.

– Կարողի՞ տու էլ ես քաշված, չեմ իմանալի:

– Ես զարմանաս եմ...

– Աղջի, շկա՛ տու իմ ախպոր տղան ես, Ժասմինն ու Արևիկն էլ Մայրանուշի ախպոր տղներն են, ի՞նչ տարբերություն:

– Շատ մեծ տարբերություն... Ժասմինն ու Արևիկը յաղօղի են, Պողոյի Քեղամի թռնները չեն, որ ստաղան իրանցը ազատ զգան... Էնձի ասես են դոյնա վերց, մի քաշվի:

– Բը տու ի՞նչ ասիր...

– Ասիմ՝ կոնախը տուք եք, ես տկի քաշվե՞մ...

– Մկա տու ընձի կոխիր ես շիշը, ի՞նչ ես ուզելի ըզմեն:

– Կանոխ մեկ էլ օր, որ բիձայացար, իվանդացար, ես էլ տարցան բժշկուհի, ես եմ քեզի բուժելու, ոչ թե Ժասմինը: Քո հարազատը ես եմ, Ժասմինը չի:

Ձաձաս մի քիչ լռեց ու ասաց.

– Բայց ես ասիրեմ՝ Ժասմինն իմ հարազատնի՞:

Ես դուրս եկա ներքնահարկից ու գնացի մեր տուն: Մի կես ժամ չէր անցել, մեկ էլ ձաձաս կանչեց:

– Բալան, յար մայիսյան գիլաս քաղեմ, կեր, նուբարի...

Ես արագ ներս վազեցի, որ հագնեմ սամդալներս:

– Ձաձան ի՞նչն էր ասում, – հարցրեց պապաս:

– Ասում էր՝ մայիսյան գիլաս քաղեմ, կեր:

– Բայց մայիսյան գիլասը դեռ լավ չի հասել:

– Ասաց՝ նուբարի...

Մամաս տարակուսած նայեց պապայիս: Պապաս չնկատելու տվեց մամայիս հայացքը: Ես դուրս վազեցի: Ձաձաս թոնրատան մոտ ինձ էր սպասում: Ես թռչկոտելով առաջ ընկա: Ձաձաս սանդուղքը հենեց կեռասի ծառին, բարձրացավ, թասի մեջ մի քիչ կեռաս լցրեց, վրաց ու դրեց երկրորդ հարկ տանող աստիճաններին:

– Դը, կեր:

Ես նստեցի աստճանների վրա ու սկսեցի ուտել: Քիչ անց Մայրանուշ գալոն եկավ:

– Մե քիչ շատ քաղեսեր, մենք էլ ուտենք էր, էլը:

– Հը վախտը չի, լավ չի խասի, Էտան փատիկ էրեխա ի, մե քանի խատ տվիմ, նուբար արեց:

Ես կեռասները կերա ու վազեցի մեր տուն, որ մուլտիկ նայեմ: Մուլտիկ նայեցի, մեկ էլ Մոխրոտիկի մասին ռուսերեն ֆիլմ, ձաձաս նորից կանչեց: Մամաս ու պապաս ծիրանի ծառի տակ էին:

– Բալաս, կանոխ էթասեմ Էրեվան, քեզի ի՞նչ պերեմ դենան:

– Ոչ մի բան պետք չի, Վազգեն, – ասաց մամաս:

– Քեզի հարց տվի՞մ, – ձաձաս բարկացավ:
– Շոկոլոդի կարագ պեր, – ասացի ես:
– Առտուն, կանուխ էթալու եմ Էրեվան, կեսօրին կիկյամ,
խորոված կանեմ թոնդիրի մեջը:

– Էսօր արա խորոված, – ասացի ես:
– Էսօր դվինցիներն են իկյալու, թե չէ՛ ես քո խաթրը չեմ էր կոռի:
Ձաձաս գնաց: Մամաս պապայիս հարցրեց.

– Էս ի՞նչ էր, Հայկ:
– Ի՞նձ ես հարցնում, – ասաց պապաս ու գլխով ցույց տվեց ինձ:

Քիչ անց դվինցիները եկան: Մեծ խմբով: Մի լիքը մեքենա դվինցի՝
Մայրանուշ գալոյի եղբայրը՝ իր երեխաների հետ: Ձաձաս մտքից ինձ
կանչեց: Պապաս ու մամաս ինձնից շուտ տնից դուրս թռան:

– Յար, մտով կարմիր լոբի կեր, սոխ եմ ճարթի հատուկ քո խմար, –
ասաց ձաձաս, – արդեն սեղան ենք նստելի, շիշոտ:

– Շորերդ փոխի՛, – ասաց մամաս: Ես կարմիր պտերով վելվետե
խալաթս հանեցի, փոռիկներով զգեստ հագա, մամաս մագերս
հյուսեց, ու էդպես գուզված-գարդարված գնացի ներքնատուն: Հենց
ներս մտա, հորեղբայրս ասաց.

– Մե շկացե՛ք՝ իշքան խորոտ էրեխա ի, պեսը չկա, տոշնի նանաս
ի: Մե խնձոր կիսած:

Ես ուզում էի տեղավորվել թախտի ծայրին, ձաձաս չթողեց:

– Ռաֆո՛, մե յե՛լ տեղերեդ, թող էրեխան իկյա, նստի կոդս:

Ռաֆոն տեղից վեր կացավ, ես նստեցի աթոռին, Ռաֆոն
դվինցիների հետ խցկվեց թախտի վրա:

Երբ ճաշը վերջացրինք ու դուրս եկանք բակ, Մայրանուշ գալուս
ձաձայիս ասաց.

– Յե՛լ, մայիսյան գիլաս քաղի, ուտենք:

– Մայիսյան գիլասի վախտը չի, – ասաց ձաձաս բարկացած, – հլը
չի խասի: Որ դվինցիները մայիսյան գիլաս չուտեն, ես կխռովեմ:

Հետո գլուխն իջեցրեց ու կամաց ասաց ինձ.

– Քեզմե սևակ ոչ մեկի խմար գիլաս չեմ քաղի:

Մայրանուշ գալուս վախեցած նայեց շուրջը, որ տեսնի՛ հո մարդ
չսե՛ց:

Երեկոյան, երբ ընթրում էինք, պապաս հարցրեց.

– Էսօր ձաձան արտակարգ սիրալիք էր քո հանդեպ, բա՞ն էր եղել:

– Չէ՛, – ասացի ես, – ոչ մի բան:

Ո՞վ անկյուն կանգնելու հավես ուներ:

Նանին մեր ազգականն էր, մեկ-մեկ ես, մամաս ու պապաս գնում էինք նրա տուն: Պապաս ասում էր.

– Ուրբաթ կգնանք, կիրակի իրիկունը հետ կգանք:

Ես ու մամաս գլխով էինք անում, բայց երեքս էլ գիտեինք, որ գործը երեք օրով գլուխ չէր գալու, Նանին ամեն օր ասելու էր.

– Էսօր էլ մնացե՛ք ու վերջ:

Ու էդ էսօրը կրկնվելու էր առնվազն տասը օր:

Նանին թմբիկ, սիրուն տատիկ էր, մանր ծաղիկներով գլխաշորը ծնոտի տակ կապած, երկար փեշերով զգեստի վրա՝ դեղին գոգնոց, որից միշտ կովի ու կաթի հոտ էր գալիս:

– Եթե հոտից զզվում ես, զոգնոցս հանեմ, – ասում էր Նանին:

– Չէ՛, չեմ զզվում, – ասում էի ես, երբ Նանին գրկում էր ինձ ու չմփալով համբուրում այտերս:

– Թռռն այ՛ էս տեսակ կլինի, – ասում էր Նանին՝ ինձ սեղմելով կրծքին, – բերանը՝ կաթոտ, ձեռքի մեջ՝ զատիկ, ճիճու ու մողես...

Նանին մենակ էր ապրում, տղան Ուուսաստանում էր: Ասում էին՝ դղյակներ ունի այնտեղ, Նանին խնդրում է իր մոտ տեղափոխվել, բայց Նանին չի ուզում, ասում է՝ տնիցս դուրս գամ, մի տարի չեմ ապրի:

Նանիի թոռները՝ Ալեքսն ու Մաշան ռուսերեն էին խոսում Նանիի հետ, երբ ամեն տարի 20 օրով գալիս էին գյուղ: Ու զզվում էին կաթից: Ասում էին.

– Օյ, նենագու, նասիտ ետոտ զապախ...

Մենք խառում էինք այգում, ու Մաշան բարձրաձայն լալիս էր, երբ տրակտոր խոտը կաչում էր գուլպայից:

– Կծեց, – ասում էր ու սկսում էր հեծկլտալ:

Եր՛նո, – հարցնում էր Ալեքսն ու վազում էր մորը կանչելու:

Տանյա տոտան սպիրտով ախտահանում էր Մաշայի ոտքը:

– Խոտը ո՞նց կկծի, – զարմանում էի ես:

Պապաս Մաշային Մարիամ էր ասում, Ալեքսին՝ Ալեքսան: Որովհետև նրանց իսկական անունները այդպես էին: Ու երբ Տանյա տոտան զզվանքով ցույց էր տալիս ափիս մեջ կծկված մորեխին ու ասում էր.

– Գայսի՛, շոտ տի դելանեշ, ա՛:

Մամաս դիտողություն էր անում Տանյա տոտային:

– Գայա մի՛ ասա, Գայանե/ ասա, նախ Գայանե շատ սիրուն է հնչում, երկրորդ՝ Հայկի մոր անունն է ու չի կարելի աղավաղել...

...Այդ անգամ մենք Արևի խանութից երշիկ, շոկոլադ, լոխում ու տորթ առանք Նանիի համար, Համլետի խանութից՝ ծաղկավոր շարֆ, հետո նստեցինք Նորիկ ձաձայի մեքենան ու գնացինք Նանիենց տուն:

Հենց ես տեսա ընկույզի մեծ ծառն ու դեղին վարդերը, հասկացա որ հասնել ենք: Իսկ երբ մեքենան կանգնեց, ինչպես միշտ առաջինը դուրս թռա մեքենայից ու վազեցի ներս: Նանին գրկեց ինձ, համարուեց այտերս ու ասաց.

– Թողան համը քեզնից եմ առնում:

Քիչ հետո նա իր ձեռքով ոչխարի քաղցր մածուն էր ուտեցնում ինձ: Մեղրով քացրացրած: Անթրջել լավաշը մտցնում էր քաղցր մածունի մեջ ու փոքր պատամներով դնում բերանս: Երբեմն Նանիի փշփշոտ հաստ մատը կաշում էր երեսիս ու մի քիչ ճանկոտում էր թուշս, բայց ես ոչինչ չէի ասում:

Հաջորդ օրը լուսաբացին, երբ արևը ընկավ դեմքիս, խտղտեց աչքերս, ես արթնացա, հագա կապույտ հողաթափերս ու գնացի գոմ, որովհետև այդ ժամին Նանին միշտ գոմում էր լինում: Մտա գոմ ու կանգնեցի մնացի շենքին. Պեժիկ կովի մոտ մի փոքրիկ հորթուկ էր պառկած: Ես հիացմունքից մի պահ կորցրի խոսելու ունակությունս: Հորթուկը բաց շագանակագույն էր, իսկ ճակատին ափսեի չափ մեծ սպիտակ նշան կար: Աչքերը նշաձև էին, թարթիչները՝ երկար ու թաց, ասես՝ հենց նոր լաց էր եղել:

– Էս ո՞վ է, հարցրի Նանիին՝ աչքս հորթուկից չկտրելով:

– Բժո Պեժիկը, – ասաց Նանին, – Պեժիկ կովի տղան է, նոր է ծնվել:

– Մերն է, – ամեն դեպքում ճշտեցի ես:

– Մերն է, – ասաց Նանին:

Ես մոտեցա հորթուկին ու նստեցի դարմանի վրա: Ինձ տեսնելով՝ հորթուկը շարժեց գլուխն ու փորձեց ոտքի կանգնել: Սկզբից բարձրացավ հետևի ոտքերի վրա և հետո փորձեց ձգել առջևի ոտքերը, բայց չկարողացավ. ոտքերը ծավեցին: Ու մնաց այդպես՝ հետևի ոտքերը՝ ձիգ, առջևինը՝ կիսածալ: Այնքան ծիծաղելի տեսք

ուներ, որ ես չկարողացա զսպել ինձ ու բարձրաձայն կշկշացի: Հորթուկը վիզը ծռեց ու այնպիսի հայացքով նայեց վրաս, որ ես ամաչեցի: Ու անմիջապես լրջացա:

- Օգնե՛մ, – հարցրի Նանիին բարձրաձայն, որ Պեծիկն էլ լսի:
- Չէ, ինքը ինքնուրույն կքայլի, ձեռք չտաս, – ասաց Նանին:
- Ինքուրույն չի կարող, – առարկեցի ես:

– Եթե քեզ խելոք չպահես, գոմից դուրս կանեն, – սպառնաց մայրս, որ քիչ առաջ էր գոմ մտել ու նայում էր մեզ: Ես նայեցի հորթուկին ու թոթվեցի ուսերս, իբր՝ ինքդ էլ ես տեսնում. ես մեղավոր չեմ, մաման չի թողնում օգնեմ: Հասկանալով, որ հույսը պիտի վիայն իր վրա դնի, հորթուկը մի անգամ էլ փորձեց ձգել կիսածալ ոտքերն ու երերալով կանգեց... Ոտքերն անկանոն չռած Բժո Պեծիկը ճոճվում էր անօգնական, բայց արդեն ոչ թե իմ ծիծաղը էր գալիս, այլ լացը. այնքան մեղք էր: Իսկ մոր հեշ պետքն էլ չէր, պատկել էր փորի վրա ու չոր խոտի մեծ փնջեր էր ծամծմում:

– Սա չի՛ կարող իր տղային օգնել, – հարցրի մորս՝ մեծ Պեծիկին ցույց տալով:

– Չէ, պիտի ինքուրույն քայլի: Օգնելով չի, – պատասխանեց Նանին:

Մայրս քիչ հեռու պատի մակ դասավորում էր փոցիսը, բահը, ուրազը, աչքը ինձնից չկտրելով, իսկ ես հետևում էի հորթուկի անվարժ շարժումներին ու շատ էի ուզում օգնել նրան: Բայց քիչ անց Նանին ու մամաս դուրս եկան գոմից ու դուռը փակեցին: Այդ օրը ես էլ չտեսա Բժո Պեծիկին:

Գիշերը պապաս քնելուց առաջ մի պատմություն պատմեց իր մանկությունից:

«Դու գիտես, որ երբ ես փոքր էի, մենք ոչխարներ ու կովեր ունեինք: ...Արդեն մթնում էր, երբ սովորականի պես չարդախից լսվեց Ջեյրանի բառաչը: Մայրս լարվեց:

– Էս իսի՛ է ոռնում, – ասաց ու ամանների սրբիչը թախտին նետելով՝ արագ դուրս եկավ խոհանոցից: Ես էդ ժամանակ ռեհան ու հորած պանիր էի լցնում լավաշի մեջ իմ ցածրիկ սեղանի վրա:

Բրդունը դրեցի սեղանին:

– Ձեռք չտաս, – մատս թափ տալով՝ սպառնացի Տուզիկին ու պոկվեցի մորս հետևից:

Նախիրը կուշտ ու հոգնած իջնում էր փողոցով, Ջեյրանը կանգնել էր չարդախի դռան մոտ՝ վիզը ծուռ, ու ներս չէր մտնում:

– Բժոն ո՞ր է, – գոռաց մայրս՝ Գայանե տատդ, ու այնպես նայեց Ջեյրանին, ասես՝ Ջեյրանը ուր որ է պատասխանելու էր մարդկային լեզվով:

...Բժո Ջեյրանը չկար:

– Էս ապուշը Բժոյին թողել է դաշտում, մենակ եկել տուն, – ճչացի ես ու քացով խփեցի Ջեյրանի ոտին:

– Մեղք է, մի արա, – ասաց մայրս ու արագ քայլեց նախրի հոսքին հակառակ:

Եղբայրներս ու հայրս կակոյենց տանն էին: Ես ճեղքեցի նախիրն ու կովերին էս ու էն կողմ հրելով՝ վազեցի դեպի կակոյենց տուն: Երբ շնչակտուր ներս ընկա օթախ, հայրս՝ Գեղամ պապադ, կենաց էր ասում՝ բաժակը գլխից վեր պահած:

– Բժոն կորել է դաշտում, – ճչացի ես ու սկսեցի լաց լինել: Լացը, որ հավաքվել էր կոկորդիս տակ, հանկարծ դուրս պրծավ... Հայրս բաժակը դրեց սեղանին ու առանց բառ ասելու նետվեց դեպի դուռը: Եղբայրներս՝ Վազգեն հորեղբայրդ, Օնիկ հորեղբայրդ, կակոս, կակոյիս տղաներն ու կինը հետևեցին նրան: Երբ բոլորս վազելով հասանք տուն, նախիրն արդեն գնացել էր, նախրապան Միմոնը մորս հետ կանգնել էր չկնչխկանի վրա ու ինչ-որ բան էր կմկմում:

– Ես տսամ՝ ոտ-ոտ իկյաներ... իշթար փախավ, չիմացամ...

Մերոնք՝ ամեն մեկը մի-մի լապտեր վերցրած՝ սլացան դաշտի ուղղությամբ: Ես էլ հետևեցի:

– Կո՞ղս կայնի, – ասաց Վազգեն հորեղբայրդ, երբ հասանք դաշտ, – Բժոյին գիտնենք, մկա էլ տու կորես...

Դաշտը մութ էր: Խաղողի կանաչ վազերը սև էին, խոտը սև էր, ու կանաչում էին միայն այն ժամանակ, երբ հորս կամ կակոյիս տղաների լապտերի լույսն ընկնում էր վրան:

Մերոնք կանչում էին Բժո՛ Ջեյրան՛, Բժո՛ Ջեյրան՛...

Նրանց ձայնը արձագանքում էր դաշտով մեկ, միանում ծղրիղի ավոցին, մարդկանց ոտնաձայններին ու Բողարի խոչոտ հաչոցին:

– Կարող ի կելն ի կերի, – ասաց կակոս: Ու իմ սրտի մեջ ինչ-որ բան փլվեց: Ես արդեն չէի ամաչում իմ արցունքերից ու հեծկտում էի բարձրաձայն: Բոլորը գիտեին, որ Բժոն իմ փոքր ախպերն էր, իմ ամենալավ ընկերը, իմ ամենասիրելին...

– Բժո՛ Ջեյրա՛ն, Բժո՛ Ջեյրա՛ն, – կանչում էի ես լացախառն, ամբողջ հոգիս դրած ձայնիս մեջ: Մեկ էլ մի բան կատարվեց, որը միայն ես տեսա: Փշատի ծառի մոտի մեծ փոսի միջից Բժոն վեր բարձրացավ՝ լայն թևերը թափահարելով: Նրա թիկունքին թռչունի ահռելի թևեր էին անել: Ես վրա պրծա, գրկեցի Բժոյին ու սկսեցի պաշպչել նրա սպիտակ ճակատն ու սառած դունչը: Երբ մերոնք հավաքվեցին, ես ուզեցի բոլորին ցույց տալ Բժոյի թևերը, բայց դրանք անհետացել էին:

Մենք ուրախ-ուրախ, ասել-խոսելով եկանք տուն: Օրվա հերոսը ես էի: Ու որպես պարգև՝ մի մեծ բաժին հավվա ստացա քնելուց առաջ: Բաղք, բերանիդ մեջ հավվոդ տաք հավվա»:

Պապաս պատմել-վերջացնելուց հետո փակեց աչքերն ու քնած ձևացավ: Նա միշտ այդպես էր անում, որ հարցեր չստան ու քնեն:

...Հաջորդ օրը, երբ ահագին սիրել էի Բժո Պեծիկին ու Նանիի գրկին նստած սառը կաթ էի խմում՝ վրան կարագ քսած լավաշով, հարցրի մամայիս.

– Եթե մեկին շատ սիրես, հնարավո՞ր է, որ նրա մեջքին թևեր անեն, ու նա թռչի:

Մայրս սկզբում նայեց զարմացած, կկոցեց աչքերը, հետո ժպտաց:

– Հնարավոր է:

* * *

Քանի դեռ մամաս չէր կանչել՝ արի, հաց կեր, սով չէի զգում, բայց հենց կանչեց, ստամոքսս ճմվեց: Ես էդ ժամանակ Արփո տատիի թոռան՝ Գալյունայի հետ հորեղբորս դռանը գնդակ էի խաղում:

– Արի գնանք մեր տուն, հաց ուտենք, Գալյունա, – ասացի:

– Չէ, – պատասխանեց Գալյունան, – ես սոված չեմ, դու գնա, ես մենակ կխնդամ, մինչև կգաս:

Երբ մտա խոհանոց, մամայիս ու պապայիս ձայները լսեցի կուրասարահից. ինչ-որ բան էին խոսում ոգևորված: Թավան բացեցի, մեջը բրնձի փլավ էր: Մտածեցի՝ ավելի լավ է շաքար-չորաքի ուտեմ: Սպիտակ պահարանի դարակը նոր էի բացել, որ շաքար-չորաքի վերցնեմ, մեկ էլ լսեցի իմ անունը: Մամաս ասաց.

– Հայկ, չե՛ս նկատել՝ գրական խոսելիս Գայանեն մեղմ է, հանգիստ, հենց անցնում է բարբառի, լրիվ ուրիշ մարդ է դառնում, ագրեսիվանում է...

– Բարբառն ի՞նչ կապ ունի, այ՛ Սիլվա ջան, – ասաց պապաս, – ես շատ գնահատում եմ քո նրբանկատությունը, բայց եթե ինչ-որ բան ես ուզում ասել, պարզ ասա, հասկանամ: Հեռվից մի արի:

– Դե, բարբառը հիմնականում հորեղբորից է սովորել ու հորեղբորն է կրկնօրինակում, ի՞նչ ասեմ:

Պապաս սկսեց քրքշալ:

– Հայկ, մի ծիծաղիր: Գայանե էն օրը ասում էր՝ սաղ աշխարհին ձաձաս ի խելք ուսուցելի:

– Ո՛ւմ էր ասում:

– Արշալույս տոտան ու Վազգենը վիճում էին, խառնվեց դրանց խոսակցությանը, Արշալույս տոտային ասաց.

– Չաձայիս խրատեսե՛ս, չխասկացա՛մ, սաղ աշխարհին ձաձաս ի խելք ուսուցելի:

Մամաս բոլոր բառերը ճիշտ ասաց, բայց արտասանությունը ահավոր էր, կապ չունեի մեր բարբառի հետ: Պապաս ավելի բարձր ծիծաղեց: Մամաս ոգևորվեց.

– Երեկ էլ էն խեղճ Ռաֆոն իր համար նստած էր թոնրատան քարին: Գայանեն մոտեցավ, թե՛ Ռաֆո, շահել տղան օրը ցերեկով պարապ կնստի: Յե՛լ, մե պախը վեոց, քել Խբոյի Համոյենց պատի տակը փորի: Ուտելու վախտը լավ ուտեսեք, գործ անելու վախտը փախկվեսեք տոման քամակը...

– Սիլվա, երկու տարբերակ կա, կամ պիտի Վազգենի բնավորությունը փոխենք, կամ Գայանեին չթողնենք շփվի Վազգենի հետ: Երկու տարբերակն էլ անհնար է, հասկանում ես:

– Երրորդն էլ կա: Իր խոսես երեխայի հետ, բացատրես, ասես...

Ես արագ մի կտոր շաքար-չորաքի վեցրի ու վազեցի դուրս, քանի պապաս չէր սկսել հետս խոսել ու բացատրել:

Դուրս եկա փողոց, Գայունան այնտեղ չէր: Հետ եկա, մտա ներքնատուն: Չաձաս պառկած էր՝ աչքերը փակ:

– Քնա՛ժ ես, – հարցրի:

– Չէ՛, – ասաց ու բացեց աչքերը, – ճնջուղի նման թո՛ի, մե բաժակ սառը ջուր պեր:

Ես ծորակից մեծ այլումինե բաժակը պոնկեպոունկ լցրեցի ջրով, տվեցի ձաձային: Ամբողջը խմեց ու ասաց.

– Օխայ՛... Տղա յեսեր, թախմեր գոուզավիկի կուզովը, խեստ տանեմեր դաշտ...

– Դը, մորթի՛ր էլը, տղա՛ յլեսեր, հա տղա յլեսեր: Ի՞նչ անենք զարդեն, էթամ, ծիածանի տակով ըսնե՛մ... Մկա լավ կըլեր, որ Քաղցրոն տղա յլեր: Շորերդ վա՛վ էր լվալու, տունը վա՛վ էր հավաքելու, վա՛վ էր խացավորելու քեզի, որ Մայրանուշ գալոն տունը չըլեր: Տու ու տղներդ ուտեսեք, ջան չեք անելի ծեր քամակեն մե պան հավաքեք, ամանը տեմներդ բոթեսեք, էթասեք...

– Տու, որ ուտեսես, հավաքեսե՛ս քո քամակեն:

– Մկա փստիկ եմ, ճոչանամ, կհավաքեմ:

– Բը լեզուդ ինչի՞ փստիկ չի, Օնիկի Քեղամը ընձի խես ընտաց բոռալով կգուռցա՛, խազար տարի մնա...

– Տու ի՞նչ ես իմանալի, ես Օնիկի Քեղամի՞ն եմեր քյաշելու, թե՞ քեզի...

Չաճաս բարձրաճայն ծիծաղեց, հետո գրպանից սանր հանեց ու սկսեց մագերը սանրել:

– Սկի Նանայիդ չես քյաշի: Տես, ինչ տանկտիչնի ի: Մե խատ պատասխան չի տա, մե խատ ծենը չի պանցրցուցի, ընենց կամաց, կուլտուրականի գուրցալի, կասես Աստծո՛ւ կյառի, բայց իրա ասածնի անելի...Մե օրինակ պերեն: Ես անենեմ՝ խազալը մի լից բարայի պերանը: Ճուրը բրթելի, խազալը պերելի, լցելի մեր շիթիլների մեջը: Խազալը տար-տիր ծիրանի ծառի տակը, դադան էլ կվառես, ինչ կանես, տու գինաս: Մե բար չի պատասխանելի, ըտենց սուս կլոխը կախելի, էթալի..

– Որովհետև բարձրա ասիր՝ Վազգենը ինչ էլ կասի, սուս կմնաս:

– Բարադ ասիր՝ սուս կմնաս, բայց քո ասածը կանե՛ս...

– Չէ՛...

– Բը, որ ես Նանայիդ ասեսեմ՝ խազալը տիր ծիրանի ծառի տակ, ընչի՞ շլորի ծառի տակ տնելի:

Բայց քո խմար ի՞նչ տարբերություն՝ մեր խազալը նանաս վա՛ր ծառի տակ կտնի: Բարայի պերանեն քյաշիրի, չէ՞, էլ ճուրը չի քշի, պերի ծեր բախչան:

– Խա, քյաշիրի, բայց տադան մե նրբություն կա. ես ասիր եմ՝ ծիրանի ծառի տակը տիր, զինքը տրիրի շլորի ծառի տակը, որ իմ ասածով չըլի: Չնատ, նե գնալու....

– Չաճա, սկզբեն ծիրանի ծառի տակ էր տրի, ես եմ ասի, որ վերցի ծիրանի ծառի տակեն, ընձի խանգարեսեր:

– Խանգարեսե՛ր, բահո՛... Ի՞նչ ես էր անելի, որ խանգարեսեր:

– Ձաձա, չամչույս ծիրանի ծառենի կապած. ես դադան գնդակ եմ խաղալի, խազալը ինեյի ոտերիս տակը, գնդակը կպնեյի խազալին, ցփրտեյի...

Էդ պահին պապաս ներս մտաւ: Ես հիշեցի:

– Իգուր էլ պապաս ձեր էն բանը անձրևի տակ սարքեց... Էն ի՞նչն էր պայթել:

– Ճրի տրուբան, – հուշեց ձաձաս՝ հետաքրքրությամբ լսելով, թե ինչ եմ ասելու:

– Ջրի խողովակն էր պայթել, – ասաց պապաս, – ի՞նչ կա:

– Էն, որ անձրև էր գալիս, ու մաման քեզ ասաց՝ երեկ ամբողջ գիշեր մեջքդ ցավել է: Որ անձրևի տակ գործ անես, ավելի շատ է ցավելու, անձրևը կկտրվի, նոր կգնաս: Բայց դու մամային չստեցիր, եկար, ձաձայենց ջրի խողովակը անձրևի տակ սարքեցիր, մտար թաց փոսը ու ամբողջ գիշեր մեջքիդ ցավից չքնեցիր: Մաման էլ չքնեց...

– Գայանե՛, գնա խաղա, – ասաց պապաս:

– Յո՛ւրեւտեր, – հարցրեց ձաձան պապայիս:

– Ընկերներիցս մեկի տանը, – պատասխանեց պապաս, – բաղնիքն էինք սարքում:

– Գյա, չխասկացամ՝ ընգեր, ես ընգեր...Սաղ կեղը քո ընգերքե՛րն են, իշքան ալկաշ կա, խետը խմենեմ...

– Չէ, քո նման, մե ընգեր չունես, – ես պաշտպանեցի պապայիս:

– Գայանե՛, – աստեղ պապաս:

– Ընձի ընգեր պետք չի, իմ ընտանիքը, իմ հարազատները ընձի ընգեր են:

– Դար խմար էլ մե գործ ես անելի, ծեռ քցող չկա, սաղ մնալի բարայիս վրա: Իսկ բարաս, որ մե գործի անելի, խազար մարդ ի հավաքվելի կողերը: Տաս՛ր՝ իշթար

Աղվան ձաձան մեր տունը ռեմոնտ արեց ծրի:

– Գյա, տար կլոխը դմբուզիս չափի, էտ մտքերը դորե՛ն, տո՛ւք եք ուսուցելի...

– Վազգե՛ն, լավ էլի...

– Բարաս ինան Նանաս քեզի մենակ կյովասեն: Բայց տու սաղեն դժգոհ ես: Ընձմեն գժգոհ ես, Ուղոյեն դժգոհ ես, բարայես դժգոհ ես, Ռաճոյեն դժգոհ ես... Նանայիս էլ ասիր՝ տակտիչնի...

– Ինչ ասա՛ց, – պապաս ժպտաց:

– Չաճան մամային ասաց՝ տակտիչնի...

– Ձեր վեճի թեման ի՞նչ է, որ արդեն հասել եք մյուսներին, – հարցրեց պապաս:

– Բը ընչի՞ Օնիկի Քեղամեն դժգոհ չեմ, – ձաճաս հորս թողած ինձ պատասխանեց, – կայնի պատմեմ, լսի, թող փորիդ օձերը քեզի ուտեն: Քեղամին իրեք դադո ծնվիրեներ, մնացիրենքեր տղայի կարոտ: Յլանք կնացինք յոթ սրբի տուռ, ինգյանք Աստծու ոտենը: Աղաչանք արինք, մոմ վառինք՝ ընտենց չորեչոք, ուխտ արինք, Աստծուն ասինք՝ դու մեզի մի տղա տուր, մենք տար մագերը ժխտը տարի չենք կռի...

– Հա՛, պապ, – հարցրի ես: Պապաս գլխով արեց:

– Ես տեսել եմ Գեղամի փոքր ժամանակվա նկարները: Իմ նման՝ մագերը հյուսած է, վրան էլ ժապավեն կապած աղջկա նման: Բայց չգիտեի, որ դա կոչվում է ուխտ: Պապ, բայց Աստված պապիկի ինչի՞ն էր պետք Գեղամի երկար մագերը:

Պապաս շփոթված ժպտաց.

– Ի՞նչ իմանամ:

– Տաս՛ր չէ էդ մեյմունին՝ ինչ հարց տվեց, – ասաց ձաճաս:

– Ինձ համար էլ եք ուխտ արել, չէ՞, պապ, իմ մագերն էլ է երկար:

Պապաս ուզում էր պատասխանել, ձաճաս առաջ ընկավ:

– Ի՞նչ ուխտ, տու մագեր տվիր,.. Էն սհաթին ծնվար: Քո մագերը մկա ի երկարի, մոռացիրե՛ս, որ Ֆեդոն կրիտը քյաչալցուցեց, սարքեց սխտոր:

– Հա՛, պապ, – հարցրի ես:

– Մենք Աստծուն շատ խնդրել ենք, որ քեզ դնի կաղամբի մեջ, ուղարկի, պատմել եմ, բայց ուխտ չենք արել, – ասաց պապաս:

– Կարողի՞ ես խաբեսեմ, – ասաց ձաճաս, – համ էլ որ ուխտ անենք, աղջիկ կծնվեսե՛ր:

Ուխտ բառը լսելուց հետո ես մի բան հիշեցի:

– Պապա՛, մաման պատմում էր, որ ձաճան յոթ տարի է բանակում ծառայել, ճի՛շտ է:

Չաճայիս դեմքը բացվեց:

– Օխտը տարի ու կես: Երկու տարի ու կես ծառայիրեներ, կռիվն սկսվավ: Խինգ տարի էլ պատերազմի վախտ եմ ծառայի: Տու գինասես՝ ես հասարակ մա՛րդ եմ...

– Իսկ ճիշտ է, որ Գայանե տաստին ուխտ է արել, որ ձաձան ողջ-առողջ հետ գա բանակից, ինքը որտեղ էլ լինի, չոքեչոք գնալու է ձաձային առաջ:

– Բարայի՞դ ես խարցուցելի, ընձի խարցու, բարբաղ էն վախտ չոչ էր անելի, էնքան փստիկ էր, դորե՞ն հիշի:

– Ես քո խետը չեմ գուրցալի, – ասացի ձաձայիս ու պապայիս հարցրի, – պա՛պ, ճիշտ է, որ տաստին լսել է ձաձայի գալու լուրը ու դաշտից չոքեչոք եկել է ձաձային ընդառաջ:

– Հա՛, ճիշտ է:

– Պապա՛, որպեսզի դու ու մաման աղջիկ ունենայիք ու վանունը դնեիք Գայանե, ձաձան ոչ թե 7, այլ 70 սրբի դուռ պիտի գնար ու մոմ վառեր: Իսկ ձաձան էն օր քեզ ասում է՝ ընչի՞ ընձի պաք, տարը չտարաք յետ տներեր քյալամի մեջը: Բա կարելի՞ է մման բան ասել մեկի մասին, որը իր մահացած մոր անունն է կրում ու իր մորը նման է կիսած խնձորի պես...

– Յոթանասուն սուրբ դորե՞ն գիդնեմեր, – կմկմաց ձաձաս:

Ես առաջին անգամ նրան տեսա ամառնալիս: Էնքան շփոթված ու խեղճացած էր, որ մեղքս եկավ: Ես շքվեցի ու սուսուփուս դուրս եկա ներքնատնից: Էդ օրվանից Օծիկ հորեղբորս տղայի՝ Գեղամի խելորթության մասին խոսակցությունները ու, առհասարակ, տղայի գովքը ձաձայիս բերանից վերացավ:

ՄԵՐ ՍՐՏՈՒՄ ՍԵՐ ԿԱՐ

Ես հանգիստ եմ: Ասեա՛ սա իմ բնական վիճակն է, ու վաղուց գիտեի վախճանը: Ես փակված եմ վանդակում գիշատիչ գազանի պես: Մենք բոլորս փակված ենք մեր սարքած վանդակներում ու վերջապես բնությունը հանձնել ենք իր իսկական տերերին: Ես պթոռը մոտեցնում եմ լուսամուտին, նստում ու նայում եմ դուրս: Դիտում գարուն է: Պատուհանիս տակ ծաղկել է խնձորենին, բալենու վրա անհամար սպիտակ ծաղիկներ կան, քիչ հեռու վարդագույն դեղձենին է ու էլի մի ծառ՝ յասամանի կողքին, որի անունը չգիտեմ: Մեր շքամուտքի դիմաց, շենքերով օղակված այգում բազմաթիվ սաղարթախիտ ծառեր կան: Ու քանի որ մերձակա խանութը փակ

Է, այգու մեջ մարդկանց ոտնահետքերով բացված կաճանը կանաչել, ծածկվել է խոտերով: Չհասցրինք էդ կաճանն էլ ասֆալտել: Ոչ որ չի թքում խոտերի մեջ, նույնիսկ տաղավարում նարդի խաղացող տղամարդկանց աղմուկը չկա: Ու ծիտիկները չեն վախենում, հանգիստ քայլում են փողոցով: Արևի շողերը շուլալվել են ծառերի ճյուղերին, ծիկրակում են տերևների արանքից: Փողոցի շները ծուլ-ծուլ փովել են արևի տակ: Կատուները թառել են բազրիքներին, նույնիսկ՝ ծառերի ցածր ճյուղերի վրա: Նրանցից մեկը հասել է մեր երկրորդ հարկի պատշգամբ: Կատուները հանգիստ քայլում են շների մոտով, շները խաղաղ են, նույնիսկ չեն շարժվում կատուներին տեսնելիս: Ասես՝ մենք էինք խանգարում նրանց բարեկամությանը, երբ գգում էին իրար՝ առավոտ կանուխ կատառած ոռնալով ու աղիողորմ մկավելով: Եվ չէին թողնում քնենք:

Բայննու վրա լիքը գույնզգույն թիթեռներ կան, խնձորենու ամեն ծաղկի մեջ մեկական մեղու է հանգրվանել: Ես նայում եմ դուրս՝ օտարի նման: Սա ուրիշ աշխարհ է: Հանկարծ մի ծիրանագույն տատրակ մոտենում է պատուհանին, նստում ճաղի վրա ու նայում ներս: Այդպես ես կենդանաբանական այգում նայում էի վանդակում հետ ու առաջ քայլող վագրին:

– Ինչ կա, մարդ չե՞ս տեսել, – գոռում եմ ես: Տատրակը չի փախչում:

– Բարև, – ասում է:

– Էդ ե՞րբ ես խոսել սովորել:

– Ես միշտ էլ խոսել եմ, պարզապես, դու շտապում էիր ու չէիր լսում ինձ:

– Հիմա լիքը ժամանակ ունեն: Մենք փակվել ենք տներում, որ չոչնչացնենք միմյանց: Էս նոր թագավարակը...

– Թագավարակը նոր չէ, – ասաց տատրակը, – ու մարդիկ վաղուց են ոչնչացնում իրար:

– Էս թագավարակը նոր է ու չղջիկներից անցավ մարդուն...

– Այս վարակը մարդկային հոգում ծնվեց՝ չարության, ատելության, նախանձի, ստի, կեղծիքի, նյութապաշտության, քծնանքի տիղմի մեջ, ինչպես որդերն են ծնվում կեղտաջրերում: Հետո թագադրվեց, որովհետև դուք դրան ատելու փոխարեն մեկը մյուսին ատեցիք: Թագադրված վարակը արագ մեկից անցավ մյուսին, որովհետև չարությունը չարություն է ծնում: Վարակեց միլիոնավորների, միլիարդավորների...

Միլիոնավոր հոգիներ սպանեց: Բայց հոգու կարանտին չեղավ. ոչ մի տագնապ, ոչ մի արտակարգ դրություն, երբ ոչնչանում էր մարդկային հոգին: Մի օր էլ վարակը հոգուց անցավ մարմնին:

– Մի ժամանակ փողոց դուրս գալը, գործի գնալը, հարևանի հետ շփվելը անվտանգ էր...

Ինչ-որ տարօրինակ ձայն լսվեց. ոչ խշշոց էր, ոչ ծիծաղ:

– Էս ի՞նչ ձայն էր, – հարցրի ես տատրակին:

– Խնձորենին ծիծաղեց, – ասաց տատրակը:

– Դու վստա՞հ ես, որ նախկինում հարևանի հետ շփվելը կամ գործի գնալը անվտանգ էր մարդու համար, – ասաց խնձորենին իր ծառային ձայնով: – Քանի՞ սպի կա հոգուդ վրա, հաշվել ես. Ավելի շատ են, քան մարմնիդ վերքերը:

Ես չզփտեի՝ ինչ ասել... Հոգուս սպիները:

– Հա, հոգուդ սպիները՝ պատված վոեժի, չարության ու ստեղծության ժահրով:

– Դու սկսել ես նույնիսկ մտքե՞րս լսել, – հարցրի ես ծառին:

– Ես միշտ էլ լսել եմ մարդկանց մտքերը:

– Մարդը միակն է այս մոլորակի վրա, որը ոչնչացնում է իր տեսակը, – բզբզաց մեղուն:

– Մարդը միակն է այս մոլորակի վրա, որ վանդակ է սարքում իր համար, – երգեց թիթեռը:

– Մենք տուն ենք սարքում, ոչ թե վանդակ: Սրա անունը տուն է: Մենք ուզում ենք տանիք ունենալ մեր գլխավերևում ու հատակ՝ ոտքերի տակ... Մեզ վրա նոր մեղքեր մի՛ բարդեք:

– Աստված ընդդրս տանիք է տվել՝ երկինքը... ու հող՝ մեր ոտքերի տակ, – կռռաց կաչաղակը:

– Դուք վաղուց պետք է փակվեիք ձեր վանդակներում, – հաչեց շունը:

– Քանի դեռ չեիք հոշոտել իրար՝ մինչև վերջին մարդը, – մլավեց կատուն:

– Քանի դեռ չեիք ջնջել մեր մոլորակը, – ծվժվաց առնետը:

– Ինչո՞ւ եք եկել, հավաքվել շուրջս, – գոռացի ես: – Հեռացե՛ք ինձնից...

– Դու ինձ մի անգամ կերակրել ես, – ասաց տատրակը հանգիստ, – ու ես եկել եմ, որ օգնեմ քեզ:

– Երբ ես պատահմամբ մտել էի քո վանդակը, դու բացեցիր լուսամուտն ու ինձ բաց թողեցիր, – ասաց թիթեռը:

– Իսկ ինձ հանեցիր մեղրի բանկայից, – ասաց մեղուն:

– Երբ ես փոքր էի, տղաները քաշում էին պոչիցս, դու ինձ փրկեցիր, – ասաց շունը:

– Իսկ ինձ կաթ ես տվել, երբ հիվանդ էի, – ասաց կատուն:

– Չես թողել, որ կոտրեն ճյուղերս, – ասաց խնձորենին:

– Ես մտել էի ձեր տուն, բայց դու չսատկացրիր ինձ, – ասաց առնետը:

Հանկարծ ես լաց եղա: Արցունքերը չզիտես որտեղից խորտակեցին արգելքն ու դուրս թափվեցին: Ասես՝ կուտակվել էին ոնչ-որ տեղ ու դուրս պրծան հանկարծ:

– Եթե մարդկային ցեղը չփրկվի, նրանց, ովքեր կզան մեզնից հետո, ասեք, որ, այնուամենայնիվ, ինչ-որ լավ բան կար մեր սրտում... փոքրիկ մի բան:

– Լա՛ց եղիր, – ասաց տատրակը:

– Այստեղ, այս կրիչի վրա պատմություններ են մարդկային ցեղի սիրո, բարության, ազնվության մասին, – ասացի ես հեծկյտալով: – Սա տուր նրանց, ովքեր կզան մեզնից հետո ու կքանդեն բոլոր վանդակներն ու կապրեն ամպե ու աստղոտ տանիքի տակ, ոտքերով կշոշափեն իողն ու կզգան խոտերի թավշյա շոյանքը:

– Լա՛ց եղիր, – ասաց խնձորենին:

– Եվ կսիրեն այս մոլորակը, որ իրենց տունն է, – ասաց Թիթեռը:

– Եվ կսիրեն իրենց նմանին, – ասաց Մեղուն...

– Մենք նույնպես սիրում էինք... Իմ մեջ սեր կար: Երդվում եմ: Ես կարոտում եմ...

– Ռ՛ն ես կարոտում, – հարցրեց կաչաղակը:

– Հարազատներիս, ընկերներիս, փոքրիկ Արեգին ու ապակեպատ սրճարանները, երբ լուսամուտներից այն կողմ փողոցն ու մարդիկ կողքիդ էին... Ես կարոտում եմ ամենապարզ բաները: Մարդաշատ երթուղայինները: Մեծ խանութների անդեմ աղմուկը, իրար հրմշտելը հերթում... Ես ուզում եմ մոտենալ բալենուն ու չվախենալ կողքովս անցնող մարդուց: Ես ատում եմ սոցիալական հեռավորությունը:

– Մենք եկել ենք, որ քեզ օգնենք՝ փրկելու մարդկային ցեղը, – ասաց տատրակը:

– Պատվաստանյո՛ւթ, – հարցրի ես՝ արցունքներս մաքրելով:

– Չէ՛, – ասաց տատրակը:

– Դե՛ղ:

Իսնձորենին բացասաբար շարժեց ճյուղերը:

– Կրկնի՛ր մեզ հետ, – ասաց տատրակը, ու բոլորը միաբերան սկսեցին.

– Մի՛ սպանիր:

– Միրի՛ր մերձավորիդ:

– Մի՛ ստիր:

– Մի՛ գողացիր:

– Ուրիշի հետ վարվի՛ր այնպես, ինչպես կուզենաս, որ թե՛զ հետ վարվեն:

Նրանց ձայնը հետզհետե ահագնանում էր: Միլիարդավոր ձայներ էին միացել տատրակի ձայնին, ու հնչում էր տիեզերքով մեկ.

– Աղոթ՛իր թշնամուդ համար:

– Եթե երկուսն ունես, մեկը տո՛ւր չունեցողին...»

Ես բացեցի աչքերս: Գլուխս անուժ ընկած էր լուսամուտի գոգին, իսկ երեսս թաց էր արցունքներից:

Г А У Р К " М е д и ц и н с к и й У н и в е р с и т е т И . Г а с п р и н с к о г о "

СОДЕРЖАНИЕ

ՀԱՍՈՒՆ ՔՆԱՐ ЛИРА ЗРЕЛОСТИ

Вячеслав Егиазаров	6
Анатолий Мирзоян.....	22
Александр Склярук.....	37
Михаил Петросян	46
Станислав Ян	52
Рушан Пилосян	63
Вагаршак Мазлумян	75
Грачья Хачатрян	88
Татевик Азарян.....	98

ՆՈՐ ԶԱՅՆԵՐ НОВЫЕ ГОЛОСА

Айказ Хачатурян	102
-----------------------	-----

ՄԵՐ ՀՅՈՒՐԵՐԸ НАШИ ГОСТИ

Зара Назарян	112
Мариам Чайлахян.....	119
Гаяне Погосян	137

ГАУ РК "Медицентр им. И. Гаспринского"

ՂՐԻՄԱՀԱՅ ԳՐՈՂՆԵՐԻ ՄԻՈՒԹՅՈՒՄ
СОЮЗ КРЫМСКИХ АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ ՍՐՏՈՒՄ
РОДИНА В СЕРДЦЕ

ՇՆՄԱՆԱԽ

10

АЛЬМАНАХ

Редактор и составитель *Р. Пилюсян*
Корректор русского текста *В. Настина*
Художник *Г. Хачатрян*
Компьютерная верстка *А. Веселов*

Подписано в печать 12.08.2020 г. Формат 60x84¹/₁₆
Гарнитура «Peterburg». Усл. печ. л. 9,53. Объём 10,25 печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ № .

ГАОУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»
295048, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Трубоченко, 23-а.
E-mail: mediacenter2015@mail.ru
ОГРН 1159102113455

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
www.amirit.ru